

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

5

2015

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

5/2015

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. 3

СТАТЬИ

В.М. Фалин — «История — наилучший учитель, а мы — нерадивые ее ученики» 18

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Г.А. Гребенщикова — Иван Васильевич Гудович 35

ИСТОРИЯ ПОБЕДЫ

В.Н. Назаров — Организация железнодорожного сообщения в западных областях СССР в 1939—июне 1941 г. 50

А.А. Гордин, Г.В. Серебрянская, Н.В. Сакович — Горьковская область в годы Великой Отечественной войны 61

Е.А. Шендриков — Отчет М. фон Вейхса о действиях армейской группы «Вейхс» на воронежском направлении в июне-июле 1942 г. 73

СООБЩЕНИЯ

А.А. Вершинин — Франция и начало гражданской войны в Испании в 1936 г. 99

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

В.В. Кудряков — Образ Эдуарда IV в трудах Доминика Манчини и кройлендского анонима	113
---	-----

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

С.М. Гасратян — Отношения Израиля и Египта в контексте арабо-израильского конфликта	122
--	-----

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Л.Ю. Варенцова, С.Ю. Варенцов — Нижегородская центральная пересыльная тюрьма в 1860—1880-х гг.	139
--	-----

Н.Р. Славнитский — Рабочие российских губерний на строительстве Кронштадта	144
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

Д.Г. Давиденко — Награждение московских священнослужителей медалями Великой Отечественной войны в 1944—1946 гг.	151
---	-----

П.В. Густерин — Русскоязычная коранистика досоветского периода	160
---	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ

В.В. Тихонов — Д.А. Цыганков. В поисках московской школы историков. (Terra Europa: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века	167
---	-----

Т.Ю. Тимофеева — Б.Л. Хавкин. Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера	169
--	-----

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

С.Д. Половецкий — За научность и точность в исторических изданиях	172
--	-----

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г.

Тезисы

по докладу т. Климушкина о земельной политике ПСР

1. Пересматривая свою политику в земельном вопросе, мы должны, прежде всего, установить, что является определяющим нашу политику в области земельной и крестьянской — интересы ли страны или теоретические требования социалистической догмы, или же интересы крестьянства? И наконец — интересы настоящего или будущего?

Этот вопрос после большевицкого опыта с коллективизацией с.х. является законным и неизбежным. Отвечая на него, партия должна создать такие формы, которые являлись бы выражением жизненных потребностей деревни данного периода, и, сочетая интересы крестьянства с интересами целого государства, не находились бы в противоречии с идеалами социализма и не являлись бы реакцией против его прогрессирующих тенденций.

Трудовое начало, трудовое землепользование должны быть, как наиболее соответствующие интересам страны, безусловно руководящими и определяющими нашу практическую политику в земельном вопросе.

2. Формуле большевиков, выражающей их земельную политику: «опираясь на бедняка, нейтрализуя середняка, вести борьбу с деревенским «кулаком», за немедленную коллективизацию деревни» — мы должны противопоставить свою формулу: «свободный и равный труд в с.х. всех желающих трудиться на земле и полное право на продукты своего труда».

Этой формулой, объявляющей свободное и равное право на труд, партия тем самым устраняет большевицкий принцип «классовой борьбы в деревне» и определяет свою политику, как политику, опирающуюся на все трудовые элементы деревни, независимо от степени их зажиточности в данное время.

3. Аграрная проблема, стоящая в дореволюционное время перед партией с.р., в значительной мере разрешена современной властью в России. Изъятие земли из рук нетрудовых элементов и передача последней в руки крестьянства — свершилась. Земля, плохо или хорошо, но распределена между трудовыми элементами, и вопросы, связанные с этим, естественно, отпадают.

Но, с другой стороны, последние мероприятия большевиков в области аграрной, как то: коллективизация в деревне и прочее снова значительно осложнили аграрную проблему в России. Пролетаризовав значительные круги русского крестьянства и лишив его самого необходимого инвентаря, как живого, так и мертвого, большевики насильно придали русской аграрной проблеме новую фазу развития, и тем самым поставили перед будущим правительством новые проблемы, до сего времени не стоящие. Будущему правительству с неизбежностью придется принять наследство большевиков и долгое время, относительно, охранять тот порядок, который установился в русской деревне.

4. Появление на с.х. рынке трактора произвело в области русского хозяйства целую революцию. С.х. продукты пали в цене на 40—50% и продолжают все еще падать. Существующее примитивное русское хозяйство при данных условиях не только не в состоянии конкурировать с заокеанскими странами на международном рынке, но не в состоянии будет защитить свой внутренний рынок от наплыва иностранных продуктов. Задача страны, следовательно, на ближайшее время — поднять с.х. России на уровень европейского.

Исходя из этих практических требований момента, мы определяем ближайшую тенденцию в политике с.х.: если тенденция в с.х. предшествующей эпохи заключалась в том, чтобы охватить большие пространства земли, то тенденция наступающей эпохи и современной будет заключаться в том, чтобы охваченные земли усвоить и максимально использовать.

Отвергая большевицкие методы насильственной коллективизации деревни, но, являясь принципиально сторонниками коллективного хозяйства, строящегося, в свою очередь, на принципе добровольности, мы должны будем создать такие условия землепользования, при которых с.х. давало бы максимум продукции. Не разрушая коллективов там, где они налажены и желают продолжать свое существование, мы должны будем предоставить полную свободу тем силам, которые пожелают вести свое хозяйство в индивидуальном порядке, помня, что в области с.х., как и в других областях экономической жизни, одни формулы взаимоотношения сменяются другими постепенно, в порядке отмирания одних и вырождения других, т.е. в порядке эволюции.

5. Допуская индивидуальное хозяйство в деревне как переходную форму в с.х. и признавая его наиболее соответствующим данному психологическому и интеллектуальному состоянию крестьянства, ПСР должна, однако, стремиться к всемерному усилению во всех отраслях с.х. начала коллективного и кооперативного. Отсюда, естественно, наше положительное отношение к общине как к одной из форм коллективного хозяйства, если таковая не является задерживающей прогресса в с.х.

Признавая индивидуальное владение землей как переходную форму, мы должны, однако, раз и навсегда изъять землю из товарного обращения, как объект купли и продажи. Наилучшей формой землевладения в таком случае была мораториальная система, т.е. родовое владение до тех пор, пока владелец ее работает на ней.

Нетрудовое владение землей не допускается.

6. Организация с.х. кредитов, снабжение деревни с.х. инвентарем, всесторонняя агрикультурная помощь русской деревне, естественно, должны быть неотложной задачей государственной власти.

Т е з и с ы

т. Сталинского о социально-экономической политике Партии СР

1. ПСР с самого своего появления на исторической арене выступила с иным пониманием того, что называется «необходимыми историческими предпосылками социализма».

2. В противовес догме довоенного марксизма с его капиталистическим фатализмом и естественными фазисами развития, через которые невозможно перепрыгнуть, она выдвинула теорию активного вмешательства в исторический процесс для направления и ускорения развития.

3. В связи с этим с.-р.-ское мировоззрение определяло, как основную задачу, использование всех революционных возможностей для шага вперед в направлении конечного идеала, независимо от того, вмещается или нет данная совокупность мер в рамках капиталистического строя. В отличие от марксистов, с.р., верные духу своего учения, никогда себя такими рамками не ограничивали.

4. Эта исходная точка зрения, примененная к историческим особенностям России, и создала убеждение ПСР, лежавшее в основе всей ее деятельности, о возможности повернуть Россию на такой путь развития, на котором она не должна бы была пройти через фазисы капиталистического развития.

5. Исходя из этого убеждения, подтвержденного оценкой движущих сил революции, ПСР рассматривала русскую революцию не как буржуазную, а трудовую, обеспечивающую свободное преобладающее влияние труда на социальное строительство и создание условий, при которых развитие в России капитализма не могло бы дойти до своего апогея, и использование способностей к самостоятельному хозяйственному творчеству трудовых масс, как пролетаризированных, так и непролетаризированных.

6. Губительные результаты большевицкого опыта, которые ПСР предвидела с самого начала, никоим образом не могут служить опровержением правильности руководящих программных принципов ПСР, ни доказательством необходимости вернуться на путь развития собственного капиталистического хозяйства.

7. Банкротство большевизма явилось неизбежным следствием его утопической попытки осуществить программу пролетарско-индустриального социализма в непролетарской аграрной стране, чем роковым образом определились его диктаториальные методы в политике и хозяйстве.

Истощая безмерно земледелие во имя искусственной индустриализации, превышающей силы и возможности страны, большевики

расшатали самую основу народного хозяйства и загнали себя и Россию в глубокий экономический тупик...

10. Наряду с этим, вопреки их усилиям «переделать Россию» в соответствии со своими утопическими взглядами, внутреннее развитие страны совершилось по линиям, полностью оправдывающим с.-р.-скую концепцию, и тем самым начисто отрицающим планы и цели большевицкой диктатуры.

11. Россия стала еще более сельской страной, чем при самодержавии, деревня, слабо дифференцированная и до революции, теперь стала еще более однородной, и трудовое крестьянство, интересы которого всегда отстаивала партия с.р., сочетая их в своей программе с интересами городского пролетариата, составляет подавляющую массу населения страны.

В связи с ростом трудового крестьянства сохранилась и земельная община, которая для этого крестьянства является наиболее удобной привычной формой землепользования.

12. Помимо усиления прежних особенностей внутреннего строя России, из которых исходило с.-р.-ство, создались, в результате революции еще новые особенности, придающие этому строю еще более своеобразный характер.

Таковыми являются, с одной стороны, огосударствление земли, отсутствие в деревне земледельческого капитализма, т.к. все хозяйства находятся исключительно в руках мелких производителей-крестьян.

С другой, полное почти исчезновение буржуазии и наличие пролетариата, хотя и экономически эксплуатируемого и политически бесправного, но уже прочно свыкнувшегося с отсутствием социально главенствующего над ним капиталистического класса, и который едва ли примирился бы с перспективой возвращения к последнему, к полной власти в производстве.

13. При таких условиях программа восстановления в чистом виде капитализма в России коренным образом противоречила бы самим основам идеологии ПСР и ее историческим задачам, этой идеологией обусловленным. Принятие такой программы, глубоко чуждой всему духу революционного народничества и по существу ее отрицающей, означало бы фактически создание новой партии, ничего общего с ПСР не имеющей.

14. Отвергая программу восстановления в России капитализма, ПСР, вместе с тем, категорически высказывается против применения начал принуждения в экономической жизни, как противоречащего интересам здорового хозяйственного развития, так и правильно понятым принципам экономического социализма.

После ликвидации большевицкого строя ПСР должна будет поэтому добиваться упразднения всех форм такого принуждения, как в городе, так и в деревне.

15. Партия с.р. в борьбе против большевизма всегда выставляла требование раскрепощения производительных сил. Но для того, чтобы после ликвидации большевицкой революции обеспечить безболезненный процесс такого раскрепощения, надо будет исходить из данного, существующего, из такого наследства, которое останется от большевиков, лишь постепенно и осторожно преобразовывая эко-

номический строй, но упразднив основанную на принудительных началах хозяйственную политику большевизма.

Частному хозяйственному началу должна быть предоставлена свобода, но в рамках не капиталистического, а трудового строя.

16. Борясь в иных условиях, чем на западе, где социализм выдвигает непосредственной задачей ограничение исторически выросшего всевластия капитала, ПСР должна ставить себе целью создание в России таких условий, при которых капитал не мог бы достичь всевластия.

17. Тяжелое экономическое состояние страны, лишенной валютных и сырьевых резервов, огромные, десятилетиями накопленные ресурсы которой оказались развеянными по ветру большевицкими экспериментами, диктуют необходимость привлечения сотрудничества иностранного капитала, во имя поднятия ее опасно понизившихся производительных сил.

Современный капитализм, несмотря на усугубившиеся внутри его в повоенный период противоречия, расшатывающие его мощь и обрекающие его на все более частые и тяжелые кризисы, несмотря на огромный рост во всем мире рабочего и социалистического движения, захватывающего все новые позиции, все же обладает еще достаточной устойчивостью, не позволяющей поддаваться иллюзиям о неизбежности в ближайшем будущем мировой социальной революции.

ПСР должна будет стремиться к тому, чтобы сотрудничество иностранного капитала в России приняло формы, не нарушающие интересов свободного хозяйственного развития страны и было бы приспособлено к укладу трудовой экономической системы.

Такие формы могут быть обеспечены путем государственного контроля, так и путем образования смешанных обществ всякого рода.

18. Основываясь на исторических особенностях России, ПСР должна также учитывать и своеобразие ее экономической структуры, характеризующейся огромным перевесом деревни над городом, сельского хозяйства над фабрично-заводской промышленностью.

Это своеобразие диктует хозяйственную политику, преследующую поднятие, в первую очередь, базы российской экономики — земледелия, в связи с прогрессом которого создается почва для здорового индустриального развития.

Политика партии поэтому будет также ставить себе целью и полное раскрепощение труда в деревне, для всех слоев населения, обеспечение свободы хозяйствования крестьянству, упразднение системы чрезмерных налогов и поборов, превышающих платежные силы крестьянства и устранение «ножниц», искусственно создаваемой диспропорции между ценами на индустриальные изделия и сельско-хозяйственные продукты. Хозяйственные отношения между городом и деревней должны быть изменены на основе все большего приближения к трудовой эквивалентности между ними.

19. В соответствии с этим и в социальной области основное значение получают меры к усовершенствованию земельной общины, к содействию ее перехода к более высшим формам в соответствии с требованиями земледельческого прогресса, равно как и создание наиболее благоприятных условий для свободного, основанного на принципе добровольности, развития сельской кооперации, рост ее не только

вглубь, но и вширь, к такой эволюции ее, которая вела бы к постепенному кооперированию всех производительных процессов.

Органическое взаимное проникновение развивающихся общин и кооперации на фоне огосударствления земли — таков в земледельческой России путь к социализму, определяемый ее данными историческими условиями. Чем выше будут достижения здесь, тем более крупные шаги в сторону социализации производства и обмена станут возможными и для города.

20. При невозможности заранее конкретно себе представить то хозяйственное наследие, которое достанется новому строю и из которого придется исходить для построения реалистической программы экономической политики, сейчас возможно лишь наметить основные руководящие начала этой политики.

21. Сохранение верховных собственнических прав государства на землю и на недра ее (залежи каменного угля, металлов, минеральных богатств, нефтяных источников и т.д.), на железнодорожный и водный транспорт.

22. Сохранение в руках государства важнейших отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности, с постепенным переводом их на начала хозяйственного самоуправления, предполагающее участие в нем, помимо демократического государства, и представителей организованных потребителей и производителей. Отмена монопольного характера национализированной промышленности, за исключением случаев, когда сохранение монополии той или иной отрасли производства будет диктоваться фискальными и государственными соображениями.

Широкое рабочее законодательство, охватывающее все жизненные интересы рабочего класса, обеспечивающее подъем морального и культурного уровня его жизни. Демократическая промышленная конституция, определяющая права рабочего в производстве и охраняющая его достоинство, по образцу конституции политической, определяющей права граждан в государстве.

23. Наряду с этим, раскрепощение частной хозяйственной инициативы, предполагающей частную собственность на продукты своего труда, и вполне или отчасти (см. пред. §§) на средства производства.

24. Наконец, поощрение и содействие со стороны государства свободному развитию всяких коллективных форм собственности и обмена, как в городе, так и в деревне.

Все формы существующей в России кооперации должны быть раскрепощены и построены на началах добровольности, самодеятельности и свободного самоуправления. Государственная власть должна будет стремиться к созданию наиболее благоприятных условий для ее развития и, в меру своих возможностей, оказывать и финансовую поддержку ее хозяйственно здоровым и общественно полезным начинаниям и предприятиям.

25. Выдвигая свои программные требования, ПСР рассматривает их как элементы программы **п е р е х о д н о г о** **с т р о я**, могущего послужить мостом между отгнивающими старыми и нарождающимися новыми общественными формами.

Такой переходный строй предполагает экономическую систему, базирующуюся еще на денежно-рыночных отношениях, но в кото-

рых государственное, общественное и кооперативное хозяйство занимает крупное, все более расширяющееся место.

Наряду с ним в таком переходном строе неизбежно должны существовать и даже развиваться в некоторых областях капиталистические отношения. Их вытеснение без ущерба для всей национальной экономики представляется как сложный длительный процесс в результате укрепления и свободного роста государственного, общественного и кооперативного хозяйства, на почве общего экономического подъема страны и черпающего свою силу в превосходстве своих форм над формами индивидуально-капиталистическими.

26. К созданию переходного строя стремятся сейчас и социалистические партии всех передовых стран современности, видя в его осуществлении ближайшую цель своих усилий. В таком духе подверглись пересмотру после войны и программы-минимум большинства этих партий. Социализм, за исключением коммунистов, никем уже не рассматривается как скачок, как результат огромного социального землетрясения, сразу уничтожающего все старое и сразу же созидающего на его место новое.

В связи с этим сдана в архив и старая теория о невозможности проведения радикальных социально-экономических изменений до полного крушения капитализма. Социализм не мыслится теперь как результат длительной революционной эволюции, революционизирующей постепенно общественные отношения, поскольку прокатившиеся по Европе революции расчистили путь для такой эволюции от искусственных препятствий. Между капитализмом и социализмом лежат формы переходного строя, соответствующие результату, порожденному складу местных условий.

Отвергая восстановление капитализма в России и выдвигая программу переходного строя, соответствующего тем условиям, какие сложились в России в результате революции, ПСР идет в русле общей социалистической борьбы во всем мире.

27. Социально-экономическая программа переходного периода предполагает создание демократического режима, основанного на широкой политической свободе и народовласти, и в котором все слои населения, без всякого исключения, пользовались бы одинаковыми гарантиями и равными правами. Термин «трудовая демократия» отнюдь не означает «трудократию» или лишение политических прав той или иной категории граждан по классовому признаку. Под этим термином предполагается строй полной и совершенной, равной для всех демократии, но в котором труд в результате свободной борьбы на почве демократических учреждений завоевывает большинство и тем самым и направляющее влияние на руководство судьбами государства. Точно также современные западные демократии, где имеется налицо всеобщее избирательное право и парламентаризм, рассматриваются как буржуазные, потому что парламентское большинство и направляющее влияние в политике этих демократий принадлежит партиям, отстаивающим интересы буржуазных партий.

28. Ближайшей и основной задачей ПСР в настоящий момент является собиранье и укрепление своих собственных разрозненных сил и создание себе опоры в массах. Этой задаче коренным образом

противоречат попытки союзов и блоков с различными партийными эмигрантскими группировками за границей.

Для успешного выполнения указанной задачи ПСР должна выступать с неурезанной программой и совершенно самостоятельно, свободная от каких бы то ни было рискующих скомпрометировать ее в глазах трудовых масс коалиционных связей.

Для ПСР вопрос о коалиции является вопросом не принципа, а тактики, который может получить разрешение, положительное или отрицательное, лишь в зависимости от конкретных условий и требований политической обстановки и выявившегося взаимоотношения сил, действующих на арене борьбы.

При данном состоянии партийных сил и отсутствии в России свободной политической жизни, вопрос о коалиции жизнью не ставится и лишен какого бы то ни было реального значения.

Т е з и с ы

по докладу т. Постникова к национальному вопросу

1. Партия с.р. в основу своего мировоззрения положила признание самоценности человеческой личности, ее свободу и развитие. Этим партия признала и свободу национального развития. Национальная независимость есть только один из видов независимости личной.

2. Свой интернационализм ПСР никогда не понимала в смысле отказа от национального, как в отношении к русской национальности, так и в отношении ко всем другим национальностям. Наш интернационализм, «покоящийся на твердых национальных устоях и отвергающий, как ревниво обособляющийся национализм, так и всеобъемлющий космополитизм» (см. старые №№№ РР), понимается нами, как и всем II Интернационалом, в смысле совместного, добровольного разрешения международных вопросов политики и культуры.

3. В согласии с этим в партии никогда не было течения (поскольку течения проявляются в партийной литературе или на ответственных партийных собраниях), которое отрицало бы за народами, входящими в состав российского государства, право на самоопределение, вплоть до отделения и установления собственной государственной самостоятельности. Обязательным условием самоопределения народа ПСР всегда признавала свободное волеизъявление самого народа, отмечая случаи образования самостоятельных государств, как при помощи иностранного вмешательства (Украина в 1918 г.), так и в результате случайных обстоятельств гражданской войны (Дальневосточный Буфер¹).

4. Но как свободное и независимое существование личности по существу всегда относительное, поскольку человек живет в конкретных условиях, в обществе других людей, так и положение национальностей в различные исторические моменты определяется целым рядом обстоятельств. Как личность, являясь членом государства, отказывается от абсолютной своей свободы и независимости, так и разные соседние национальности в известные исторические периоды составляют единое многоплеменное государство, что вызывается хозяйственными, культурными и политическими интересами этих национальностей. Способ и формы образования этих многоплемен-

ных государств, как и способ образования вообще государства, находятся в зависимости от той или иной исторической эпохи и целого ряда обстоятельств. Образование Российского государства, в том виде, как оно существовало до 1918 года, нельзя объяснить только захватническими действиями Москвы и Петербурга, но и интересами самих народов, составляющих это государство.

5. В связи с этим до 1918 г. среди народов России не было сепаратистических стремлений, за исключением Финляндии и Польши, которые были захвачены Россией и лишены своей государственной самостоятельности, если не считать искусственного насаждения украинского сепаратизма Германией и Австрией во время войны. Учитывая все это, а также признавая, что интересы трудящихся и социализма требуют объединения и укрупнения, а не измельчения и обособления общественных и государственных организаций, ПСР никогда не стояла за расчленение России на ее составные части, но за устройство федеративной демократической республики, на равных началах для всех национальностей.

6. Позиция ПСР по национальному вопросу в решающий 1917 год была строго выдержана в духе ее программы. Речи ответственных ораторов и резолюции III съезда партии, статьи в центральном органе «Дело народа» и позиции министров-эсеров — являются подтверждением этого. Но, вместе с тем, партия в 1917 г. не опускалась до примитивного решения национального вопроса и, рискуя потерять в некоторых слоях свою давнишнюю популярность у различных угнетенных национальностей, отказывалась идти безоглядно навстречу всем неорганизованным центробежным силам. Наиболее характерным в этом отношении является позиция центрального органа ПСР «Дело народа» по украинскому вопросу, развитая в статье В.М. Чернова «Ложный вывод из правильной предпосылки» в № от 27 июня 1917 г.

7. Октябрьская революция и последовавшая за ней гражданская война, обостривши все вопросы современности, грубо, без соблюдения каких-либо демократических гарантий, разрешила вопрос национального государственного устройства народов России в виде создания СССР, что, несмотря на все несовершенства союзно-диктаторской большевицкой политики, послужило политическому, культурному и экономическому расцвету многочисленных национальностей.

8. В случае перехода СССР от режима диктатуры на положение демократического правового государства, где будет главенствовать трудовая, а не буржуазная политика, ПСР не может стать на вульгарную позицию в национальном вопросе, защищаемую Лигой Нового Востока, в смысле простого расчленения СССР и немедленного отделения ряда республик.

9. За исключением Грузии и лимитрофных отделившихся государств, еще ни один народ, из составляющих Россию, до сих пор сам не решал вопроса о формах своего сожителства с соседними народами. За него решали или немцы, или диктаторская советская власть, или вообще случайные обстоятельства гражданской войны. Поэтому в случае возбуждения подобного вопроса ПСР признает наиболее соответствующим демократической и социалистической политике свободное, всеобщее волеизъявление каждого народа в формах, гаранти-

рующих как предварительную свободную агитацию, так и свободное голосование, т.е. ПЛЕБИСЦИТ.

10. Так как вопрос о праве наций на самоопределение ПСР никогда не смешивала с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации, то при плебисците ПСР будет агитировать за федерацию или за государственное устройство типа приблизительно нынешнего СССР и бороться как против открытого расчленения СССР, так и против скрытого (конфедерация, вольный союз и т.п.). Всякое расчленение СССР наша партия с точки зрения демократии и социализма должна считать опасным как ввиду домогательства того же самого со стороны империалистических правительств, стремящихся через расчленение экономически поработить себе отдельные народы СССР, так и ввиду чисто буржуазно-национальных побуждений сепаратистов, идущих вразрез с интересами всех трудящихся на территории бывшего Российского государства (захват портов, недр земли и т.п.).

Тезисы

по докладу т. Кобякова к рабочему вопросу в России

1. Сложившееся в процессе революции и искусственно поддерживаемое большевиками соотношение социальных групп поставило пролетариат России в исключительно привилегированное положение в отношении остальных слоев русского народа.

2. Установленная компартией диктатура проводится ЦК этой партии именем и при активной поддержке значительной части рабочего класса; удельный вес и законодательство СССР обеспечивает за российским пролетариатом решающее значение в политической жизни страны.

3. Являясь основным и единственно ценным с точки зрения существующей власти классом, пролетариат России в меньшей степени, чем другие слои русского народа, чувствует на себе тяжесть режима — лишения элементарных гражданских прав и гарантий личности, экономические, бытовые тяготы и т.д.

4. Признавая за пролетариатом привилегированное положение, однако нельзя считать его настоящее положение удовлетворительным: в стране диктатуры пролетариата — пролетариат находится и в политических, и в экономических, и в бытовых условиях худших, чем пролетариат капиталистической Европы.

5. Прокламируемая программой ПСР и осуществляемая большевиками диктатура рабочего класса для переходного периода должна быть признана, как и всякая иная диктатура, не отвечающей духу демократического социализма. Что касается современного состояния России — наравне с пролетариатом равноценными ему социальными элементами должны [быть] признаны и другие существующие группы: крестьянство и трудовая интеллигенция. Исключительное положение российского пролетариата ненормально и наносит ущерб, как стране, так и самому рабочему классу. В задачу ПСР входит борьба и пропаганда в самом рабочем классе за отказ от эфемерных привилегий пролетариата в пользу гармонического представительства и влияния на жизнь страны всех существующих групп населения.

6. Утверждая солидарность интересов все трех основных групп населения, т.е. промышленного пролетариата, крестьянства и интеллигенции, ПСР должна стремиться к тому, чтобы в случае восстановления в России в каких бы то ни было формах частно-капиталистических отношений, перед трудящимися не затушевывались их задачи по борьбе с капиталистическими элементами общества.

7. Признавая классовую борьбу явлением закономерным и действующим общественному прогрессу, в то же время партия должна отказаться от разжигания классовой ненависти. Партия должна себе поставить задачей направить неизбежную классовую борьбу в русло культурных форм, в рамках законодательства, охватывающего и обеспечивающего все жизненные интересы рабочего класса.

8. Особое положение пролетариата России, где сплоченность и организованность возлагают на него большую и ответственную задачу по преодолению установленной его именем диктатуры ВКП, ни разрозненное крестьянство, ни терроризированная интеллигенция, ни порознь, ни вместе не способны победить режим Сталина. Решающее слово в этой борьбе населения с коммунистической диктатурой принадлежит промышленному пролетариату.

9. Проводимая большевиками индустриализация страны, вызывающая ненормальное напряжение всех сил, потребовала колоссальных жертв и со стороны рабочего класса. Мобилизация пролетариата и связанные с нею меры принуждения, низкая реальная заработная плата, не обеспечивающая прожиточного минимума, тяжелые бытовые условия влияют на создание недовольства существующим режимом и в среде рабочих. Все эти мероприятия большевиков подготовили почву для оживления пропаганды в рабочей среде идей демократического социализма.

10. В противовес большевицкой системы организации труда, в порядке мобилизации и принуждения, ПСР должна выдвинуть принцип личной свободы как выбора рода и места работы, так и свободы рабочих организаций по признаку профессиональному и иным.

11. Признавая целесообразность создания единой профессиональной организации рабочего класса, ПСР должна стремиться к тому, чтобы рабочие союзы были освобождены от опеки правительства и управлялись самими рабочими на нормальных демократических основаниях.

12. Практические мероприятия, частично проведенные большевиками по улучшению условий труда и участию рабочих в управлении предприятиями, равно как и меры социальной охраны рабочих, должны быть и впредь закреплены за пролетариатом в порядке законодательства, обеспечивающего подъем материального и культурного уровня пролетариата.

13. Численный состав пролетарской массы в России будет увеличиваться как за счет роста опролетаризированного населения городов, так и особенно приливом свободных рук механизированной деревни. Развивающаяся промышленность и иное строительство не в силах будут использовать массы рабочих рук, в большинстве своем необученных. Для борьбы с безработицей д.б. приняты меры к удержанию необученных рабочих рук деревни в с.х., с одной стороны, и с другой — к дальнейшему сокращению рабочего дня, запрещению сель-

ных и сверхурочных работ, к охране рынка труда от иностранных рабочих, к организации крупных общественных работ.

Т е з и с ы

по докладу т. Минахоряна по организационному вопросу

I. Конструкция ЗО ПСР

Загр. Орг. Партии СР состоит из: 1. Основных групп. 2. Съезда заграничных организаций ПСР. 3. Областного Комитета и 4. Центрального органа ЗО.

1. Основные группы

§ 1. Все товарищи, проживающие за границей, обязаны вступить в местные группы или ячейки на основаниях, установленных партией.

§ 2. Группы пользуются внутренней свободой в пределах общих положений программы и тактики в разрешении на местах вопрос[ов] и назревших задач. Все же выступления общеорганизационного характера происходят на местах с ведома и согласия ОК.

§ 3. Местные группы выбирают комитет, который руководит деятельностью группы на началах устава группы, утвержденного ОК.

§ 4. В своей деятельности комитет исходит из того положения, что всякая партийная работа группы должна протекать в организованном порядке, совершенно исключая возможности сепаратных выступлений, безответственной, личной или групповой политики и случайных выступлений от имени партии или группы.

§ 5. На всякое нарушение или невыполнение постановлений общего собрания членами группы комитет, по исчерпанию всех возможных мер воздействия, возбуждает вопрос об исключении из состава организации этих товарищей.

§ 6. Комитет входит в непосредственное общение с другими партийными организациями, ставит на обсуждение этих организаций общие и конкретные вопросы программы и тактики и, в свою очередь, переносит на обсуждение группы вопросы, возбужденные другими организациями.

§ 7. В целях содействия предначертаниям ОК, сверх предусмотренного уставом отчисления, комитет организует специальный сбор от товарищей в пользу ОК.

§ 8. Одной из неотложных задач комитета является выяснение настоящего представительства партии в Интернационале и той необходимой моральной поддержки, которую могут и должны оказать группы для восстановления представительства.

2. Съезд ЗО ПСР

§ 1. ОК созывает заграничный съезд ПСР, состоящий из представителей всех групп на началах, установленных партией в России и за границей.

§ 2. Съезд вырабатывает директивы, устанавливает тактические позиции ЗО и решает вопросы программного и тактического характера, возникшие в ЗО ПСР.

§ 3. Съезд избирает ЗОК.

§ 4. Съезд выбирает редакцию центрального органа ЗО, которая работает в контакте с ОК и несет ответственность перед съездом.

3. Областной комитет

§ 1. Деятельность ОК определяется нормальным уставом областных комитетов.

§ 2. Задачами ОК, помимо задач, присущих всей ЗО в целом, являются: а) установление общих организационных правил для местных партийных организаций за границей, б) определение общей линии партийно-политического поведения и деятельности заграничной части ПСР, в) наблюдение и общее руководство за партийно-политической деятельностью местных заграничных организаций ПСР, г) общее наблюдение и последующий контроль за деятельностью членов ПСР в их работе в общественных и культурных организациях за границей, д) установление и поддержание связи с партией в России, и) представительство заграничной части ПСР перед национальными социалистическими партиями и иными общественными и политическими организациями разных стран.

§ 3. Одной из основных задач ОК является подготовка третьего съезда ЗО, понимая в смысле предварительного обсуждения всех идеологических и организационных вопросов, составляющих программу съезда, через посредство местных конференций.

§ 4. Ввиду того, что в эмиграции имеется много товарищей «одиночек», разбросанных в разных странах света, которые, за отсутствием на местах пребывания ячеек или групп, лишены возможности связаться с центральными органами партии в общеустановленном порядке, ОК принимает меры для учета и использования сил этих товарищей на местах.

§ 5. Ввиду невозможности мириться с фактом лишения прав представительства партии в интернационале, ОК принимает меры для восстановления представительства впредь до окончательного разрешения спора между частями ЗД. Восстановленный в правах представитель партии ведет свою работу в Интернационале в контакте с ОК.

4. Центральный орган ЗО

§ 1. Основной задачей органа должно быть восстановление единого с.р. фронта за границей. В процессе совместной работы, с одной стороны, и согласования идейных разногласий, с другой стороны, орган должен способствовать сплочению отдельных групп и течений в с.р. эмиграции, потому он должен быть выявлением взглядов и настроений не одной только группы, а всей партии во всем многообразии ее течений.

§ 2. Устранение атмосферы взаимного недоверия и подозрительности среди членов партии, примыкающих к различным группировкам, развития сознания общности основных устоев миросозерцания, социально-политических и очередных задач политической борьбы в России, развитие воли и стимулов к совместной работе, забвение прежних разногласий, утративших реальное значение, развитие чувства связи с партией в России и ответственности перед нею — должны быть исходными началами деятельности органа.

§ 3. Очередные проблемы партийной мысли в сфере программы и тактики должны получать на страницах органа всестороннее освещение широким допущением дискуссии. Причем, говоря о дискуссии, следует резко отмежеваться от тех сугубо фракционных, а порою не товарищеских форм, которые существовали до сих пор.

§ 4. Выявление позиций партии по текущим вопросам Российской и международной жизни, правильная информация о событиях в России и по важнейшим вопросам практического строительства, а точно также информация России о социалистическом движении за границей, являются практическими задачами органа.

II. Задачи ЗО ПСР

§ 1. В своей деятельности ЗО ПСР исходит из признания подчиненного значения ЗО в отношении российской, как непосредственно воспринимающей российскую действительность, связанную с родной почвой. Но наличность целого ряда возможностей в эмиграции, отсутствующих в России, а также значительного числа квалифицированных работников партии, ставит перед ЗО не только задачу обслуживания российских товарищей, но и обязанность деятельной работы для восстановления партии в России.

§ 2. По существу эта работа заключается: а) во всемерной и всесторонней помощи работе российских товарищей средствами, литературой, в особенности популярными брошюрами, листовками и иными изданиями, освещающими текущие вопросы российской и мировой действительности, б) в обслуживании идейных запросов партийной мысли путем углубления партийной идеологии, пересмотра программы и тактики, разработки очередных вопросов государственного строительства, народного хозяйства, социальной политики и т.д., в) в правильной постановке информации заграницы о России и последней о заграничной жизни, г) в подготовке серьезных кадров партийных работников и необходимых специалистов по разным отраслям социально-политической жизни России — изучение теоретических вопросов, имеющих значение для предстоящей работы партии, д) в партийно-политической работе среди беженской трудовой массы, а также учащейся молодежи, путем пропаганды партийных идей, вербовки сочувствующих и новых членов, е) во всемерном обслуживании ЗОК в деле налаживания связи с Россией и постановки транспорта.

III. Общественно-политическая деятельность с.-р.-ов в эмиграции

§ 1. Признавая все ценности и значение общественно-политической работы с.-р.-ов в эмиграции, тем не менее, следует сказать, что чрезмерное увлечение ею отводит второстепенное место и значение партийной работе, а несоблюдение общих директив правомочных органов партии относительно этой внеорганизационной работы, лишает лика партию и вносит дезорганизацию в ряды ЗО ПСР.

§ 2. Признавая вредным для этой работы мелочную регламентацию, тем не менее, следует исходить из общих положений и постановлений съездов, советов и конференций, а точно также и высших органов партии, отрицающих целесообразность и указывающих на вред сотрудничества с недемократическими и несоциалистическими партиями, группами и течениями в эмиграции.

§ 3. В этом смысле прежде всего подлежит регламентации политическая акция отдельных с.р.-ов или групп, поскольку она ангажирует партию в целом. Для данного случая постановление первого съезда ЗО ПСР (№ 32 РР) следует признать удовлетворительным. Это постановление гласит: «с момента создания ЗО всякие сепаратные выступления отдельных групп или их членов от имени партии или ее местных учреждений или организаций, равно как и соглашения с

инопартийными группировками — прекращаются. В случае же выступления отдельных товарищей и групп, несоответствующего партийной линии поведения, ОК выступает вслед за такими выступлениями с заявлением, указывающим на то, что выступление сделано без правомочия партии и не соответствует ее точке зрения».

§ 4. Но ввиду того, что сотрудничество отдельных товарищей с недемократическими и несоциалистическими кругами, когда они ангажируют этим не партию, а только самих себя, на практике имеет точно такие же последствия, как и при ангажировании в целях партии, то необходимо, чтобы каждый член партии проводил в жизнь постановления правомочных органов не только в порядке формальном и общем, но и в личном и частном.

Примечания

1. Дальневосточная республика (ДВР) — государственное образование, существовавшее в 1920—1922 гг. на территории Забайкальской, Амурской, Приморской областей. Центр — Верхнеудинск, с октября 1920 — Чита. 15 ноября 1922 г. ВЦИК объявил ДВР частью РСФСР.

СТАТЬИ

«История — наилучший учитель, а мы — нерадивые ее ученики»

В.М. Фалин

«Наука начинается со смертью догмы». Это наизидание Галилео Галилея не замыкается на естествознании. Еще в большей степени оно относится к обществоведению. Предназначение исторической науки, ее гражданский долг — стоять на страже права стара и млада ведать правду о былом и настоящем, а именно: такую правду, которая ломит силу и очищает сознание от скверны. Никто не ставит под сомнение связь времен, но по причинам разного свойства за бортом остается взаимосвязь идей, определяющих родословную, или, по-иному, генетический код событий. Не станем углубляться в седую древность. Сосредоточимся на веке XX.

До сих пор толком не вычислен общий знаменатель процессов, приведших к первой мировой войне. Не только политики и публицисты, но и многие, казалось бы, солидные исследователи довольствуются видимой частью спектра. Любое упрощение, принятие за отправную точку в разбирательстве под заказ сформулированной схемы есть искажение истины, не познав которую, — сошлюсь на французского мыслителя Вовенарга, — мы будем витать над бездной. Это в арифметике от перестановки слагаемых сумма не меняется. В политике, однако, подтасовка дат, даже перестановка букв («эмская депеша») приводит нередко к смене румба государственных кораблей.

Легенда гласит: от руки Гаврилы Принципа 28.06.1914 г. погиб крон-принц Фердинанд, Австро-Венгрия вступила на тропу войны против Сербии, затем Вильгельм II объявил войну России и т.д. На деле же исходные планы войны против Сербии и ее защитницы России разрабатывались Берлином и Венной годами раньше. В июле 1914 г. император Вильгельм II писал своему венскому собрату о том, что рейх и Австро-Венгрия не должны повторить ошибок 1909—1913 гг., а, используя слабость России, а также Франции, придать событиям нужное течение. Рейхсвер был приведен в полную готовность еще в

Фалин Валентин Михайлович — доктор исторических наук.

марте, то есть за три с половиной месяца до выстрела в Сараево, чему есть неопровержимые доказательства ¹.

Как признавался британский премьер Ллойд-Джордж, крушение Российской империи решало одну из главных задач войны: Россия не сможет подняться с колен и не будет угрожать Британской империи. По этой причине Лондон отказался предоставить политическое убежище Николаю II и членам его семьи. Нет царя — отпадают обязательства Альбиона перед официальным Петроградом. А вслед за октябрьским переворотом и сменой социальных вех «демократы» разделили Россию на «сферы действий», под коим понимался ничем не ограниченный произвол.

Циничней других вел себя Вашингтон. Полковник Хауз записал: «Россия слишком велика и однородна, ее надо свести к Среднерусской возвышенности. Перед нами будет чистый лист бумаги, на котором мы начертаем судьбу российских народов». Соответствующая инструкция была дана делегации США на Парижской мирной конференции ².

Конференция подвела промежуточные итоги первой мировой войны. При нарезании победного пирога каждый из ведущих участников торжища старался отхватить кусок повесомей. Тайные замыслы и расчеты вышли наружу. Вашингтон впервые опробовал заявку на доминирующую роль в международных делах — не может быть равных среди неравных. Президент Вильсон перевел вульгарную формулу — кто платит, тот заказывает музыку — на политический язык: «Перед нами стоит задача финансировать весь мир, а тот, кто дает деньги, должен научиться управлять миром» ³. Эта претензия не нашла отражения в уставе Лиги наций, и Вашингтон предпочел остаться вне этой международной организации.

Версальский талмуд (440 статей), подписанный 28.06.1919 г., изначально не мог претендовать на миротворческую миссию. Вдумаемся в комментарий, которым сопровождал этот акт глава французского правительства Ж. Клемансо: «Этот договор, подобно всем другим договорам, является и не может не быть ничем иным, как продолжением войны» ⁴. По существу, это заявка на довершение недовершенного, объяснение тому, что роковые события 20—30-х гг. истекшего столетия, ввергнувшие человечество в пучину второй мировой войны, несут на себе родимые пятна первой мировой.

На взгляд маршала Фоша, подстрекателя большинства антисоветских диверсий, первая мировая война должна считаться проигранной, если она не закончится разгромом большевистской России. В унисон с ним рассуждали и американцы. 10 декабря 1917 г. госсекретарь Лансинг в записке Вильсону рекомендовал насадить в России военную диктатуру. Президент распорядился без промедления поднимать мятеж Каледина, Дутова, других казачьих атаманов против «большевистских узурпаторов». А если станет известно о поддержке мятежников, следовало валить все на Францию и Великобританию.

Как признает в своих мемуарах британский разведчик Б. Локкарт, у обывателей Москвы и Петрограда беспокойство вызывала не столько смена власти, сколько вылазки анархистов и криминальных элементов. Все переменялось летом 1918 г. с началом гражданской войны, к которой, — замечает Локкарт, — «мы приложили руку» ⁵.

Он невольно затронул основной вопрос: кто и как запалил братоубийственный пожар в России? Являлась ли иностранная интервенция эхом первой мировой или предвестником следующего глобального конфликта?

В 1918—1922 гг. в Советской России действовали 320—330 тыс. интервентов. Сколько людей полегло от рук иностранных карателей, не поддается подсчету. Масштаб преступлений иллюстрируют данные о расправах над неудобными — 40—50 тыс. замученных в концлагерях, устроенных на оккупированной российской территории.

Еще не успели просохнуть подписи под Версальским договором, как началось нарушение его статей. Польша отторгла у Веймарской республики Верхнюю Силезию с ее богатейшими угольными месторождениями, но гаранты версальского устройства безмолвствовали. Затем воинство Пилсудского, до зубов оснащенное трофейным германским оружием, ринулось в поход на восток, захватило Киев и собиралось двигаться в сторону Москвы, но было разбито. Со второй попытки были заняты западные области Украины и Белоруссии и Виленский край Литвы. Так материализовывался призыв У. Черчилля «окружить Советскую Россию кольцом бешено ненавидящих ее государств».

Представления Англии, Франции, США и Японии о мировом переустройстве, конечно, разнились, и не только в деталях. Париж полагал, что вызов его безопасности может быть снят с повестки дня, если население Германии «ужать» на 20 млн человек ⁶. Вашингтон, напротив, находил, что ни один немец и германский промышленный потенциал как таковой не будут лишними, если их удастся впрячь в русофобскую колесницу ⁷.

Первый контакт американцев с А. Гитлером состоялся в ноябре 1922 года. В беседе с помощником военного атташе США будущий фюрер заявил: «Если вы не хотите столкнуться с коммунистами на поле брани, поручите нам разделаться с ними». Эта тирада соучредителя НСДАП произвела впечатление на Вашингтон. С декабря того же года американская банковская группа Варбургов приступила к финансированию праворадикальных движений Веймарской республики.

В качестве опекуна американцы приставили к Гитлеру Э. Ганфштенгля, который в числе прочего помогал автору «Майн Кампф» в написании, а затем и публикации этой нацистской программы действий. Благодаря финансовым вливаниям, конечно не из личных средств Ганфштенгля, листок «Фёлькише беобахтер» превратился в общенациональный рупор. А под марши, музыку к которым сочинял этот способный выпускник Гарварда, шагали отряды СА. Отнюдь не случайно, что он стал иностранным пресс-атташе НСДАП и заместителем руководителя пресс-бюро в штабе Гесса. Ганфштенгль организовывал контакты Гитлера не только с видными немецкими политиками, но и с зарубежными деятелями, в частности, с семейством Черчилля. Таким образом, германский реваншизм взрастал не только на братании воротил американского и немецкого бизнеса ⁸.

Имеется достаточно причин утверждать, что повышенный интерес правящей верхушки США к немецким реакционным кругам сопрягался не в последнюю очередь с заключением Рапалльского дого-

вора (апрель 1922 г.) между Советской Россией и Германией, предусматривавшего незамедлительное установление в полном объеме дипломатических отношений, а также взаимный отказ от экономических и прочих претензий. Напомню, что по Версальскому договору немецкие войска выводились со всех захваченных ими территорий, кроме Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы, где им вменялось в обязанность подавлять любую пророссийскую активность. Более того, предполагалось включить рейхсверовские контингенты в поход Авалова-Бермондта на Петроград, но официальный Берлин сумел уклониться от этого предприятия.

Рапалльский договор, прорвавший международную изоляцию России, стал не только результатом дипломатического искусства Г.В. Чичерина, но и расплатой англичан за высокомерие по отношению к веймарским руководителям. Пожалуй, не стоит говорить о причастности западных держав к убийству В. Ратенау, скрепившему своей подписью этот договор, но вряд ли кто оспорит, что рейхсканцлер Й. Вирт вскоре покинул свой пост под массивным давлением извне.

Развернулось выхолащивание де-факто версальского договора. В этом занятии Альбион повел собственную партию. По его инициативе в 1925 г. состоялась Локарнская конференция — во многом рубежная для последующего развития. Ее решения усугубляли пороки версальской конструкции, обещавшей некую благоустроенность на западе и простор для военно-политической нестабильности на востоке. Именно тогда лорд Бальфур ввел в оборот понятие «умиротворение».

Шеф британского Форин офис О. Чемберлен выдавал комплекс локарнских договоренностей за новый «священный союз», в котором Германии отводилась роль «бастиона западной цивилизации». Его немецкий коллега Г. Штреземан выражался прямолинейней: «В Локарно был взорван краеугольный камень всей версальской системы». Мина замедленного действия, подведенная под миропорядок, выдавалась за добродетель. Чемберлену, А. Бриану и Штреземану присудили Нобелевскую премию мира. Десятью годами позже Лондон и Париж назвали Локарно стратегической ошибкой.

Грозовые тучи заволакивали горизонт не только на западе. Сразу же после эвакуации японских войск с советского Дальнего Востока (1923 г.) военно-политическое руководство при участии императора Японии приняло решение готовить полномасштабное нападение на СССР. В том же году появился первый набросок соответствующего плана военных действий. Он предусматривал овладение Приморьем и наступление сухопутных войск на запад вдоль Транссибирской железной дороги вплоть до о. Байкал. Поводом к нападению на СССР называлась оккупация Маньчжурии. Эти идеи обрастали подробностями в «Меморандуме Танаки» и других частично уцелевших японских документах⁹.

18 сентября 1931 г. Токио вписал первую строку в военную летопись второй мировой. Малыми силами (14 тыс. военных) японцы напали на казармы китайских войск в Мукдене, Чанчуне и ряде других городов. Разведка боем оправдала себя: Чан Кайши призвал народ к «спокойствию» и приказал своей армии не оказывать агрессору сопротивления. На оккупацию Маньчжурии, превосходившей по территории Францию, ушло менее полугода. В марте 1932 г. японцы учредили марионеточное государство Маньчжоу-го — плацдарм для

движения на север против СССР, на запад против Монголии, на юго-запад против континентального Китая и сопредельных с ним государств. По сути, воспроизводился в расширенной редакции сценарий первой мировой войны, против которого в свое время предостерегали А.Е. Едрихин (Вандам), генерал-майор разведслужбы, Н.Н. Головин, генерал-лейтенант, профессор академии генштаба и А.Д. Бубнов, адмирал, военно-морской теоретик ¹⁰.

На Вашингтонской конференции (ноябрь 1921 г. — февраль 1922 г.) Лондон вынужденно отказался от принципа «двух флотов», по которому потенциал британского флота должен был превосходить суммарный потенциал флотов двух следующих морских держав. Соединенные Штаты уравнивались по составу и тоннажу боевых кораблей с Великобританией, Япония формально ограничивалась третьим местом. Обращают на себя внимание следующие моменты. Китай, отказавшийся подписывать Версальский договор, фактически был урезан в суверенных правах, согласно «трактату девяти держав». Этот договор (февраль 1922 г.) легализовал концепцию «открытых дверей» — формально для промышленности и торговли всех наций, а, по сути, при урезании численности китайской армии делал Китай уязвимым для японской экспансии.

Уже в 1923 г. Токио принял решение готовиться к захвату Маньчжурии и других китайских территорий и к войне против Соединенных Штатов, которые он рассматривал в качестве соперника. Судя по доступным документам, Британия не значилась в каталоге вероятных противников. Под нажимом Вашингтона Альбион уклонился от продления союзного договора с Японией, срок действия которого истек в 1921 г., однако взаимопонимание Лондона и Токио с антиамериканским оттенком и антирусской направленностью не прекращалось.

При обсуждении в Лиге наций требования Китая осудить японское вторжение в Маньчжурию именно правительство Англии взяло на себя роль адвоката агрессора. Британские «демократы» по сути саботировали рассмотрение «инцидента» и на созванной позже, после выхода Японии из Лиги, Брюссельской конференции. Их сердца не тронули даже такие злодеяния, как расправа над мирным населением в Нанкине (около 200 тыс. чел.) или уничтожение при осаде Шанхая 140 тыс. сдававшихся в плен китайских военнослужащих. Кредо британцев выразил лорд Ллойд: «Мы предоставим Японии свободу действий против СССР. Пусть она расширит корейско-маньчжурскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит к себе дальневосточную часть Сибири... Мы откроем Германии путь на восток и тем обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии» ¹¹.

30 января 1933 г. Гитлер был возведен в рейхсканцлеры. Вердикт Москвы — «Фашизм — это война!» — нашел конструктивный отклик в широких кругах Европы. Однако через шесть недель после воцарения Гитлера англичане вместе с итальянцами предложили ему заключить «пакт четырех» (Англия, Франция, Германия и Италия), согласно которому, этот квартет должен был вершить все европейские дела, не считаясь с интересами прочих стран региона и, прежде всего, СССР, а также США ¹².

Шквал возмущения и критики побудил поборников пакта «подредактировать» текст, после чего Соединенные Штаты назвали его

«добрым предзнаменованием». Французское Национальное собрание, однако, отказалось принять внесенный правительством документ к ратификации. Берлин это не обескуражило. Не без сочувствия Лондона он принялся реализовывать задуманное явочным порядком. Ровно два месяца спустя, 15 сентября, немцы ультимативно потребовали полного равноправия в области вооружений, а через четыре недели объявили, что покидают Женевскую конференцию по разоружению и Лигу наций. Гитлер мотивировал решение соображениями «чести» в ответ на попытки обращаться с «немецкой нацией как бесправной и второразрядной». Не теряя времени, нацистская верхушка приступила к материализации реваншистской программы, провозглашенной в «Майн Кампф».

1934 г. ушел на кадровую чистку госаппарата третьего рейха, вооруженных сил и информационной сферы. Тестировалась возможная реакция Англии, а также Италии на возрождение немецких военно-воздушных и военно-морских сил, запрещенных или крайне ограниченных Версальским договором. Претензии Берлина встречали у англичан понимание. Вместе с тем, попытки подвергнуть ревизии территориальное наследство Версаля пока не находили желанного отклика. Учиненный в июле 1934 г. пронацистский путч в Австрии осудил даже Рим. Итальянский посол предупреждал из Берлина, что покушение на Австрию — это прелюдия к захвату немцами Чехословакии.

13 марта 1935 г. Гитлер односторонним актом легализовал существование германских ВВС и спустя три дня объявил о введении в рейхе всеобщей воинской повинности. Запланированные 12 корпусов и 36 дивизий назывались «армией мирного времени». Общая численность регулярных войск возростала до 480 тыс. человек (против 100 тыс. военнслужащих, разрешенных в Версале)¹³.

На заседании британского правительства, состоявшемся 8 апреля 1935 г., после визита министра иностранных дел Саймона и лорда-хранителя печати Идена в Берлин, нацистские акции были приняты к сведению, а про себя консерваторы условились: Англия не станет брать обязательств «не допускать нигде нарушения мира»¹⁴.

18 июня 1935 г. было подписано англо-германское морское соглашение. Заявку на то, что ВМС Германии должны составлять не менее 35% британских сил, министр иностранных дел рейха фон Нейрат обосновывал потребностью господствовать на Балтийском море.

Через людей начальника германской контрразведки В. Канариса и идеолога нацистской партии А. Розенберга, состоявшего в тайном контакте с британскими спецслужбами, Лондон в деталях знал о тактике и стратегии Гитлера в их ближайшей и отдаленной проекции. Однако русофобский вектор брал верх. В меморандуме МИД Англии от 17 февраля 1935 г. так и записано: «...потребность в экспансии толкнет Германию на восток, поскольку это будет единственной открытой для нее областью, и, пока в России существует большевистский режим, эта экспансия не может ограничиться лишь формами мирного проникновения»¹⁵.

Постепенно в орбиту агрессии втягивались все новые регионы и страны. Италия с одобрения того же Лондона накинула удавку на Абиссинию, стоившую этой стране около 600 тыс. жизней. Устроены

ный Берлином и Римом не без участия британцев франкистский мятеж раздавил Испанскую республику. Это преступление повлекло гибель свыше миллиона человек. «Невмешательство» Франции и США в японские «экспедиции», в заклание Абиссинии и Испанской республики буквально приглашало нацистских правителей опробовать острие тевтонского меча. Так оно и случилось. Три немецких батальона пересекли Рейн, чтобы продефилировать в Аахене, Трире и Саарбрюккене. Гаранты неприкосновенности статуса демилитаризованной Рейнской зоны по Локарнскому соглашению, Англия и Италия, хранили гробовое молчание. Авантюра сошла с рук.

В записке Э. фон Вайцзеккера от 10 ноября 1937 г. Гитлеру в связи с приездом лорда Галифакса, заместителя британского премьера, в Берлин говорилось: «Мы, — докладывал статс-секретарь МИД Германии Гитлеру, — хотим от Англии колоний и свободы действий на востоке. Англия желает от нас военного покоя, а именно: на западе... английская потребность в спокойствии велика. Стоит установить, сколько Англия захочет заплатить за свое спокойствие»¹⁶. Согласно сохранившемуся документу, посланец Чемберлена начал беседу с комплиментов: фюрер «совершил великое дело.., уничтожив коммунизм в собственной стране, он закрыл ему путь в Западную Европу», поэтому Германия по праву может считаться «оплотом Запада против большевизма». На этой основе возможно «взаимопонимание» между двумя державами. От него не следовало бы отлучать Францию и Италию. Им стоило бы показать, что «германо-английское партнерство ни в коей степени не имеет антиитальянского и антифранцузского крена». «Хозяевами дома», решающими европейские дела (и заодно вопросы колоний), должны были бы выступать эти четыре державы. И только они.

Гитлер обусловил «взаимопонимание», в частности, аннулированием Францией и Чехословакией договоров о взаимной помощи с СССР, как осложняющих европейскую ситуацию и подстегивающих гонку вооружений. «Лишь одна страна — Советская Россия — может выиграть от всеобщего конфликта».

Со ссылкой на Чемберлена, Галифакс заявлял, что Лондон «смотрит в глаза (потребности) адаптации на новые обстоятельства, исправления прежних ошибок и на ставшие необходимыми изменения существующих реалий». «Мир, — по словам лорда, — не статичен, и никакие модальности перемен в существующих реалиях нельзя исключать». Британцы делают единственную оговорку: «Изменения должны были бы быть следствием разумных урегулирований». В европейском порядке, вероятно, «рано или поздно» произойдут перемены, которых желает Германия, конкретно — «в вопросах, касающихся Данцига, Австрии и Чехословакии». Англию заботит лишь одно — «эти перемены должны состояться посредством мирной эволюции»¹⁷.

Не будет преувеличением сказать, что встреча с Галифаксом укрепила уверенность Гитлера в том, что, признавая права третьего рейха вещать от имени всех немцев, британцы проявят также понимание претензий Германии на решение проблемы ее «жизненного пространства».

10 марта 1938 г. советник Чемберлена Г. Вильсон известил Берлин, что решение на немецких условиях австрийского вопроса не

помешает Лондону «продолжать курс на согласие с Германией и Италией». Опасения Франции не должны смущать, а протестами СССР можно пренебречь. 12 марта войска рейха вошли в пределы альпийской республики, Австрия исчезла с политической карты.

В данном контексте уместно вспомнить германо-польский альянс, стартовавший в 1934 году. Тогда начальник Польши Ю. Пилсудский в контакте с Гитлером отработывал различные сценарии формирования антисоветского альянса в расчете на перекройку европейского ландшафта. В июле 1934 г. немцы и поляки сговорились в ответ на продвижение идеи восточного пакта оформить военный союз с Японией. Планировалось вовлечь в него Венгрию, Румынию, Прибалтику и Финляндию. Дело не сводилось к декларациям. Энергично налаживалось военно-техническое сотрудничество, координация деятельности спецслужб Японии и Польши.

Считалось, что военный конфликт между Японией и СССР разразится не позднее весны 1935 года. Польские руководители прикидывали — сошлемся на посла Австрии в Праге Ф. Марека — как «при активном участии Японии и посильном участии Германии от России будет отделена Украина»¹⁸.

Насколько серьезной была надвигающаяся угроза, свидетельствует следующее малоизвестное обстоятельство. Маршал М.Н. Тухачевский предложил политбюро ЦК ВКП(б) освободить К.Е. Ворошилова от обязанностей наркома обороны ввиду его некомпетентности. Тухачевский подчеркивал, что Советский Союз должен предпринять превентивные меры в создавшейся ситуации. И.В. Сталин встал на сторону Ворошилова со всеми вытекающими отсюда последствиями для Тухачевского и его единомышленников. К сожалению, большая часть подлинных материалов (прослушка, донесения и т.п.), касавшихся «заговора Тухачевского», безвозвратно утрачена.

Разбросанные по планете очаги конфликтов волей агрессивных режимов смыкались в мировой пожар. В ноябре 1936 г. Германия и Япония подписали антикоминтерновский пакт с обычными для тогдашней международно-правовой практики секретными приложениями. Последние предусматривали, в частности, что, если одна из договаривавшихся сторон окажется вовлеченной в войну с Советским Союзом, другая незамедлительно придет ей на помощь. Неделию спустя аналогичными узлами связал себя с Токио Рим. Закономерно, что к 1936—1937 гг. относится утверждение Гитлером конкретных планов приведения Германии в готовность к войне с любым противником и определение сроков решения проблемы «жизненного пространства» (1942 г.). Тогда же Япония перешла к решительному наступлению в континентальном Китае.

В ноябре 1937 г. Англия и Франция сговорились «уступить» Германии Чехословакию. Как затем публично обосновывал британскую позицию Чемберлен, «достаточно посмотреть на карту, и станет ясным — ничто из того, что в состоянии сделать Франция или мы, не может уберечь Чехословакию от нашествия немцев, если они на него решатся». «Поэтому я отказался от мысли дать какие-либо гарантии Чехословакии, а также французам в контексте их обязательств по отношению к этой стране», — аргументировал премьер свою позицию в парламенте в марте 1938 года. По его словам, британское пра-

вительство не может заранее принять никакого обязательства в отношении района, где жизненные интересы Англии «не затрагиваются в такой степени, как это имеет место в отношении Франции и Бельгии». Премьеру не показалось зазорным присовокупить к возможным немецким трофеям и Данию. Он требовал искать «решение, приемлемое для всех, кроме России»¹⁹.

Готовность Москвы выполнить свои военные обязательства перед Чехословакией Лондон квалифицировал как неприемлемый вызов: было бы «несчастьем, если бы Чехословакия спаслась благодаря советской помощи».

В декабре 1937 г. Берлин утвердил план операции «Грюн». Модернизированная редакция плана предусматривала возможность применения военной силы в случае, если «та или иная великая держава» пришла бы на помощь ЧСР. Гитлер, осведомленный о позиции Лондона, продавил это решение вопреки рекомендациям ряда ведущих генералов, находивших, что рейх не созрел для вооруженного столкновения с серьезными противниками.

Что касается мюнхенского сговора, то формальным инициатором встречи четырех держав — Англии, Франции, Германии, Италии — выступал Рим. Официально в повестке дня значилась сдача Прагой немцам Судетской области с преимущественно немецкоговорящим населением. Польше перепадал Тишинский анклав. Как справедливо отмечали наблюдатели, высокомернее всех в шантаже Чехословакии вели себя польские представители. На случай односторонних советских акций в поддержку ЧСР Берлин и Варшава обговаривали возможность синхронных военных действий — рейхсвер оккупировал бы Чехию, а польские войска вторгались в Словакию, образовав общий фронт с Венгрией.

Текст Мюнхенского соглашения был выработан в отсутствие чехословацких делегатов и подписан 29 сентября. На следующий день Гитлер и Чемберлен зафиксировали на бумаге «желание двух народов никогда более не воевать друг с другом». Лондон и Берлин обязались использовать метод консультаций «для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться двух стран», а также выразили решимость продолжать «усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе». Перед отлетом в Лондон у английского премьера состоялся еще один разговор с фюрером. Чемберлен заявил: «У вас достаточно самолетов, чтобы подвергнуть бомбардировке Советский Союз, тем более, что советские самолеты теперь не могут быть дислоцированы на чехословацкой территории»²⁰.

Позже сам Чемберлен назовет мюнхенский диктат «косвенной агрессией», не раскрывая, правда, того, что, овладев Чехословакией, третий рейх заполучил оружия и других военных трофеев в количестве, достаточном для вооружения свыше 40 дивизий полного состава. Потенциал военно-промышленного комплекса рейха за счет высокоразвитой оборонной промышленности ЧСР увеличился примерно на треть. В то время Чехословакия занимала первое место в мире по экспорту новейших вооружений.

6 декабря 1938 г. фон Риббентроп и министр иностранных дел Франции Ж. Бонне подписали франко-германскую декларацию — аналог пакта о ненападении. По оценке Риббентропа, она «устрани-

ла последние остатки опасности франко-русского сотрудничества». В ориентировке, разосланной послам Франции за рубежом, Бонне писал: «Германская политика отныне ориентируется на борьбу с большевизмом. Германия проявляет свою волю к экспансии на Восток». При формулировании декларации французы обещали немцам «не интересоваться восточными и юго-восточными делами».

Вернемся к дальневосточному ТВД. В 1937 г. военно-политическое руководство Японии заключило: «Разрешение китайского инцидента затягивается из-за помощи, которую оказывал Китаю Советский Союз». Действительно, единственной страной, осуществлявшей в ту пору обширную военную помощь Китаю, являлся СССР. Из рассекреченных японских документов следует, что не стоит операцию в районе оз. Хасан (июль-август 1938 г.) выдавать за локальную провокацию. На прицеле японцы держали Владивосток и соответственно переключение советских ресурсов на защиту собственных рубежей. По свидетельству авторов 102-томного издания «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии», осенью того же года генштаб императорской армии приступил к планированию полномасштабной войны против СССР как составной части мирового конфликта. В своих далеко идущих расчетах Токио делал ставку на пособничество Лондона ²¹.

Именно в то время совместно с британскими спецслужбами японцы подготовили мятеж в Синьзяне, через который пролегал маршрут основных поставок, в том числе оружия, из СССР в Китай. Добытые советской разведкой сведения позволили упредить эту вылазку. В ответ участились диверсии против приграничных советских районов вдоль р. Амур с использованием запрещенных международными конвенциями средств. Рубеж 1938—1939 гг. правильно обозначить как повышение ставок в политическом покере. Вот протоколы заседаний британского кабинета (май-июль 1939 г.). Начальники британских штабов доказывали, что соглашение о взаимной помощи с Францией и СССР «будет представлять собой солидный фронт внушительной силы против агрессии». Отсутствие такого соглашения было бы «дипломатическим поражением, влекущим серьезные военные последствия». Если бы, отвергая союз с Россией, Англия толкнула ее на договоренность с Германией, «то мы совершили бы огромную ошибку жизненной важности».

Министр иностранных дел лорд Галифакс определил свой подход так: политические аргументы против пакта с СССР перевешивают военные соображения в пользу такого пакта. «Наша главная цель в переговорах с СССР — предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией». Решительней других высказался канцлер казначейства Дж. Саймон: «Нам важно обеспечить свободу рук, чтобы можно было заявить России, что мы не обязаны вступать в войну, так как мы не согласны с ее интерпретацией фактов» ²². Члены кабинета сошлись на том, что прагматизм требует какое-то время продолжать поддерживать переговоры с Советским Союзом. «Таким образом, мы выиграем время и извлечем максимум из ситуации, которой не можем сейчас избежать».

Чемберлен в свою очередь заявил, что он «скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами». В кругу единомышленни-

ков премьер откровенничал: «...чтобы жила Британия, большевистская Россия должна исчезнуть».

Во исполнение директивы главы британского правительства Вильсон и министр внешней торговли Р. Хадсон вступили в конфиденциальный диалог с нацистским чиновником по особым поручениям К. Вольтатом. Предлагалось достичь «широчайшей англо-германской договоренности по всем важным вопросам» — политическим, военным и экономическим, включая интересовавшую Германию колониальную тему и освоение рейхом Восточной и Юго-Восточной Европы.

Из беседы Гитлер понял, что так называемые гарантии Польше, Румынии и Греции — это фарс. Через надежных посредников он подбрасывал различные варианты возможных сделок с Лондоном. К примеру, 11 августа 1939 г. (за день до старта военных переговоров СССР, Англии и Франции в Москве) он уполномочил верховного комиссара Лиги наций в Данциге К. Буркхардта разъяснить британцам суть польско-германского кризиса. Цитата из дневниковой записи комиссара: «Все, что я (Гитлер. — *В.Ф.*) предпринимаю, направлено против России; если Запад столь глуп и слеп, чтобы понять это, я буду вынужден сговориться с русскими, чтобы разбить Запад, и затем, после его поражения, собрав все мои силы, повернуться против Советского Союза. Мне нужна Украина, чтобы нас никто, как в прошлую войну, не морил голодом»²³.

Отметим, что план «Вайс» был введен в действие приказом Гитлера от 03.04.1939 года. Нападение на Польшу назначалось, самое позднее, на 1 сентября. Одновременно войска вермахта должны были захватить Литву и большую часть Латвии. С первой декады апреля Лондон и Москва в деталях знали о принятых в Берлине решениях.

Московские переговоры открылись 12 августа. К этому моменту было известно, что вермахт двинется в польский поход 26 августа. Однако главе британской делегации на московских переговорах адмиралу Драксу предписывалось: «Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нас при тех или иных обстоятельствах. Поэтому следует стремиться свести военное соглашение к самым общим формулировкам».

Не станем недооценивать изощренности британской политики и дипломатии. План «Вайс» предусматривал вторжение вермахта в Литву и Латвию. Имелась также секретная договоренность об оказании рейхом вооруженной помощи Эстонии. Лондон был досконально оповещен о прорабатывавшемся немцами ударе по СССР с территории Румынии.

Обратимся к событиям на Халхин-Голе (май-август 1939 г.). В развернувшихся сражениях с обеих сторон участвовали десятки тысяч солдат при поддержке крупных сил авиации и танков. Общие потери в живой силе сравнимы или превышают число убитых и раненых при завоевании вермахтом Франции

По соглашению Арита-Крейги (24 июля 1939 г.), заключенному в разгар боев на Халхин-Голе, Лондон давал Токио «карт бланш» как на продолжение «экспедиции» против Китая, так и на использование

уже захваченных территорий в качестве плацдарма для движения квантунской армии на север.

Японцы зондировали, не заинтересуют ли Вашингтон посулы о разграничении Сибири на сферы самурайских и американских интересов. Как бы то ни было, им удалось добиться одного — осуществление принятого США решения о денонсации торгового договора с Японией было отложено на шесть месяцев. Японцы воспользовались этой паузой для спешного увеличения на порядок закупок в Штатах стратегически важных материалов.

Есть веские причины полагать, что англичане прекрасно знали о намерении Японии втянуть Германию и Италию в тройственный союз, по которому каждая из сторон обязывалась автоматически присоединиться к военным действиям, если любой из его участников окажется вовлеченным в вооруженный конфликт с СССР. Таким образом, от Токио зависело, как ранжировать столкновения с Советским Союзом: выдавать их за досадное недоразумение или, объявив события на Халхин-Голе казусом белли, запросить союзнической помощи от Берлина.

Всю логику поведения Альбиона с начала истекшего века пронизывало стремление столкнуть Россию, позже Советский Союз с Германией или Японией, а лучше всего навязать ей войну на два фронта. Ни один серьезный исследователь не подвергнет это утверждение сомнению. На сей раз интрига сорвалась из-за нежелания Гитлера ввязываться в чужие комбинации. Что касается Японии, фюрер был невысокого мнения о качестве ее вооруженных сил и в целом о ее военном потенциале. Нацистский лидер делал ставку на то, что при любом повороте событий англичане не проявят воли к серьезному противоборству, а попытаются откупиться чужими интересами. Помимо желания извлечь максимум из слабости соперников его понуждало броситься во все тяжкие перенапряжение экономики вследствие безудержной милитаризации. Война становилась также бегством от банкротства.

21 августа 1939 г. в 15.00 посол Германии Ф. Шуленбург вручил В. Молотову письмо Гитлера, в котором подтверждалась просьба о приеме в Москве Й. Риббентропа не позднее среды 23 августа. Подчеркивалось, что министр иностранных дел рейха наделяется «всеобъемлющими и неограниченными полномочиями» для обсуждения интересующих стороны проблем и оформления соответствующих договоренностей (пакт и протокол). В заключение выражалась надежда на получение скорого ответа, которого требовала международная обстановка.

Ответ Сталина германский посол получил из рук наркома в 17.00 того же дня. Советская сторона давала согласие на прилет Риббентропа и выражала надежду, что подписание советско-германского пакта о ненападении «создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами». Почему передача в Берлин 14 строк русского текста и доведение их до адресата заняли около девяти часов — загадка.

21 августа на аэродроме Темпельхоф (Берлин) стоял личный борт Гитлера, выделенный для полета Риббентропа в Москву. Там же дежурил самолет британских спецслужб Локкхид 12А, на котором Ге-

ринг должен был отправиться на тайную встречу с Чемберленом и Галифаксом в летней резиденции премьера в Чеккерсе. Кто взлетит первым? Какой курс — на Москву или Лондон — будет взят? От этого решения зависело, каким маршрутом пойдут Европа, а с нею весь мир.

Чтобы упредить советско-германские переговоры, Чемберлен предложил Гитлеру созвать 23 августа «совещание четырех». Англия, Германия, Франция и Италия в отсутствие Польши и СССР, а также США могли бы по опробованной мюнхенской модели обсудить и решить все злободневные проблемы. Предложение поступило в Берлин, когда самолет Риббентропа не без приключений еще добирался до Москвы. И, естественно, никто не мог знать, какими результатами завершится этот визит. Переговоры в Кремле с имперским министром фюрера стартовали в 15.30 23 августа и завершились в 2 часа ночи 24 августа подписанием договора о ненападении между Германией и Советским Союзом и секретного приложения к нему.

Всем спекуляциям вопреки, следует подчеркнуть, что по ходу переговоров с Риббентропом советская сторона акцентировала заинтересованность в политическом урегулировании мирового кризиса и в частности, в дипломатическом улаживании конфликта с Польшей. С этой целью Москва выдвигала идею созыва соответствующей международной конференции. Под присягой директор правового департамента МИД Ф. Гаус показывал: «С советской стороны по этому пункту не было сделано никаких заявлений, которые заключали бы в себе одобрение подобного конфликта или побуждение к нему. Напротив, советские представители ограничились в этом отношении тем, что просто приняли к сведению высказывания германского представителя». Риббентроп уверял, что военное столкновение с поляками не являлось предрешенным. Согласно его показаниям на Нюрнбергском процессе, Гитлер утаил, что агрессия против Польши начнется 26 августа.

Следует отметить, что решение идти войной на Польшу и установление начальной даты нанесения удара высшее руководство Германии приняло не после, а до встречи Риббентропа со Сталиным и Молотовым и, следовательно, до подписания договора о ненападении. Черчилль приветствовал заключение советско-германского пакта о ненападении как формирование Москвой «восточного фронта» против нацизма.

В ночь с 25 на 26 августа соединения вермахта были выдвинуты на исходные позиции, а диверсионные разведывательные группы уже пересекли германо-польскую границу. Случилось неожиданное. Муссолини известил Берлин о том, что Италия не готова воевать. По словам дуче, при притирке позиций стран «оси» в качестве даты начала европейской войны назывался 1942 год. Пикантность момента заключалась в том, что прежде, чем преподнести эту весть немцам, Рим поставил в известность французов и англичан.

Париж немедленно предостерег Берлин — нападение на Польшу будет расценено как агрессия против Франции. Лондон также отлично знал о приказе Гитлера опробовать на Польше накопленную вермахтом мощь. Уговоры «не совершать непоправимого» перемежались с намеками на возможность состыковать представления Альбиона и рейха о миропорядке.

На заседании кабинета министров (26.08) Чемберлен рассуждал: «Если Великобритания оставит г-на Гитлера в покое в его сфере (Восточная Европа. — *В.Ф.*), то он оставит в покое нас». Как на переговорах Галифакса с Гитлером в 1937 г. британцы решали судьбу Австрии и Чехословакии, так теперь, без консультаций с Варшавой, немцев убеждали, что им перепадут Данциг и «коридор». Обычно опускается фраза, брошенная Гитлером при передаче британскому послу Гендерсону перечня условий нахождения взаимопонимания между Берлином и Лондоном (25.08). И зря. По Гитлеру, ничего страшного не произошло бы, если из престижных соображений Англия объявила бы «показную войну» Германии. Не здесь ли кроются корни пресловутой «странной войны» на западном фронте в 1939—1940 годах?

1 сентября 1939 г. Германия обрушила на Польшу с моря, воздуха и суши сокрушительный удар. 3 сентября Англия и Франция объявили Германии войну. Надежды, что миллионная армия поляков продержится где-то до весны (французский генерал Гамелен отводил на это минимум полгода), рухнули. В середине сентября правительство панской Польши тайком покинуло страну. Никакой помощи, кроме деклараций, Варшава от гарантов ее безопасности, а также от Соединенных Штатов не получила. К примеру, советы британского фельдмаршала Айронсайда обратиться за подмогой к нейтралам, воспринимались как издевка.

На западе «странная война» не знала аналогий в XIX—XX веках. Генералы вермахта недоумевали, почему противник не использует четырехкратный перевес в живой силе, подавляющее превосходство в танках, артиллерии, самолетах, когда немцы имели всего трехдневный запас боеприпасов.

В сентябре-октябре 1939 г. англичан больше занимало, как прорваться к Балтийскому морю, чтобы расстроить коммуникации стран этого бассейна, включая Советскую Россию (операция «Катарина»), и, кроме того, подсыпать пороха в конфликт между Финляндией и СССР. На мушку были взяты советские нефтепромыслы в Баку и Грозном.

Весной 1940 г. Рузвельт взвешивал, не «аннулировать ли дипломатическое признание СССР». Вашингтон установил контакт с А.Ф. Керенским на предмет формирования российского правительства в изгнании. Эмиссар президента С. Уэллес объезжал в феврале-марте Европу по маршруту Рим — Берлин — Париж — Лондон — Рим, убеждая лидеров стран сплотиться в походе против угроз, навлекаемых на «западную цивилизацию» советскими варварами. Уэллеса поддерживал Муссолини. В письме Гитлеру от 3 марта 1940 г. дуче осуждал «потворство» немцев попыткам России подчинить «маленький, смелый народ» и предупреждал, что дальнейшие уступки Гитлера СССР имели бы «катастрофические последствия» для отношений Германии с Италией ²⁴.

Затея Вашингтона провалилась, как и британское намерение высадить 12 марта экспедиционный корпус на севере Финляндии в сочетании с авиаударом непосредственно по советской территории. Именно в этот день неожиданно для тех, кто вынашивал планы интернационализации советско-финского конфликта, Москва и Хельсинки подписали мирный договор.

Несмотря на это, еще теплилась надежда, что модель антисоветского альянса побудит Гитлера еще раз взвесить, какой из вариантов завоевания «жизненного пространства» для него предпочтительней. Ринуться в поход против Советского Союза в одиночку или, слив ненависть нацистов и «демократов» к большевистской России в общий поток? Не стоит сбрасывать со счета, что Геринг и ряд других деятелей из верхнего нацистского эшелона склонялись к использованию преимуществ, которые рейх мог бы извлечь из сотрудничества с англосаксами. Подобные иллюзии подпитывало демонстративное бездействие англичан и французов на западном фронте в течение сентября-ноября 1939 года.

Еще один показатель не мог остаться без внимания в Берлине. За объявлением Лондоном войны рейху не последовала лавина британских военных заказов в Соединенных Штатах. Не потому, что у британцев было много оружия. Данный факт в Вашингтоне воспринимали как признак того, что Чемберлен не настроен на долгую и изнурительную войну с Германией. От своей агентуры британцы знали о размышлении Гитлера в кругу генералов — не развить ли без промедления успех польской кампании в поход против России. Подобный разворот событий был бы триумфом политики «умиротворения».

В ходе продолжительных собеседований с Уэллесом (март 1940 г.) Гитлер не отвергал саму идею замирения с Лондоном и Парижем. При взвешивании плюсов и минусов вырисовывавшихся сделок нацистский лидер, конечно, учитывал данные его разведки о запланированной французами и англичанами бомбардировке нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих объектов в Баку и Грозном, то есть о развязывании де-факто войны против СССР. Как известно, от этого намерения Париж и Лондон не отказались и по окончании советско-финской войны. Сам за себя говорит следующий факт. Массированные налеты через территории Турции и Ирана на Баку и Грозный были назначены на 15 мая. Начавшаяся 10 мая операция «Гельб» — захват Бельгии, Нидерландов и Люксембурга — помешала этим планам.

Настойчивые попытки США при посредничестве Ватикана и международных финансовых институтов удержать Гитлера от вторжения во Францию не дали результата. 5 июня в действие вступил план «Рот». 22 июня в Компьене Французская республика подписала акт о капитуляции. Франция и союзная с ней Англия располагали не меньшим, если не большим количеством самолетов, танков, моторизованных и пехотных дивизий, чем агрессор. Как могло случиться, что, пребывая в состоянии войны с Германией, «демократы» не были готовы к отражению вероятного удара вермахта? На сокрушение Французской республики ушло две с половиной недели.

Выдающийся режиссер Григорий Чухрай, получивший первое ранение 22 июня 1941 г. в схватке с немецким диверсантом, а в апреле 1945 г. изрешеченный осколками, отмечал: «Союзники не друзья. Они вместе, но цели у них разные. И если этого не понять, то и смысл войны останется непонятым. Вторая мировая война только на первый взгляд была войной антигитлеровской коалиции против германского фашизма, по существу она была задумана и осуществлена как война капиталистического Запада против Советского Союза... Факты в политике приобретают истинный смысл только в свете на-

мерений, в свете доктрины, по которой ведется война»²⁵. С этим трудно не согласиться.

3 сентября 1939 г. Англия и Франция объявили войну Германии. Первый британский солдат пал 9 декабря 1939 года. И он не забыт. На момент нападения Германии на Польшу погибло около 20 млн китайцев. Однако считается, что вторая мировая началась 1 сентября 1939 года. В скорбном списке жертв этой войны нет имен 35—40 млн убиенных жителей Китая, миллионов погибших индонезийцев, вьетнамцев, лаосцев, камбоджийцев и других народов Юго-Восточной Азии. Может быть, стоит прислушаться к Ф. Ноэль-Бэйкеру, главе британской делегации на финальной сессии Лиги наций (1946 г.)? Вот его слова: «Мы знаем, что мировая война началась в Маньчжурии 15 лет назад». То есть в 1931 году²⁶. В свою очередь Г. Стимсон, госсекретарь США при президенте Г. Гувере и военный министр в администрации Ф.Д. Рузвельта вывел траекторию второй мировой от железнодорожных рельсов под Мукденом до атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

Воспроизведем полностью обращение Рузвельта к американскому народу от 9 декабря 1941 г.:

«В 1931 г. Япония захватила Маньчжурию — без объявления войны.

В 1935 г. Италия захватила Абиссинию — без объявления войны.

В 1938 г. Гитлер оккупировал Австрию — без объявления войны.

В 1939 г. Гитлер захватил Чехословакию — без объявления войны.

В том же 1939 г. Гитлер вторгся в Польшу — без объявления войны.

В 1940 г. Гитлер вторгся в Норвегию, Данию, Голландию, Бельгию и Люксембург — без объявления войны.

В 1940 г. Италия напала на Францию и позднее на Грецию — без объявления войны.

В 1941 г. Гитлер вторгся в Россию — без объявления войны.

А сейчас Япония напала на Малайские острова и Таи и на Соединенные Штаты — без объявления войны. Метод везде один»²⁷.

Примечания

1. АЛЕКСЕЕВ М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. М. 1998, с. 318, 322—324, 326—327, 369, 373; История дипломатии. Т. II. М. 1963, с. 776, 780.
2. Архив полковника Хауза. М. 2004; История дипломатии. Т. III. М. 1965, с. 139.
3. ГОРОХОВ В.Н. История международных отношений. 1918—1939. Курс лекций. М. 2004, с. 15.
4. История дипломатии, т. III, с. 137.
5. ЛОККАРТ Р.Б. История изнутри: мемуары британского агента. М. 1991.
6. История дипломатии, т. III, с. 137.
7. Там же, с. 153.
8. СТАРИКОВ Н. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. СПб.
9. Военно-исторический журнал. 1997, № 7.
10. Неуслышанные пророки грядущих войн. М. 2004.
11. Известия. 21.05.1934.
12. МИД СССР. Год кризиса. Документы и материалы. Т. 2. М. 1991, с. 368—369.
13. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. DVA. B. I. Stuttgart. 1979, Teil. 3.

14. PRO Cab. Протоколы заседаний британского кабинета. 23/81, с. 302.
15. Documents of British Foreign Policy, 1919—1939, vol. XII, p. 501.
16. HILL LEONIDAS E. Die Weizsäcker-Papiere. 1930—1950. Frankfurt-Berlin-Wien. 1974, S. 118.
17. Документы и материалы из предыстории Второй мировой войны. Т. 1. М. 1948.
18. МОРОЗОВ С.В. К вопросу о роли Японии в восточных планах Гитлера и Пилсудского. — *Международная жизнь*. 2007, № 1—2.
19. HAUSER O. England und das Dritte Reich 1936—1938. Göttingen. 1852, S. 303.
20. Донесение разведки, доложенное И.В. Сталину. — *Независимое военное обозрение*. 2000, № 23.
21. *Военно-исторический журнал*. 1991, № 7.
22. PRO Cab. 27/625.
23. BURCKHARDT C.J. Meine Danziger Mission 1937—1939. Munich. 1962.
24. JAKOBSON M. Diplomatie im Finniscyen Winterkrieg 1939—1940. Düsseldorf-Wien. 1970, S. 228.
25. ЧУХРАЙ Г. *Моя война*. М. 2001.
26. *Великая отечественная война. 1941—1945 годы*. М. 2010, с. 56.
27. *Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь*. М. 2009, с. 17.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Иван Васильевич Гудович

Г.А. Гребенщикова

Генерал-фельдмаршал России, граф, кавалер орденов Святого Георгия 3-го и 2-го классов, Св. Александра Невского, Св. Владимира 3-ей степени, Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Анны Иван Васильевич Гудович родился в 1741 г. на Украине, где жили в то время его родители. Предок Ивана Васильевича, польский шляхтич, переселился в Малороссию в 1680 г., а его потомки, находясь на службе у императора Петра I, получили поместья¹.

Отец Ивана Васильевича, тайный советник Василий Андреевич Гудович стремился дать детям престижное образование и воспитать их достойными гражданами, полезными в будущем престолу и отечеству. С этой целью В.А. Гудович отправил сыновей Ивана и Андрея на учебу за границу, в Германию — сначала в Кёнигсберг, затем в Лейпцигский университет, где братья изучали естественные науки, математику, философию и иностранные языки. Окончив университет, Иван Гудович мог свободно читать и изъясняться на древнегреческом и латыни, в совершенстве овладел немецким, французским и итальянским языками. Углубленное изучение точных наук, особенно математики, впоследствии пригодилось ему на военном поприще — как командиру и военачальнику при расчетах сооружения артиллерийских позиций и осадных батарей для взятия неприятельских крепостей.

Вернувшись в Россию, братья Гудовичи как и большинство молодых дворян середины XVIII в. избрали военную службу, на которую 18-летний Иван вступил в чине прапорщика инженерного корпуса. Его военная карьера стремительно пошла в рост в царствование императрицы Елизаветы Петровны, когда Иван получил должность флигель-адъютанта при родном брате фаворита императрицы Ивана Шувалова генерал-фельдцейхмейстере графе Петре Ивановиче Шу-

---

Гребенщикова Галина Александровна — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета.

валове, заведовавшего артиллерией. П.И. Шувалов являлся разработчиком нового вида оружия, которое получило название «единорог», и инициатором усовершенствования орудий старых образцов. На вооружение русской армии «единороги» начали поставлять во второй половине 1757 г., когда полным ходом шла Семилетняя война (1756—1763). В той войне Россия не имела каких-либо коренных, жизненно важных для нее интересов, но будучи связанной с Австрией внешними договорными обязательствами, выполняя союзнический долг, официально вступила в войну в 1757 году. Этим объяснялась необходимость скорейшего оснащения армии и кораблей Балтийского флота новыми образцами орудий.

«Единороги» представляли собой укороченные пушки 3-х, 8-ми и 12-фунтового калибра, из которых можно было прицельно стрелять (горизонтальными и навесными выстрелами) разрывными снарядами того времени — гранатами, картечью, брандскугелями и бомбами, а также обычными ядрами. Название этого орудия, обладавшего большой разрушительной силой, произошло от выбивавшегося на нем герба рода графов Шуваловых с изображением единорога. В отличие от пушек, которые отливали из чугуна, «единороги» делали из бронзы, что значительно уменьшало их массу и делало более мобильными при перемещении. Появление таких орудий заметно облегчило сухопутные операции русских войск в Восточной Пруссии против хорошо вооруженной, оснащенной и обученной армии прусского короля Фридриха II, численность которой в кампании 1757 г. доходила до 120 тыс. человек ².

В условиях военного времени одну из ключевых ролей в таком сложном и ответственном процессе как переход армии на новые виды вооружения, начиная от контроля за отливкой орудий на заводах и до их поставок в армию, сыграл флигель-адъютант (затем генерал-адъютант) Шувалова Иван Гудович. Он же занимался организацией проведения технических испытаний «единорогов», а после их успешного завершения русские генералы применили шуваловские гаубицы при бомбардировке крепости Кюстрин и укрепленной позиции противника 5 и 7 августа 1758 года. Так, о действиях у Кюстрина императрица получила такую репликацию: «Благословением Всевышнего чрез бомбардирование» город всего за сутки «в пепел превращен». А «с какою храбростию и мужеством гренадеры шли, канонеры и легкое войско действовало, описать нельзя. В истории таких примеров не найдется, чтоб днем пришед к такому сильному городу, прямо без употребления заступа под городские пушки идти, неприятеля прогнать, город бомбардировать и форштатом овладеть». В другом донесении Елизавета Петровна прочитала следующее: «Построил пехоту свою фрунтом и спустясь с горы, маршировал до самой той дистанции, откуда можно было неприятеля из единорога вредить. Остановясь, зачал в них бомбы метать и из пушек стрелять, чем принудил неприятеля весьма авантажно пост у моста оставить и ретироваться в город» ³.

Несомненной заслугой Шувалова и его генерал-адъютанта Гудовича являлось усовершенствование старых чугунных пушек времен Петра I — гаубиц. Эти орудия стали называть шуваловские гаубицы, и из них также можно было прицельно стрелять (горизонтальными и

навесными выстрелами) ядрами, картечью и бомбами. Шуваловские гаубицы сыграли решающую роль в крупном сражении Семилетней войны — под Кунерсдорфом 1 августа 1759 г., в котором русская армия под командованием генерала П.С. Салтыкова наголову разбила войска прусского короля Фридриха II.

В державах, обладавших сильными флотами, разработка тактических и стратегических военных операций всегда осуществлялась с учетом взаимодействия сухопутных и морских сил. У прусского короля имелась хорошо обученная, организованная и маневренная армия, но в отличие от России не было флота, поэтому в Зимнем дворце намеревались воспользоваться этим важным преимуществом. Балтийскому флоту, достаточно сильному к началу Семилетней войны, ставились задачи крейсерских операций, защиты акваторий портов и оказание содействия сухопутным войскам против Пруссии. Указом от 11 октября 1756 г. Елизавета Петровна предписала галерному флоту поступить под командование генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина, а корабельному флоту действовать «не иначе как согласно с ним. И дабы оный флот наступающею зимою так исправлен и всем потребным, особливо морскою провизиею снабден был, чтоб будущею весною не токмо тот час по вскрытии воды в море вытти к важным предприятиям употреблен был, но и далее обыкновенного летнего времени в море держаться мог»⁴.

Согласно архивному документу, в Кронштадте и Ревеле (будущем Таллине) находилось 36 кораблей, фрегатов и других судов, из них три 80-пушечных корабля, 14 66-пушечных и шесть 36-пушечных фрегатов⁵. Но, несмотря на стремление Шувалова как можно скорее установить новые орудия на всех кораблях и фрегатах, на флоте они вводились медленнее, чем в армии. Это объяснялось техническими сложностями, связанными с установкой «единорогов» и гаубиц на суда и, соответственно, изменениями нагрузки на корпуса кораблей. Понимая это, Шувалов лично и через своего адъютанта Гудовича убеждал членов Адмиралтейств-коллегии в том, чтобы для испытания «новоизобретенной артиллерии» построить особое судно. По проекту, это судно предназначалось в качестве мишени для учебных стрельб по нему из гаубиц и «единорогов», следовательно, как писал Шувалов, оно «как в бортах, так и в деках такую крепость иметь должно, как сто пушечный корабль». Хотя по ряду причин такое судно построить не удалось, ряд действий в этом направлении кабинет Елизаветы Петровны предпринял. Так, 15 мая 1757 г. императрица распорядилась командировать в Кронштадт из бомбардирской роты двадцать девять обер-офицеров и унтер-офицеров, бом-

бардир и кадет, «достойных и знающих артиллерийской науки, кои более в практике обращались». Такими достойными оказались поручик Василий Шапилов, подпоручик Михаил Чаплин, сержант Яков Тютчев и другие ⁶.

В следующем году, также по представлению генерал-фельдцейхмейстера графа Шувалова, «для рассмотрения употребляемой во флоте артиллерии» Елизавета Петровна предписала Адмиралтейств-коллегии учредить специальную комиссию. Кроме членов коллегии в комиссию вошли флагманы Балтийского флота (два человека) и оберсарваер (главный кораблестроитель) Д. Щербачёв. 19 ноября 1758 г. Шувалов получил высочайший рескрипт, в котором императрица предписывала ему для вооружения судов флота «вместо до ныне имеющих во оном пушек» провести дополнительные испытания новоизобретенных им, Шуваловым, орудий — «сверх учиненных из этих орудий проб». А 20 января 1759 г. в протоколе Адмиралтейств-коллегии по вопросу о новоизобретенных артиллерийских орудиях записано, что, согласно высочайшему указу, «к приближающейся весне изготовить во флот и отпустить столько оных орудий, сколько к тому времени наделать можно на шет Адмиралтейской коллегии», то есть из суммы расходов коллегии ⁷.

Поскольку корабельная артиллерия имела большое значение в боевых операциях на море, а Иван Васильевич Гудович был причастен к появлению новых видов орудий, на этом вопросе следует остановиться подробнее. В рассматриваемый период в нижних закрытых орудийных батареях линейных кораблей (деках) ставили 30-ти и 24-фунтовые пушки, а на верхних открытых палубах кораблей и фрегатов — пушки малых калибров — 3-х и 6-фунтовые. Когда Адмиралтейств-коллегия решала вопросы замены орудий старых образцов шуваловскими, то посоветовавшись, 30 января 1759 г. «по теории и практике за неоспоримое общее заключение» постановили следующее. На кораблях вместо 30-ти и 24-фунтовых пушек ставить так называемые картаульные единороги; вместо пушек меньшего калибра — 18-ти, 16-ти и 12-фунтовых ставить полукартаульные единороги, вместо 8-ми и 6-фунтовых пушек — 12-фунтовые единороги, а вместо 4-х и 3-фунтовых пушек — 8-фунтовые единороги. На верхних палубах, на баках кораблей «употреблять вместо находящихся ныне трех пудовых гаубиц дву картаульные единороги, пока трех картаульный своею пробую преимущество докажет». Также коллегия постановила: «Шуваловские гаубицы употреблять на кораблях и фрегатах на верхнем деке». Шувалов пояснял: стрельба из «единорогов» разрушительными снарядами — брандскугелями и бомбами — производится горизонтально, поэтому «столько верных и сильных выстрелов произведет, сколько ныне находящихся на кораблях пушки». Меткость стрельбы, большая разрушительная сила, возможность быстро заряжать орудия, давали преимущество «единорогам» по отношению к пушкам и гаубицам старых образцов. «Сверх того, — писал Шувалов, — бомбардировать из единорогов на дальние и ближние дистанции можно» ⁸.

«Единороги», предназначенные для установки на кораблях, выигрывали и по массе. Так, если 30-фунтовая пушка весила 199 пудов (3184 кг), а 24-фунтовая — 155 пудов (2480 кг), то двухкартаульный «единорог» весил 90 пудов, «стрелял двухпудовую бомбу на 180 саже-

ней, пробивал 7-дюймовый деревянный борт». Картаульный «едино-рог» весил 60 пудов, «стрелял пудовой бомбой на 160 сажений, пробивал 7-дюймовый деревянный борт», полукартаульный весил 30 пудов, «стрелял полупудовой бомбой на 150 сажений, пробивал 7-дюймовый деревянный борт».

Тем не менее, несмотря на усилия Шувалова и его адъютанта, доказывавших эффективность новоизобретенных орудий при бомбардировках с моря прибрежных крепостей и укреплений противника, в ходе боевых действий в Семилетней войне линейные корабли и фрегаты вооружали орудиями старых образцов. Это, однако, не помешало им действовать эффективно и наносить противнику значительный урон. Так, 17 августа 1760 г. флот под командованием адмирала З.Д. Мишукова подошел на вид прусской крепости Кольберг и стал на якорь. На следующий день бомбардирские суда «Юпитер» и «Самсон» начали обстрел крепости и береговых батарей, с которых по русским судам также открыли огонь. В вахтенном журнале 80-пушечного корабля «Св. Николай» записано: «Из города с бастиона стали по кораблям бомбардирским палить из пушек. Бомбардирский Самсон стал бомбардировать в город. Корабль Варахаил стоя на якоре к W от устья реки близ берега начал палить по батареям, а потом снялся с якоря и пошел мимо батарей и палить по оным». Бомбардирские суда производили стрельбу из гаубиц, пушек и мортир ядрами и бомбами, и от массированного обстрела в городе начался пожар. Бомбардировки продолжались до 12 сентября 1760 года⁹. В следующем году моряки вновь подходили к Кольбергу и обстреливали береговые батареи и крепостные укрепления противника. При поддержке сил флота сухопутные войска взяли эту сильную крепость.

Братья Шуваловы удержались на своих должностях и при императоре Петре III, а родной брат Ивана Гудовича, Андрей, даже стал генерал-адъютантом Петра III, получив за отличную службу 15 тыс. крепостных крестьян. Но в июне 1762 г. на российский престол вступила императрица Екатерина II, которая не жаловала и недолюбливала Шуваловых, и ее недоверие, соответственно, распространялось на их приближенных, включая генерал-адъютанта Петра Шувалова Ивана Гудовича. Однако в пользу 21-летнего офицера свидетельствовало отсутствие с его стороны какого-либо участия в дворцовых интригах и принадлежности к тем или иным партиям — другими словами, молодой дворянин просто честно служил государям и отечеству. Екатерина II, обладавшая редким свойством распознавать и оценивать людей по их качествам и талантам, понимала это, но на всякий случай представила к Гудовичу «строгий караул» сроком на три недели¹⁰.

Полное доверие Екатерины II Иван Васильевич заслужил в 1764 г. после успешного выполнения возложенной на него особо важной государственной миссии. В тот период новая российская императрица волевым решением завершила тяжелую Семилетнюю войну, твердо отказав бывшим союзникам России — Австрии и Франции — в продолжении боевых действий против прусского короля. Несмотря на настойчивые просьбы представителей этих государств возобновить кампанию против Фридриха II и окончательно разбить его, Екатерина II предпочла мирный путь развития России и намеревалась взяться за выполнение первоочередных задач: реформировать армию и флот,

укрепить экономику и финансы и сделать свою империю ведущей державой. В то же время мудрая Екатерина II хорошо понимала, что добиться этих целей можно только с помощью надежных союзников в европейских делах, поэтому после ратификации мирного договора с Пруссией задумала осуществить очень значимую в политическом и стратегическом отношениях акцию — утвердить на польском престоле своего ставленника Станислава Понятовского.

24 сентября (5 октября) 1763 г. умер польский король Август III. В Варшаве тогда пересекались интересы многих держав, и в первую очередь Франции, России и Австрии. Последние две державы стремились не допустить воцарения на польском престоле кандидата Франции Станислава Лещинского, для чего Екатерине II требовался союзник. Она нашла его в лице прусского короля, а выдвигая фигуру С. Понятовского, рассчитывала иметь в Польше послушного исполнителя своих дальнейших замыслов. Фридрих II, в свою очередь, рассматривал Россию как державу, способную сдерживать Австрию, поэтому не стал создавать препятствий Екатерине II в проведении нужной ей линии в Варшаве.

В конце 1763 г. в столице Российской империи начались русско-пруссские переговоры по вопросу о заключении оборонительного союзного договора, а 31 марта (11 апреля) 1764 г. представители России и Пруссии подписали одобренный обеими сторонами трактат дружбы и оборонительного союза сроком на восемь лет, к которому прилагалась секретная конвенция относительно Польши. В конвенции говорилось об избрании кандидатом на польский престол «стольника Литовского» Понятовского¹¹, который в результате четких и правильно спланированных последовательных действий российской императрицы стал польским королем Станиславом-Августом Понятовским. Тем самым Екатерина II исключила возможное вступление Польши в союз с Оттоманской Портой (Турцией) и Швецией против России, а для подкрепления политических договоренностей с Фридрихом II и контроля за ситуацией Екатерина II отдала приказ о вступлении отдельной части российских войск на территорию Польши.

Именно эту ответственную миссию Екатерина II доверила Ивану Гудовичу: в 1764 г. он с войсками вступил в Польшу и оказал политическое содействие Екатерине II в избрании королем Понятовского. Гудович успешно провел ряд встреч и переговоров с представителями польской шляхты и убедил их принять сторону российской императрицы в избрании королем представителя коренной династии Пястов. Решающее слово в пользу утверждения Понятовского на польском престоле оказалось за влиятельным воеводой Подольским М.Ю. Ржевуским. Выполняя решение императрицы по обеспечению политического влияния Петербурга в Варшаве, Гудович проявил себя не только как сугубо военный человек, но и как способный дипломат, чем окончательно заслужил доверие и признательность Екатерины II.

Тем временем, в Вене и в Париже умело воспользовались ситуацией в Польше и поручили своим послам в Константинополе подвигнуть турецкого султана Мустафу III объявить России войну. С открытием кампании осенью 1768 г., на одном из главных театров военных действий (ТВД) — Дунайском — развернулись бои за турец-

кие крепости и цитадели. В июле-августе 1769 г. Гудович в составе действующей армии принял участие в тяжелых боях за крепость Хотин, где сосредоточилось до 90 тыс. турок. Зачастую в распоряжении Гудовича имелся всего один батальон, командуя которым, он совершал вылазки против сильного неприятеля. В августе 1769 г. его батальон трижды одерживал победы над превосходящими силами противника, атаковал десятитысячный турецкий отряд и конницу. В результате успешных операций Хотин был взят русскими войсками.

В конце 1769 — начале 1770 г. Иван Гудович обеспечивал прикрытие армии от нападения союзных туркам татар на Буге, а также при переходе русских войск через Днестр и на марше к Дунаю. В июле 1770 г. Иван Васильевич отличился в сражении при реке Ларге, приняв участие в захвате турецких батарей и лагеря. За этот подвиг он был награжден военным орденом Святого Георгия 3-й степени. А в течение лета 1770 г. 1-ая русская армия под командованием генерал-фельдмаршала графа П.А. Румянцева, одержав ряд блестящих побед на Дунайском театре, вступила в княжества Молдавию и Валахию. Затем последовало взятие сильных турецких крепостей Килии и Измаила. Отдельные части 2-ой армии приступили к осаде Бендер. Как и в предыдущей, в кампании 1770 г. Иван Гудович принимал активное участие, обеспечивал тыловое прикрытие армии Румянцева от войск крымского хана, защищал от нападения российские обозы, а потом получил назначение в Валахию. Командуя корпусом, в состав которого входили четыре Донских казачьих полка, он занял позицию под Бухарестом, отражая непрерывные атаки противника. Перейдя в наступление, корпус Гудовича окончательно разбил турецкого командующего (сераскира) и очистил Бухарест от неприятельских войск, захватив при этом турецкие трофеи: пушки, знамена, а также провиантские магазины. Последнее обстоятельство было очень важным, так как из-за перебоев с продовольственным снабжением Иван Васильевич довольствовался всего несколькими сухарями в день, чтобы не обделять солдат.

В 1771 г. состоялось его первое боевое крещение: при штурме крепости Журжа он получил ранение в ногу, но, не долечившись, вновь оказался на полях сражений. Ему было тяжело передвигаться пешком, но в седле он чувствовал себя способным к продолжению службы, поэтому в качестве командира отряда он принял участие в боевых действиях. Российские военачальники — П.А. Суворов, Г.А. Потёмкин, генерал-аншеф И.П. Салтыков, генерал-поручик князь Н.В. Репнин — оценили военные способности и личную храбрость Гудовича, а Екатерина II пожаловала ему орден Св. Анны. Последовавшая затем тяжелая болезнь на целый год вывела Гудовича из строя, поэтому вернуться на ТВД он смог только к концу войны.

После завершения русско-турецкой кампании 1768—1774 гг. Иван Васильевич служил под Очаковым, охранял юго-западные границы. В послевоенные годы между Россией и Турцией развернулась острейшая борьба за Крым и за влияние на крымских татар, в результате чего на полуострове произошло осложнение военно-политической обстановки. Очередная война с Турцией казалась неизбежной, и осенью 1776 г. российское руководство приняло решение провести в Крыму наступательную операцию сухопутных войск при поддержке

судов Азовской флотилии со стороны Черного моря. Перед моряками поставили задачу оказывать войскам огневую поддержку, защищать подступы к полуострову и не допускать высадок там турецких десантов, а генерал Гудович с резервным корпусом наготове стоял при Елисаветграде. В ноябре 1776 г. российские войска без боя взяли Перекоп и продвинулись вглубь полуострова. Крымская операция была завершена.

Дальнейшая военная карьера Ивана Васильевича складывалась успешно. В 1780-е гг. Екатерина II поручала ему командовать полками, дислоцированными на территории вновь приобретенных земель, доставшихся России по разделу Польши, затем назначила его генерал-губернатором Рязани и Тамбова, с правом инспектора армии по кавалерии и пехоте. Когда в 1787 г. началась вторая русско-турецкая война, Иван Васильевич подал императрице прошение отпустить его в действующую армию.

В войну против Турции на стороне России вступила Австрия. Планы союзников носили наступательный характер. Вторгнуться в европейские владения Турции они предполагали с двух сторон: австрийцы с верхнего Днестра, со стороны Прута и с западной турецкой границы, русские — с северо-западного побережья Черного моря. Для этого Россия выставила Екатеринославскую армию под командованием генерал-фельдмаршала князя Г.А. Потёмкина-Таврического. Потёмкин предполагал отделить от армии часть сил для обороны Крыма и для операций на Кубани против «кавказских племен, возмущаемых Портою». Планировалось овладеть турецкой крепостью Очаков, перейти Днестр и очистить от турок район между Днестром и Прутом. Австрийским войскам назначалось взять крепость Хотин, расположенную в верхнем течении Прута. После этого союзные армии должны были соединиться для совместных операций за Дунаем¹².

Генерал-лейтенант Гудович прибыл на ТВД весной 1789 г. и принял командование корпусом. Князь Потёмкин поручил ему оборону Кинбурна и Очакова, который русские войска взяли штурмом в декабре 1788 года. В кампании 1789 г. главнокомандующий турецкой армией (великий визирь) рассчитывал на пассивность австрийцев, поэтому направление главного удара определил на Дунае против русских. Для обеспечения превосходства на море, лишения турецкого флота удобных якорных стоянок у Очакова и выгодных позиций у укрепленного замка Гаджибея (будущей Одессы), Потёмкин приказал Гудовичу отделить от корпуса часть сил и следовать к Гаджибею. А по прибытии туда овладеть этим замком при поддержке гребной флотилии генерал-майора О.М. де Рибаса. Приказ об атаке турецкого флота в районе Гаджибея получило и черноморское командование.

3 сентября 1789 г. корпус Гудовича выдвинулся от Очакова и 12 сентября подошел к Гаджибею, вблизи которого уже находилась флотилия де Рибаса. Турецкий флот выпуклой дугой выстроился с северной стороны и мог свободно обстреливать побережье, поэтому Гудович предпринял обходное движение и расположился на скрытой позиции. В резерв он выделил три конных и три пехотных полка, а атаковать замок решил главными силами с южной стороны, защищенной от выстрелов с моря. По приказу Гудовича в ночь с 12 на 13

сентября солдаты устроили на берегу батарею из осадных и полевых орудий, предназначенную для обстрела турецких судов.

Штурм Гаджибея начался 14 сентября 1789 г. в 4 часа утра. Солдаты быстро ставили лестницы и взбирались на стены замка, и уже через четверть часа на его западной стороне развевалось российское знамя. Вскоре русские войска полностью окружили замок, и турецкий гарнизон капитулировал¹³. Согласно рапорту Гудовича, турецкий флот стоял «в море от Гаджибея верстах в 14ти без всякого движения. Мелкие их суда, ретировавшиеся от выстрелов наших батарей, подняв паруса, пустились к стороне Аккермана»¹⁴.

Тем временем, русско-турецкая кампания продолжалась, и для ее коренного перелома русским войскам было необходимо овладеть ключевыми крепостями противника на западном и восточном побережье Черного моря — Измаилом и Анапой. Кавказский театр военных действий становился для России очень важным.

В 1790 г. наместником Кавказа и главнокомандующим Кубанским и Кавказским корпусами Екатерина II назначила генерал-аншефа Гудовича. В начале 1791 г. он прибыл в укрепленный пункт Георгиевск, где получил предписание главнокомандующего князя Потёмкина предпринять движение к Анапе и овладеть ею. На подготовку экспедиции Гудовичу потребовалось около двух месяцев: он заготовил «подвижной состав полевой артиллерии», обеспечил войска снаряжением и запасами, подготовил обозы и «перевозочные средства для поднятия понтонов и провиантских магазинов», запасся фуражом для лошадей. Он также принял меры для обеспечения непрерывного сообщения с Кавказской линией, а на правом берегу Кубани организовал временные укрепленные посты и редуты, которые оснастил гарнизонами. В целях более рационального оперативного руководства Гудович разделил командование корпусами: Кубанский вверил генералу И.А. Загряжскому, а за собой оставил Кавказский корпус.

29 мая 1791 г. оба корпуса завершили переправу через Кубань и на следующий день двинулись к Анапе; на марше Гудович приказывал делать трехдневные остановки на отдых. Подойдя к Анапе и заняв выгодные позиции, русские солдаты соорудили осадные батареи и приступили к бомбардировкам Анапы, что вызвало внутри крепости сильные пожары. Тогда Гудович направил письмо турецкому коменданту крепости Мустафе-паше с предложением сдаться, пообещав свободный выход гарнизона вместе с гражданским населением, но комендант отказался сдавать крепость. Через несколько дней Гудовичу доставили секретную депешу командующего Таврическим корпусом генерала М.В. Каховского о появлении в устье Днестра сильного турецкого флота и о его скором прибытии к Анапе¹⁵. Это обстоятельство ускорило события, и на военном совете было решено штурмовать крепость.

Гудович сформировал пять штурмовых колонн с резервами. Первой и второй колоннами командовал генерал-майор С.А. Булгаков, третьей и четвертой — генерал-майор И. Депрерадович, пятой — генерал-майор А. фон Шиц. Тыл от нападения черкесов прикрывал корпус генерал-майора И.А. Загряжского в количестве 4144 чел., из них 2844 чел. кавалерии. Таким образом, в бой Гудович вводил около 12 000 чел., из них для нанесения главного удара назначалось 6400.

21 июня 1791 г., с наступлением темноты, русский войска выстроились в боевой порядок и четырьмя колоннами, соблюдая полнейшую тишину, двинулись к крепости. Затем также, по возможности тихо, взбирались на первые рвы и по условному сигналу начальников колонн начинали штурм. Когда противник обнаружил их и открыл огонь, солдаты уже спускались в ров, быстро ставили штурмовые лестницы и взбирались на главные крепостные валы. Гудович докладывал, что «ров был глубокий и широкий, по большей части одетый камнями». Конная колонна русских следовала берегом моря и остановилась примерно метрах в пятистах от крепости, ожидая сигнала для штурма. В полночь, с 21 на 22 июня, по крепости была открыта канонада, и под ее прикрытием войска придвинулись ближе к городу. Штурм прошел успешно, также успешно действовали войска под командованием генерала Загряжского, отражая натиск горцев. Потери турок составили: восемь тысяч погибших; пленными: шесть тысяч мужчин, в том числе трехбунчужный паша, две тысячи женщин и детей, остальным удалось отплыть на судах. Русские потеряли 18 офицеров убитыми, 61 ранеными; нижних чинов было убито 912, ранено 1934. В качестве трофеев взяли 83 пушки, 12 мортир и более 130 знамен¹⁶. В числе пленных оказался и известный шейх Мансур, который вел антироссийскую пропаганду среди горских народов. Его отправили в Петербург и заключили в Шлиссельбургскую крепость, где он скончался в апреле 1794 года.

После падения Анапы турки покинули другой опорный пункт на восточном побережье Черного моря — Суджук-Кале — и ушли в горы. Русские войска оставались в Анапе немногим больше месяца и довольствовались взятым у противника провиантом. Затем, выполняя приказ Потёмкина, Гудович «взорвал и срыл все обороны и батареи» Анапы, засыпал и сравнял с землей рвы и валы, взорвал пороховые погреба, «сжег палисады», засыпал колодцы, а «город истребил до основания».

За взятие Анапы Екатерина II удостоила Гудовича высшей военной наградой России — ордена Св. Георгия 2-го класса и золотой шпагой, богато украшенной лаврами и бриллиантами. Главные сподвижники Гудовича Загряжский, Булгаков и другие получили ордена Св. Георгия 3-го класса, многим офицерам, в том числе артиллеристам, вручили золотые шпаги и ордена. Экспедиция к Анапе помогла Ивану Васильевичу оценить стратегическое значение Кавказской линии в целом и начать реализацию замыслов Потёмкина по основанию Кубанской укрепленной линии. По инициативе Гудовича, вдоль линии началось строительство казачьих поселений.

После окончания русско-турецкой кампании 1787—1791 гг. императрица назначила Ивана Васильевича генерал-губернатором Кавказа. С того времени он получил реальную возможность не только укреплять Кавказскую линию, но и вплотную заняться организацией обороны Кубанской линии, как и планировал после взятия Анапы, еще при жизни светлейшего князя Потёмкина-Таврического. При Гудовиче пограничную зону установили от устья Терека до впадения реки Лабы в Кубань, и от этого пункта до впадения Кубани в Черное море. Постоянная штаб-квартира Гудовича находилась в Кизляре. Кроме вопросов обороны, Екатерина II возложила на генерала Гудо-

вича обеспечение российских войск продовольствием, а крепостей — артиллерией, порохом, боеприпасами и фуражом для лошадей.

Завершив войну с Турцией, в Зимнем дворце самое серьезное внимание обратили на Каспий (главным образом на Азербайджан), а также на Персию, где набирал силу хан Ага-Магомет, действия которого в отношении российских подданных стали особенно агрессивными: он запретил персидским купцам покупать российские товары, что сразу ударило по астраханской торговле, захватил провинцию Гилян, где начались притеснения российского купечества. Вскоре в Петербурге стало известно об усиленном вооружении Аги-Магомета и о его планах привлечь на свою сторону туркмен, восточных татар, весь Дагестан и Кавказ, чтобы направить совместное оружие против России¹⁷.

Из-за возникших опасений за безопасность границ Российской империи и угрозы вторжения войск персидского хана, кабинет Екатерины II после нескольких секретных совещаний постановил привлечь на сторону России лояльных ханов, в частности дербентского, и с их помощью «проникнуть в середину Персии, низвергнув Агу Магомет хана»¹⁸. Но вначале было необходимо убедить хана Дербента направить в Петербург своих представителей с просьбой принять его под покровительство России¹⁹. Кроме политической составляющей Россия нуждалась в усилении Каспийской военной эскадры, которая находилась в подчинении Гудовича и несла боевое дежурство у персидских берегов.

В связи с тем, что Астрахань являлась тогда важным торговым и военным портом, по поручению Екатерины II в 1792—1794 гг. Иван Васильевич занимался обустройством Астраханского адмиралтейства и порта. В июне 1794 г. Адмиралтейств-коллегия представила императрице доклад, в котором подчеркивала, что отправила в Астрахань своего представителя вместе с архитектором. По согласованию с губернатором Гудовичем, был выработан проект переустройства Адмиралтейства и его переноса в другое, более выгодное место, так как «мель год от году в длину и ширину распространяется, а фарватер суживается, и течение воды пресекается»²⁰. Екатерина II одобрила проект модернизации Астраханского Адмиралтейства.

К весне 1795 г. обстановка на Северном Кавказе серьезно осложнилась: до Гудовича стала доходить тревожная информация о подготовке Аги-Магомета к войне с Грузией. Иван Васильевич докладывал императрице: «Обстоятельства Персии переменяются. Ага-Магомет усиливается, возрастает в высокомерных своих замыслах, собирает войска, грозит нападением на Грузию, отчего царь Ираклий сильно встревожился и просит о помощи»²¹. Опасения Гудовича подтвердились: персидский хан вторгся в Грузию, разорил и опустошил земли, увел в плен десятки тысяч жителей. В Петербурге не остались равнодушными к трагедии грузинского народа и приняли решение оказать военную помощь грузинскому царю Ираклию и разгромить армию персидского хана.

Началась подготовка к Персидскому походу, а главнокомандующим экспедиционным корпусом Екатерина II назначила родного брата своего последнего фаворита Платона Зубова — Валериана Зубова. Императрица не удостоила тогда генерала Гудовича чести возглавить

войска, чем очень обидела его, так как именно Гудович занимался теоретическими разработками планов действий против персидского хана и хорошо знал обстановку. Иван Васильевич подал прошение об отставке, но вместо отставки императрица предложила ему уйти в двухгодичный отпуск.

1796 год стал переломным в судьбе России: в ноябре скончалась Екатерина II, а император Павел отозвал войска из Грузии и завершил в целом успешный Персидский поход. Павел вспомнил о Гудовиче, досрочно вернул его из отпуска и поручил ему оборону Кавказской линии и расположенных вдоль нее фортов и укреплений. В рескрипте от 5 января 1797 г. император предписал Гудовичу вновь обратиться серьезное внимание на пограничные дела с Персией и «приложить старание к тому, чтобы искусным и осторожным образом внушить повелителю Персии отказаться от всякого посягательства на Грузию и земли по правому берегу Каспийского моря». В отношении южных соседей — Турции и горских народов — в рескрипте последовательно указывалось: «Удаляться от подания ей подозрения, что мы ищем с нею поводов к ссорам», и «удерживать их в кротости и повиновении ласкою»²². 5 апреля 1797 г., в день своей коронации, император Павел возвел Ивана Васильевича в графское достоинство, а через два года назначил его главнокомандующим заграничной армией. Гудович получил приказ императора двинуться к Рейну и действовать совместно с австрийцами против французских войск, но в тот период такие операции не состоялись.

Обстановка на Кавказской линии в короткое царствование сына Екатерины II оставалась спокойной. Гудович сдерживал воинственные порывы нового персидского владыки Баба-хана в отношении Грузии, но опасность этому государству существовала постоянно, поэтому из Тифлиса в Петербург выехал князь Г. Чавчавадзе с просьбой о защите и покровительстве. В 1798 г. скончался грузинский царь Ираклий и на престол вступил его сын Георгий XII, который подтвердил все прежние договоры Грузии с Россией и просил окончательно принять ее в свое подданство. В ноябре 1799 г. российские войска под командованием генерал-майора И.П. Лазарева перешли Кавказский хребет, переправились через Дарьяльское ущелье и вступили в Тифлис. Их вход в город сопровождался колокольным звоном, пушечной пальбой, радостными приветствиями жителей, женщины плакали и бросали солдатам цветы. Георгий XII предоставил командирам полков и штаб-офицерам свои собственные дома и лучшие квартиры, бесперебойно снабжал войска продовольствием и всем необходимым. 12 сентября 1801 г. новый российский император Александр I обнародовал манифест о принятии Грузии в подданство России и направил в Тифлис своего представителя генерал-аншефа П.Д. Цицианова.

В конце 1806 г. началась очередная русско-турецкая война. Россия в это время воевала с Францией, и Наполеон с помощью своей дипломатии в Константинополе убедил турецкого султана Селима III объявить России войну, чтобы тем самым отвлечь часть российских сил от европейских театров военных действий к Дунаю и Черному морю. При открытии кампании главнокомандующий в Грузии генерал Гудович получил приказ Александра I действовать наступательно

на турецкие пашалыки в Азии. Во избежание войны на два фронта — со стороны Балкан на западе и со стороны Персии на юго-востоке — России было необходимо стабилизировать обстановку на Кавказе. В этой связи Гудович настаивал на том, чтобы главным условием подписания мирных соглашений с Персией стало проведение демаркационной линии по рекам Куре и Араксу, до впадения в Аракс реки Арпачая. Гудович хотел лишить персов последнего оплота в Закавказье — Эриванского и Нахичеванского ханств — овладеть которыми россиянам так и не удалось, и с этой целью, по согласованию с министром иностранных дел А.Я. Будбергом, отправил в Тегеран своего адъютанта майора Степанова.

Степанову поручалось провести переговоры с персидским владыкой Баба-ханом на предмет добровольной передачи России Эриванского и Нахичеванского ханств, а взамен Петербург брался помочь Баба-хану вернуть персидские провинции Эрзерум и Баязет, захваченные турками. Степанов передал Баба-хану письмо Гудовича следующего содержания: «Вам известно, что я турков в прошлые войны везде бил, и в последнюю войну взял у них 5 крепостей. Взяв у них более 300 пушек и 30000 пленных, и теперь погоню их, как овец. Персии весьма полезно быть с нами в союзе, ибо могут они в одно лето приобрести от турок знатные, прежде бывшие персидские провинции, и я им помогу»²³.

Однако персы не торопились с ответом на столь заманчивое предложение и выжидали, чем закончатся военные действия между Россией и Турцией. Император Александр I настойчиво требовал от Гудовича прекратить военные конфликты с Персией, вторгнуться в турецкие владения и отвлечь армию великого визиря от Балканского театра. Согласно высочайшим повелениям, Иван Васильевич принял решение начать операцию по взятию Карса — этого важного оплота турок в Малой Азии.

Для защиты Карса турки выставили 20 тыс. чел. под командованием Юсуфа-паши, и в июне 1807 г. на реке Арпачай 6-тысячный корпус генерала Гудовича наголову разбил противника. Иван Васильевич писал министру военных морских сил России И.И. де Траверсе: «Милостивый Государь мой Маркиз Иван Иванович! Имею честь Вас уведомить, что я поспешив через горы форсированными маршами из Грузии к стороне Еривана на турецкую границу и найдя на реке Арпачае Арзрумского сераскира Юсупа Пашу, рекогносцировал неприятеля и с 17е на 18е число июня на рассвете атаковав, разбил его, так что войска его более 20 тысяч человек после упорного 9 часов продолжавшегося сражения все рассеяны и разбежались, куда кого страх повел. Сам же сераскир с места сражения пешком бежал. При сей победе взял я неприятельских два лагеря, всю полевую и осадную артиллерию, одну на месте, а другую в преследовании, множество снарядов и припасов, и найдено более 1000 человек убитых на месте. Июня 22 дня 1807 года. Лагерь при реке Арпачае»²⁴. За сражение при Арпачае Гудович получил звание генерал-фельдмаршала.

После успешной операции Иван Васильевич посчитал нецелесообразным развивать наступление на Карс, так как у него в тылу и на фланге находились еще многочисленные персидские войска. Оставаясь на прежних позициях, осенью 1807 г. он получил депешу с копи-

ей мирного договора в Тильзите, который Александр I подписал с Наполеоном, а также с сообщением о начавшемся перемирии с Турцией. В связи с изменившимися военно-политическими обстоятельствами, действуя по обстановке, Гудович установил личный контакт с турецким командующим Юсуфом-пашой и в начале сентября 1807 г. подписал с ним мирный договор.

Расположив войска на зимние квартиры, Гудович выехал в Тифлис, а Баба-хан воспользовался его отсутствием и приказал эриванскому хану Хусейну выйти с корпусом к российским границам. В создавшихся условиях Гудович не стал ждать дальнейшего развития событий и двинул войска на Эривань. 29 сентября 1807 г. у деревни Аштарак произошло сражение: 4-тысячное войско Хусейна потерпело поражение, но большая его часть укрылась в Эриванской крепости, поэтому Гудович начал осаду.

Постепенно положение российских войск серьезно осложнилось из-за наступивших холодов, а выпавший в горах снег заградил перевалы и прервал сообщение с Тифлисом. Гудович понимал, что у него оставалось единственное средство с честью выйти из положения — предпринять штурмовую атаку, которая началась в ночь с 16 на 17 ноября 1807 года. Однако все попытки взять Эривань штурмом не увенчались успехом, и Гудович отдал приказ отступить в Грузию. На обратном переходе погибли десятки солдат, тяжело заболел и сам командующий, потеряв от переохлаждения правый глаз. Его завистники откровенно радовались завершению его военной карьеры.

После неудачной операции Иван Васильевич подал императору прошение об отставке, и Александр I принял ее. Достойным преемником Гудовича стал генерал А.П. Тормасов, а сам фельдмаршал в 1809 г. был переведен в Москву с назначением на должность сенатора и члена Государственного совета. Скончался он в своем малороссийском имении Чечельнике в январе 1820 г., завещав похоронить себя в Киеве в Софийском соборе. Иван Васильевич был женат на дочери гетмана Кирилла Разумовского Прасковье Разумовской; его сын, генерал-майор Андрей Иванович Гудович, также избрал военное поприще, верой и правдой служил России и отличился в Бородинском сражении 1812 года.

Примечания

1. Энциклопедия военных и морских наук генерал-лейтенанта Леера. СПб. 1885.
2. Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756—1762 гг. М. 1948.
3. Там же, с. 327—328.
4. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 212, 1757 год, д. 15, л. 1—2.
5. Реестр, сколько имеет быть в будущую кампанию вооружено кораблей и других судов. РГАВМФ, ф. 212, 1757 год, д. 15, л. 50.
6. Там же, л. 334—335.
7. Там же, ф. 212, 1758 год, д. 8, л. 6—8; Материалы для истории русского флота. СПб. 1883, ч. X, с. 444, 479.
8. Там же, л. 12—14, 24об., 30.
9. РГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 687, л. 24—25, 35об.—36.

10. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Д. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб. 1840.
11. Полное Собрание Законов Российской Империи, т. XVI. № 12.119, с. 694—695. Обмен ратификационными грамотами состоялся 6 апреля 1764 года.
12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 52, оп. 2, д. 5, л. 6—8.
13. Донесение Г.А. Потёмкина Екатерине II о победе при Гаджибее. Там же, д. 14, л. 46—50.
14. Бумаги князя Потёмкина. 1788—1789 гг., с. 283, 303—304.
15. Материалы для истории Северного Кавказа. 1791—1792 гг. Кавказский Сборник, т. 17, с. 446.
16. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 609, д. 218, л. 15.
17. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). ИДД МИД РФ: секретные мнения Коллегии Иностранных дел, ф. 5, оп. 5/1, д. 588, л. 10—11.
18. АВПРИ, ф. 5, оп. 5/1, д. 588, л. 6.
19. Там же, л. 7об.
20. РГАВМФ, ф. 201, оп. 1., д. 89, л. 16—19об.
21. ДУБРОВИН Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 3. СПб. 1886, с. 12.
22. Цит. по: ПОТТГО В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3. Тифлис. 1904, с. 47—48.
23. Там же, с. 268—269.
24. РГАВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 9, л. 18—19об.

ИСТОРИЯ ПОБЕДЫ

Организация железнодорожного сообщения в западных областях СССР в 1939 — июне 1941 г.

В.Н. Назаров

В предвоенные годы советское военно-политическое руководство, осознавая всю опасность складывавшейся в мире ситуации, предприняло ряд необходимых мер для обеспечения безопасности страны.

Мирный договор о ненападении от 23 августа 1939 г. между СССР и Германией позволил советскому руководству ввести войска в западную Белоруссию и Украину, республики Прибалтики и Бессарабию. Кроме того, на Карельском перешейке была отодвинута граница от Ленинграда. Все это дало возможность перенести государственную границу на запад на 300—500 км, позволяя выиграть время и растянуть коммуникации противника, создав трудности в обеспечении и снабжении его войск.

Согласно архивным данным, присоединение новых территорий наносило значительный ущерб пропускной способности железных дорог, что было вызвано целым рядом причин. Во-первых, железнодорожная колея присоединенных территорий не соответствовала союзной колее, что вызывало беспокойство Генерального штаба РККА. Необходима была реконструкция и строительство новых железнодорожных объектов оборонного значения, а это требовало значительного времени и ресурсов. Были проведены работы по перешивке железнодорожных линий, построены и расширены подъездные пути, погрузочно-разгрузочные станции, платформы, но к началу войны полностью перестроить железнодорожную сеть присоединенных территорий не удалось, так как по планам правительства работы должны были завершиться к концу 1942 года.

«Для командования Красной Армии большую проблему представляло то, что в 1939—1940 гг. резко изменилось в общем благоприятное ранее соотношение пропускной способности железных дорог. Доклады Управления военных сообщений за 1940 и 1941 гг. указы-

---

Назаров Владимир Николаевич — аспирант Российского государственного гуманитарного университета.

вают на то, что во вновь занятых районах было расположено 11 746 км железнодорожных линий. Ни одна из них не могла быть напрямую включена в советскую железную сеть по ряду причин, в том числе из-за различий в ширине колеи. Требовалось расширить железнодорожную колею на всем протяжении от старой до новой границы, чтобы включить ее в советскую сеть»¹.

«К несчастью, для советского командования задача “связывания” новых линий не ограничивалась только расширением колеи железной дороги. Другие значительные и необходимые мероприятия происходили из требований провести стандартизацию, заменить устаревшие локомотивы, улучшить сообщение и перестроить почти все основное оборудование, включая станции, подъездные пути и платформы. Кроме того, следовало заменить шпалы и значительно увеличить количество балласта. По новым линиям должны были проходить поезда стандартного веса и длины,двигающиеся с определенной скоростью. Таким образом, подразумевалось нечто большее — линии должны были перестраиваться до основания. Этот процесс требовал ресурсов, рабочей силы и времени»².

На реконструкцию и строительство были задействованы крупные средства и рабочая сила, как железнодорожных войск, так и гражданского населения. Благодаря этим усилиям были достигнуты значительные результаты, но этого оказалось недостаточно.

«Задача была масштабной, а темпы развития были крайне низкими. На первых порах не хватало средств, даже щедрое пополнение рабочей силой не удовлетворяло растущих требований. В 1940 году Генеральный штаб РККА задействовал около 10 тысяч человек из железнодорожных войск, и пришлось мобилизовать гражданское население для соединения железнодорожных сетей. С сентября 1939 по ноябрь 1940 гг. в советскую стратегическую сеть влилось около 35,5%, или 4180 км железных дорог. В феврале 1941 года Генштаб РККА мобилизовал 7 дополнительных бригад дорожно-строительных войск общей численностью около 15 тысяч человек. Вскоре к ним прибавилось 5 тысяч человек для работы в течение 45 дней»³.

Беспокойство также вызывал недостаток рокадных путей на переднем фронте в связи с изменением государственной границы, как и пропускная способность железнодорожных линий, ведущих к границе. Существовала лишь одна рокадная линия, которая тянулась от Вильнюса до Шепетовки через Барановичи, но она была одноколейной и также требовала полной реконструкции.

«20 марта 1941 г. генерал-лейтенант Трубецкой, начальник Управления военных сообщений Генерального штаба РККА писал, что железные дороги сильно пострадали от включения новых территорий. Он ссылаясь на цифры, согласно которым “общая пропускная способность железнодорожных линий, ведущих к старым границам, составляла 871 пару составов в сутки”. Однако с учетом изменившейся обстановки с 1939 г. “на новую границу может быть послано 444 поезда в сравнении с 988 поездами противника”. Это означало, что пропускная способность железных дорог потенциального противника в два раза превосходила этот показатель в СССР»⁴.

После образования польского государства и в соответствии с общими установками властей Польши, прежние экономические связи

были прерваны, и железные дороги Западной Белоруссии и Западной Украины пришли в запустение. В связи с изменением приоритетов польского руководства они были перешиты на западноевропейскую колею (1435 мм), с некоторых линий был снят второй главный путь, а рельсы были использованы при строительстве и реконструкции железных дорог Польши в западном направлении. Новых линий почти не строилось, а те из немногих, что были построены и вели к границам СССР, сооружались в военных целях.

«Таким образом, в целом из числа 1646 км железных дорог, построенных бывшим польским государством за все время его существования, на Западную Белоруссию и Западную Украину пришлось всего 214 км, причем эти железнодорожные линии предназначались для военных целей, для подготовки нападения на СССР»⁵.

Большая часть железных дорог была узкоколейной, а паровозный парк и вагонный парк были разнотипными. Рельсы и подвижной парк характеризовались также сильной изношенностью, а ремонтная база была развита слабо.

Генеральный штаб настаивал на срочной перешивке железных дорог Западной Белоруссии и Западной Украины на союзную колею и на их технической реконструкции с доведением пропускной, провозной и выгрузочной способности хотя бы до того уровня, который был на железных дорогах у старой границы. Но широкомасштабные работы по реконструкции железных дорог начались только к весне 1941 года.

К лету 1941 г. созданные железные дороги — Белостокская, Брест-Литовская, Ковельская и Львовская — работали со сбоями, основные показатели выполнялись плохо. Участковая скорость движения поездов была ниже плановой. Наличие западноевропейской колеи и незаконченность постройки маневровых вытяжек для формирования поездов создавали излишнюю скученность железнодорожных узлов. В основном все пути были уложены на песчаном балласте, и почти половина шпал была непригодна для эксплуатации.

Железнодорожная сеть Эстонии, Латвии и Литвы, вошедших осенью 1940 г. в состав СССР, также не соответствовала союзной железнодорожной сети. Кроме того, для обеспечения воинских перевозок железные дороги Прибалтийских республик были плохо оборудованы.

«Железнодорожная сеть Литвы имела протяженность 2175 км, в том числе 1700 км западноевропейской (1435 мм) и 475 км узкой (600 и 750 мм) колеи. На линиях широкой колеи эксплуатировались 1600 паровозов, на линиях узкой колеи — 77 паровозов, среднесуточный пробег паровоза составлял соответственно 150 и 82 км. Пассажирских вагонов было около 400 (в том числе 100 узкоколейных), товарных — около 4600 (из них примерно 600 узкоколейных). Паровозы были старой постройки (единицы — чешской постройки 1931 года) и работали на дровах. На отдельных линиях использовалось несколько дизель-электрических и газогенераторных автомоторис. Годовой объем перевозок составлял 3,7 млн пассажиров (включая пригородные) и 2,4 млн тонн грузов»⁶.

«Протяженность сети железных дорог Латвии составляла 3350 км, из них 2050 км имели ширину колеи 1524 мм, 305 км — колею 1435 мм и 95 км — колею 750 или 600 мм. На сети обращались 290 паровозов различного происхождения и колеи, разных типов и сроков служ-

бы, 760 пассажирских и 4750 товарных вагонов широкой колеи. Годовой объем перевозок достигал 14,8 млн пассажиров (в основном пригородных) и 4,4 млн тонн грузов»⁷.

«Протяженность железнодорожной сети Эстонии равнялась 1466 км, в том числе 792 км широкой и 674 км узкой колеи. На линиях широкой колеи насчитывалось 104 локомотива, 302 пассажирских и 3554 товарных вагона; соответствующие цифры для линий узкой колеи — 109, 219 и 2069. Все паровозы работали на горючих сланцах. Годовой объем перевозок — 10,7 млн пассажиров, 2,7 млн тонн грузов — был ниже уровня 1913 года»⁸.

В июне 1940 г. вошли в состав СССР Бессарабия и Северная Буковина. Железнодорожная сеть этих территорий не пострадала, но она также имела западноевропейскую колею и требовала реконструкции. Необходимость перегрузки в пунктах стыка союзной и западноевропейской колеи осложняла организацию перевозок и в особенности воинских.

Недостаточная и слабая пропускная способность железных дорог к западу от старой государственной границы оказалась узким и самым уязвимым местом всей транспортной системы СССР.

«Так, с востока по шести железнодорожным направлениям с девятью колеями к железнодорожной рокаде Овруч — Коростень — Шепетовка — Каменец-Подольский можно было подвести 259 поездов в сутки (и столько же отправить обратно). Но к западу от этой рокады проходило только пять железнодорожных направлений с шестью колеями, которые пропускали в сутки лишь 108 пар поездов. В пределах Западной Украины общая пропускная способность имевшихся там шести железнодорожных направлений с восемью колеями составляла 168 пар поездов в сутки»⁹.

Требовалось как можно быстрее развернуть реконструкцию западных железных дорог на присоединенных территориях. Однако эти работы были задержаны из-за нехватки необходимых средств. В докладной записке начальника Генерального штаба Красной Армии командарма 1 ранга Б. Шапошникова, военного комиссара Генерального штаба комбрига Н. Гусева и начальника ВОСО Красной Армии комдива Трубецкого на имя начальника штаба КОВО от 6 января 1940 г. сообщалось:

«Представленные Военным Советом КОВО при № ВП/002062 соображения на строительство новых железных дорог и укладку вторых путей осуществить не представляется возможным, ввиду ограниченных ассигнований, предусмотренных Правительством на 1940 г.

Строительство железнодорожной линии титул № 56 решением Правительства за № 1921—523С от 17 ноября 1939 года отменено.

По вопросу перешивки и усилению пропускной способности железных дорог Военному Совету КОВО сообщено за № 3/14/26040 от 14 ноября 1939 г.»¹⁰.

В записке за подписью начальника ВОСО Красной Армии комдива Трубецкого, военного комиссара Барина и начальника 4-го отдела военинженера Козлова от 14 февраля 1940 г. Военному Совету КОВО сообщалось:

«По плану железнодорожного строительства на 1940 г. постройка железнодорожной линии Новоград-Волынский — Ровно не предус-

матривается и кредитов для этой цели не отпускается. Учитывая важное значение этой железнодорожной линии, перед Правительством и НКПС будет поставлен вопрос о включении постройки железнодорожной линии Новоград-Волынский — Ровно в план нового железнодорожного строительства на 1941 год. О чем сообщают по приказанию начальника Генерального штаба Красной Армии»¹¹.

Во время подготовки и проведения похода советских войск в Западную Белоруссию и Западную Украину, начавшегося 17 сентября 1939 г., НКПС и органы военных сообщений Генерального штаба РККА (начальник ВОСО РККА генерал-майор А.Е. Крюков) проделали большую работу по обеспечению крупных воинских железнодорожных перевозок. «Общий объем проведенных воинских перевозок составил около 6 тыс. эшелонов, или свыше 300 тыс. вагонов»¹².

В докладной записке за подписью командующего войсками Белорусского фронта командарма 2-го ранга Ковалёва, члена военного Совета корпусного комиссара Сусайкова и заместителя начальника штаба комдива Климовских на имя маршала Союза ССР Ворошилова и НКПС Л.М. Кагановича от 11 октября 1939 г. сообщалось: «Перегрузочные пункты, организованные в пределах Белорусского фронта (округа) станций Крулевщина, Молодечно, Столбцы, Негорелое, Микашевичи, среднесуточная перегрузочная способность которых составляет до 600 вагонов, не обеспечивает полную потребность войск, не говоря уже о накоплении запасов, при таком объеме перегрузки не используется пропускная способность железнодорожных участков даже мирного времени. Ежедневная потребность фронта в снабженческих грузах в настоящее время достигает до 900 вагонов в сутки. Учитывая необходимость создания запасов для фронта и потребность подвоза по удовлетворению нужд местного населения и промышленности, требования к перегрузочным пунктам увеличиваются не менее чем в два раза. Несоответствие между потребностью фронта и возможностью перегрузки на перегрузочных пунктах ставит в тяжелое положение снабжение фронта и населения всем необходимым»¹³.

«Перегрузочные пункты не оборудованы: не имеют складских помещений, помещений для размещения рабочих, нет средств, механизации и требуют для перевозки ежедневно не менее 5500 человек. Для обеспечения подвоза войсковым соединениям пополнения передовых складов, расположенных, главным образом, в районах Вильно, Гродно, Белосток, Брест-Литовск и накопления минимально необходимых запасов в армейских и фронтовых складах необходимо организовать непосредственную доставку грузов к соединениям и складам по перешитой колее без перегрузки. Перешивка западноевропейской колее сохраняет существующие перегрузочные пункты, расширяет фронт перегрузки и позволяет имеющийся в настоящее время парк подвижного состава в 9000 вагонов и 600 паровозов использовать на остающейся, не перешитой колее протяжением 2300 км материалами и рабочей силой работы по перешивке в пределах фронта обеспечены. Перешивка пути с западноевропейской колее на Союзную колее позволит использовать Союзный подвижной состав — вагоны 20; 50 тонн и паровозы серии “Э”»¹⁴.

В записке также указывается, что для решения возникших проблем по обеспечению и снабжению войск Белорусского фронта необ-

ходима срочная перешивка железнодорожного пути с западноевропейской на союзную колею, которая возможна и технически выполнима.

Подвижной состав в западных присоединенных областях был в значительной степени устаревшим и отличался большой разнотипностью. Кроме того, железнодорожные станции приграничной зоны в западных областях СССР в ряде мест не были приспособлены для массовой выгрузки войск.

«Железнодорожные направления, подходящие к Полоцку, обеспечивали пропуск до 130—150 пар поездов, а участки, выходящие к фронту, пропускали только 28—32 пары поездов, участок Полоцк — Фариново пропускал 12—16 поездов, участок Орша — Лепель позволял перевозить 16—20 пар поездов.

На этом же направлении бывшей польской территории участок Загатье — Крулевщизна обеспечивал 16—20 пар поездов, участок Крулевщизна — Подбродзье 24 пары поездов»¹⁵.

Нараставший поток воинских оперативных эшелонов забил Полоцкий и Минский железнодорожные узлы и уже на второй день воинской операции, 18 сентября, они не могли нормально работать в силу своего технического неустройства.

В письме Ворошилова Кагановичу сообщалось: «Перешивка железнодорожных путей Западной Белоруссии и Западной Украины на участках: Фариново — Крулевщизна, Радошковичи — Молодечно, Негорелое — Барановичи (один путь), Олевск — Сарны и Волочинск — Тарнополь — Красне, Львов закончена. Дальнейшая перешивка путей прекращена. Однако выполненный объем работ по перешивке путей не решает вопроса обеспечения войск всем необходимым, и ни в какой мере не обеспечивает стратегическое сосредоточение войск у новой границы»¹⁶.

Перевозка воинских частей и всего для них необходимого с перегрузкой подвижного состава железнодорожной сети СССР (1524 мм) на подвижной состав западноевропейской колеи (1435 мм) требовала больших затрат времени — до 12 часов на каждый поезд, вызывая простой подвижного состава, большой расход средств и рабочей силы.

Подвижной состав на железных дорогах Западной Белоруссии и Западной Украины в основном представлял собой вагоны различных назначений, требовавших ремонта или совершенно негодных. Аналогичное положение сложилось и с паровозным парком.

«Для обеспечения сосредоточения войск у новой границы в возможно короткие сроки и без перегрузки, необходимо выполнить следующие работы:

1) Построить однопутные соединения для получения сквозных выходов с тупиковых железнодорожных участков:

а) Лепель — Крулевщизна с пропускной способностью 24 пары поездов в сутки — 65 км;

б) Тимковичи — Любинец с пропускной способностью 24 пары поездов в сутки — 16 км;

в) Любинец — Гончары с пропускной способностью 24 пары поездов в сутки — 32 км (используется земляное полотно узкоколейки);

г) Закупное — Гусятин с пропускной способностью 18 пар поездов в сутки — 12 км (работа уже производится).

Итого: 125 км»¹⁷.

«2) Провести перешивку железнодорожных путей колеи 1435 мм на колею железнодорожной сети СССР 1524 мм в пределах:

- а) Белорусского фронта — 2524 км;
- б) Украинского фронта — 1111 км.

Всего по обоим фронтам 3635 км главных путей без учета вторых и станционных путей.

Железнодорожные направления и участки, намечаемые к перешивке с одновременным усилением указаны в перечне, основными из которых являются:

- а) Крулевщизна — Молодечно — Лида — Волковыск, Черемха — граница — 476 км;
- б) Негорелое — Барановичи — Брест-Литовск — 270 км;
- в) Барановичи — Волковыск — Белосток — Граево — 29 км;
- г) Житковичи — Лунинец — Жабинка — 250 км;
- д) Сарны — Ковель — граница — 222 км;
- е) Здолбуново — Красне — 143 км;
- ж) Лепесовка — Тарнополь — 61 км;
- з) Львов — Перемышль — 97 км;
- и) Здолбуново — Ровно — Киверце — Ковель — 146 км.

Часть железнодорожных участков Западной Украины, имеющих слабые искусственные сооружения и тоннели, временно оставить той же колеи 1435 мм для использования трофейного подвижного состава»¹⁸.

«3) Провести укладку вторых путей по готовому земляному полотну на железнодорожных участках:

- а) Богданов — Молодечно с доведением пропускной способности до 72 пар поездов в сутки — 58 км;
- б) Минск — Молодечно с доведением пропускной способности до 72 пар поездов в сутки — 65 км;
- в) Шепетовка — Кривин с доведением пропускной способности до 72 пар поездов в сутки — 40 км.

Всего: 163 км»¹⁹.

«4) Увеличение пропускной способности железнодорожных участков:

- а) Минск — Негорелое с 27 пар поездов до 96 пар поездов в сутки;
- б) Белокаровичи — Олевск с 12 пар поездов до 24 пар поездов в сутки;
- в) Шепетовка — Лепесовка с 12 пар поездов до 24 пар поездов в сутки;
- г) Гречаны — Ярмолинцы — Копычинцы с 12 пар поездов до 24 пар поездов в сутки;
- д) Полоцк — Фариново — Молодечно с 16—18 пар поездов до 24 пар поездов в сутки;
- е) Гречаны — Волочинск с 16 пар поездов до 24 пар поездов в сутки.

По выполнении перечисленных работ пропускная способность основных железнодорожных направлений в пределах Белорусского фронта достигнет 264 пар поездов, что за вычетом факультатива и частей усиления, обеспечит подвоз примерно 2—2,5 дивизий в сутки; в пределах Украинского фронта — 168 пар поездов в сутки, то есть 1,5 дивизий в сутки.

Таким образом, по обоим фронтам можно будет подвозить ежедневно 432 поезда или около 4 дивизий.

Работы по перешивке путей и укладке вторых путей могут быть выполнены железнодорожными частями РККА, находящимися в пределах фронтов и поднятыми восстановительными организациями НКПС в течение 2-х месяцев»²⁰.

«Если по воинскому графику 1938 года к прежней границе было возможно подать:

1) в Ленинградский округ — 100 поездов; 2) в Калининский округ — 66 поездов; 3) в Белорусский округ — 264 поезда; 4) в Киевский округ — 118 поездов; 5) в Одесский округ — 77 поездов. Всего 625 поездов в сутки.

То по существующему состоянию железнодорожной сети по железным дорогам, отошедшим к СССР территорий, к новой границе можно подать:

1) в Ленинградский округ — 78 поездов; 2) в Прибалтийский округ — 67 поездов; 3) в Западный округ — 45 поездов; 4) в Киевский округ — 51 поезд; 5) в Одесский округ — 69 поездов. Всего 310 поездов в сутки»²¹.

«Сравнение возможностей сосредоточения по железным дорогам западных соседей Германии, Венгрии и Румынии в отношении СССР характеризуются следующими данными:

Германия к ПрибОВО — 200 поездов в сутки, количество дивизий в сутки — 2,5; СССР в ПрибОВО — 67 поездов в сутки, количество дивизий в сутки — 1; Германия к ЗапОВО — 154 поезда в сутки, количество дивизий в сутки — 2; СССР в ЗапОВО — 45 поездов в сутки, количество дивизий в сутки — 0,5; Германия к КОВО — 156 поездов в сутки, количество дивизий в сутки — 3; Венгрия к КОВО — 54 поезда в сутки, количество дивизий в сутки — 0,6; СССР в КОВО — 51 поезд в сутки, количество дивизий в сутки — 1; Румыния к КОВО и ОдВО — 83 поезда в сутки, количество дивизий в сутки — 1,5; СССР в ОдВО — 69 поездов в сутки, количество дивизий в сутки — 1.

Итого к границам СССР — 647 поездов в сутки, количество дивизий в сутки — 9; итого СССР к границам — 232 поезда в сутки, количество дивизий в сутки — 3,5.

Столь малые и невыгодные для СССР возможности для сосредоточения войск по железным дорогам объясняются как начертанием и развитием сети железных дорог в новых районах СССР, так и состоянием этой железнодорожной сети в связи с перешивкой большого числа железных дорог западноевропейской колеи на колею СССР»²².

Несмотря на проведенные работы, техническая реконструкция и новое строительство на приграничных железных дорогах были выполнены в недостаточной мере. В связи со складывавшейся неблагоприятной обстановкой, приближением потенциального противника к нашим западным границам и угрозой его нападения, требовалось провести ряд мероприятий по повышению мобилизационной готовности железнодорожной сети западных областей СССР.

На многих участках железных дорог недостаточная пропускная способность железнодорожных узлов не соответствовала более высокой пропускной способности железнодорожных линий. Такое положение существовало на ряде железнодорожных участков западных железных дорог: Ковельской, Львовской, Винницкой, Белостокской, Брест-Литовской, Юго-Западной, Белорусской и других.

Такая важная в стратегическом отношении, как Ковельская железная дорога работала со сбоями, основные показатели выполнялись плохо. В частности, участковая скорость движения поездов была ниже плановой. Наличие западноевропейской колеи на трех участках железной дороги создавало излишнюю перегрузку и скученность составов в железнодорожных узлах. Поэтому Ковельский узел испытывал затруднения, так как он целиком еще не был перешит, а в узлах Здолбуново и Сарны не была закончена постройка изолированных от основных путей маневровых вытяжек для формирования поездов.

Положение на остальных западных приграничных железных дорогах было не лучше. Они также испытывали затруднения с пропускной способностью поездов.

По таким важным, имеющим оборонное значение железнодорожным узлам и основным железнодорожным направлениям, как Минск, Полоцк, Брест, Барановичи, Шепетовка, Жмеринка, Казатин, Львов, Сарны, Ровно и другие, на которых проводились работы по реконструкции и новому строительству, в 1940 г. пропускная способность не была увеличена из-за того, что начатые работы не были закончены.

«Наиболее узкими местами на железных дорогах западных областей Украины и Белоруссии являются участки: Белосток — Гродно — Граево, Волковыск — Черемха, Гродно — Мосты, Волковыск — Черемха — Лида, Лида — Молодечно — Гудогай — Алехновичи — Крулевщина и ряд других, которые могут пропустить от 4 до 9 пар поездов в сутки вместо требуемых от 12 до 48 пар поездов по плану НКО»²³.

Между тем, средства, которые отпускались правительством на 1940 г. по специальной смете НКПС на реконструкцию и новое строительство для усиления пропускной способности железнодорожных линий, узлов и перегонов (постройка новых и вторых путей, развитие узлов, новое железнодорожное строительство и другие работы), освоены полностью не были. «Выделенные средства на развитие узлов освоены только на 34—35%, на усиление пропускной способности перегонов — на 39—40%, на вторые пути — 61,8% и на новое железнодорожное строительство — на 63,2%»²⁴.

«На железнодорожных линиях Новоград Волынский — Шепетовка, Шепетовка — Гречаны объем выполненных работ выражается в 5,9%, Красне — Львов — Перемышль — 14%, Коростень — Остки — 2,6%, Одесса — Помощная — 17,6%, Чудово — Волховстрой — 15,5%. Строительство разъездов на участке Шепетовка — Гречаны — Каменец-Подольский Винницкой железной дороги выполнено только на 17%. На Минском железнодорожном узле освоено только 16,7%»²⁵.

Снабжение войск на финляндском фронте, производимое по трем железным дорогам — Ленинградской, Октябрьской и Кировской — оказалась весьма сложным. Это было вызвано тем, что к Ленинграду и станции Волховстрой можно было подводить достаточное количество поездов, которые их забивали, а от них на Карельский перешеек и на север пропускалось недостаточное количество поездов.

В связи с тем, что погрузка войск и особенно воинских грузов производилась без необходимого учета пропускной способности железнодорожных линий в районе выгрузки, Ленинградская, Октябрьская и Кировская железные дороги довольно быстро оказались забиты-

ми поездами, ожидавшими выгрузки. Вызванные этим затруднения отразились на многих железных дорогах транспортной сети. Нависла угроза образования железнодорожных заторов и срыва воинских перевозок по обеспечению финляндского фронта, а также снабжению народнохозяйственными грузами населения. Необходимо было принимать срочные меры для ликвидации возникших затруднений.

Требовалось увеличивать пропускную способность железных дорог и Ленинградского железнодорожного узла, построить дополнительные железнодорожные линии, уложить вторые пути, расширить и удлинить пути на железнодорожных станциях и разъездах.

После проведения необходимых мероприятий наши войска смогли перейти в наступление, постепенно тесня противника, обошли по льду Ладожского озера линию Манергейма и вынудили Финляндию к заключению мира.

Германия, готовя нападение на СССР, создала железнодорожную сеть, которая полностью обеспечивала как стратегическое сосредоточение и развертывание войск, так и подвоз для них всего необходимого. В мае 1941 г. подготовка Восточного театра военных действий для нападения на Советский Союз в основном была завершена.

«В течение 1940 года и первом полугодии 1941 года противник еще более усилил свои коммуникации в районах, которые стали плацдармом для нападения на СССР. Уже в октябре 1940 г. по требованию главного командования вооруженных сил гитлеровской Германии начались работы по развитию перегонов и станций на железнодорожных линиях, ведущих к границам СССР, с целью удвоения к 10 мая 1941 г. их пропускной способности и возможных выгрузочных районов. Заранее были созданы четыре военно-железнодорожные дирекции для размещения в Риге, Минске, Киеве и Днепропетровске. На ряде железнодорожных линий Словакии и Румынии гитлеровцы построили вторые пути, закончили к весне 1941 года восстановление и ремонт железных дорог на территории Польши, подготовив шесть широтных магистралей с общей пропускной способностью до 650 пар поездов в сутки. Была создана железнодорожная сеть, которая полностью обеспечивала как стратегическое сосредоточение и развертывание вооруженных сил, так и подвоз для них всего необходимого. Расширив производство внутри Германии и собрав подвижной состав с территориями оккупированных стран Западной Европы, гитлеровцы довели общее количество паровозов с 20,2 тыс. в 1938 г. до 27, 4 тыс. в 1941 г., а число товарных вагонов соответственно — от 60 тыс. вагонов до 790 тыс. вагонов»²⁶.

Что касается пропускной способности железных дорог СССР и сопредельных стран, то она была следующей:

«ЛенВО: 77 поездов в сутки — Финляндии: 127 поездов в сутки; соотношение 1:1,6.

ПрибВО: 87 поездов в сутки — Германии: 192 поезда в сутки; соотношение 1:2,2.

ЗапВО: 120 поездов в сутки — Германии: 216 поездов в сутки; соотношение 1:1,8.

Всего: СССР — 207 поездов в сутки, сопредельные страны — 408 поездов в сутки; соотношение 1:2.

КОВО: 84 поезда в сутки — Германии: 270 поездов в сутки; соотношение 1:3,2.

КОВО: 48 поездов в сутки — Венгрия: 96 поездов в сутки; соотношение 1:2.

ОдВО: 28 поездов в сутки — Румыния: 91 поезд в сутки; соотношение 1:3,2.

Всего: СССР — 160 поездов в сутки, сопредельные страны — 457 поездов в сутки; соотношение 1:2,9»²⁷.

Пока намеченные работы по реконструкции и строительству на западных железных дорогах не были выполнены, положение в приграничной зоне в транспортном отношении складывалось не в нашу пользу. Недостаточная пропускная способность железных дорог к западу от старой границы СССР оказалась самым узким местом всей железнодорожной сети, так как не обеспечивала необходимой подачи поездов к новой государственной границе. Предстояло еще много сделать, чтобы достойно встретить и отразить возможное вторжение потенциального противника. При существовавших темпах технического переустройства приграничных железных дорог требовалось примерно два года для увеличения их пропускной способности до необходимых размеров. Но такие сроки не вписывались в сложившуюся на наших западных границах обстановку.

Примечания

1. МЕННИНГ Б.В. Советские железные дороги и планирование военных действий. 1941 год. В кн.: Война и политика, 1939—1941. М. 1999, с. 359—364.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. ХАЧАТУРОВ Т.С. Железные дороги западных областей. Белоруссии и Украины. М. 1940, с. 15—25.
6. КОВАЛЁВ И.В. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.). М. 1988, с. 36—41.
7. Там же.
8. Там же.
9. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 33, оп. 13, д. 252, л. 42.
10. Там же, ф. 33, оп. 13, д. 252, л. 43.
11. КОВАЛЁВ И.В. Ук. соч., с. 12—16.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 81 оп. 3, д. 332, л. 108—109.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же, л. 126—130.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. РГВА, ф. 33, оп. 13, д. 329, л. 7—11.
21. Там же.
22. Там же.
23. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 1884, оп. 49, д. 1247, л. 1—4.
24. Там же.
25. Там же, л. 5—6.
26. КОВАЛЁВ И.В. Ук. соч., с. 44—45.
27. НЕЛАСОВ В.П. 1941 год — уроки и выводы. М. 1992, с. 210.

Горьковская область в годы Великой Отечественной войны

А.А. Гордин, Г.В. Серебрянская, Н.В. Сакович

К проблеме изучения феномена советского тылового города в годы Великой Отечественной войны, как и истории советской урбанистики, исследователи еще только приступают. Реконструкция повседневной жизни советского тылового города, его социокультурного феномена носит междисциплинарный характер — различные аспекты проблемы раскрывались исследователями с позиции исторической демографии, истории культуры, экономической истории и других направлений науки ¹. На региональном уровне отдельные стороны, связанные с тыловой жизнью Горьковской области в годы Великой Отечественной войны раскрыты в работах Ю.А. Перчикова, В.И. Белоуса, Е.И. Подрепного, Е.П. Титкова, А.М. Горева, В.А. Сомова, Н. В. Колесниковой и др. ².

Накануне Великой Отечественной войны Горьковская область являлась одной из ведущих промышленных областей Советского Союза. По данным переписи 1939 г., там проживало 3 869 887 чел., в том числе 1 219 876 городского и 2 650 011 сельского населения. Центром области был г. Горький с населением 643 689 человек ³. Горьковская область представляла собой крупный промышленный центр с развитыми транспортными магистралями. Индустрия Горьковской области была представлена металлургией, машиностроением, судостроением, авиастроением, приборостроением, химической, металлообрабатывающей, лесобрабатывающей, кожевенной, швейной, пищевой промышленностью. Большая часть крупных предприятий находилась на территории Горького (судостроительный завод «Красное Сормово», Горьковский автозавод, завод фрезерных станков, авиационный завод, радиотелефонный, машиностроительный (артиллерийский) завод № 92 и др.). Из 1594 предприятий тяжелой и

Гордин Алексей Александрович — доктор исторических наук, профессор; *Серебрянская Галина Владимировна* — доктор исторических наук, профессор; *Сакович Наталья Владимировна* — кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета. Нижний Новгород.

легкой промышленности ⁴ Горьковской области накануне войны 44 предприятия относились к оборонным наркоматам. В промышленном производстве области было занято 245,9 тыс. чел., в том числе 200,3 тыс. рабочих, 11 тыс. ИТР и 17 тыс. служащих (данные на 1.01.1941 г.).

В годы Великой Отечественной войны Горьковская область являлась одним из важнейших арсеналов фронта. Быстрыми темпами предприятия перестраивались на выпуск военной продукции. С октября 1941 г. Горьковская область стала прифронтовой. 23 октября 1941 г. здесь был создан Горьковский городской комитет обороны во главе с председателем — первым секретарем обкома и горкома ВКП (б) М.И. Родионовым.

В 1941—1943 гг. Горький неоднократно подвергался воздушным бомбежкам. В июне 1943 г. немецкая авиация нанесла удары по областному центру — серьезно пострадал Горьковский автозавод.

Война изменила демографическую картину городских центров Горьковской области. Прежде всего, это коснулось численности населения. В частности, в Горьком по данным на 1 января 1940 г. проживало, как было уже сказано, 694 423 чел., 1 января 1941 г. — 699 810 чел., 1 января 1942 г. — 708 547 чел., 1 января 1943 г. — 671 410 чел., 1 января 1944 г. — 683 220 чел., 1 января 1945 г. — 690 713 чел., 1 декабря 1945 г. — 702 725 человек ⁵.

Рост числа жителей Горького происходил в основном за счет эвакуированного населения и лиц, мобилизованных на работу в промышленность из районов области. С началом войны Горьковская область стала одним из главных мест эвакуации. После учреждения 24 июня 1941 г. Совета по эвакуации при Совнаркомом СССР на местах были созданы комиссии по эвакуации. Горьковскую областную комиссию возглавили председатель исполкома областного Совета М.Т. Третьяков и секретарь обкома ВКП (б) по пропаганде И.М. Гурьев. В 15 городах Горьковской области в начале декабря 1941 г. был сформирован аппарат уполномоченных по эвакуации населения. В течение июля-ноября из 226 предприятий союзного значения, эвакуированных в Поволжье, в Горьковскую область прибыло 13. В Горький переехали наркоматы судостроения, электропромышленности; в Дзержинск — химической промышленности. 1 октября 1941 г. Горьковская область приняла и разместила 145 тыс. эвакуированных. В сознании людей приближение врага к столице и эвакуация из нее населения воспринимались, как катастрофа. Вот, один из ярких примеров. Из дневника автозаводца И.А. Харкевича: «19 октября. Москва тронулась. По московскому шоссе в 4 ряда идут автомашины с Наркоматами и всяким начальством. Везут барахло, собачек. Вереницей идут пешеходы с рюкзаками за плечами... 20 октября. Вчера было воскресенье, пошел на разведку, узнать, что делается на вокзале и пристанях... От московского шоссе идут вереницы машин со всяким скарбом и беженцами. На узлах сидят, покрывшись одеялами, вышние чины из НКВД с ромбами и шпалами, на простых грузовиках — бедные замерзшие ребятишки с посинелыми личиками среди наспех набросанных узлов и разного скарба. Тихий ужас! Неужели это полное падение СССР! Неужели возможно, чтобы все наше рухнуло, культура, наш строй?! Как болит все время душа от тех ужасов, что

видишь. На пристани что-то ужасное. Народу тьма, у касс идет рукопашная. Крики, брань, истерические вопли и бедные, бедные несчастные дети! Счастьем считают, что получают билет на верхней палубе на пароход, идущий вниз по Волге»⁶.

На 1 января 1943 г. в Горьковскую область были эвакуированы 185,8 тыс. человек. «Приток эвакуированных и местного сельского населения в города Урала, Поволжья, Волго-Вятского района и Сибири оказался количественно столь значительным, что нейтрализовал отток мужчин в армию и отрицательный естественный прирост, обеспечил увеличение численности городского населения»⁷. К сентябрю 1943 г. число эвакуированного населения в Горьковской области уменьшилось до 178,9 тыс. чел., из них 79,3 тыс. были дети. В областном и районных центрах проживало 63,9 тыс. человек. Из общего числа эвакуированных трудоспособные граждане составляли 75,5 тысяч. В промышленность влилось примерно 18,9 тыс. человек.

Война резко изменила налаженную в предвоенные десятилетия жизнь народа. Предстояло в короткие сроки перестроить всю систему обеспечения жизнедеятельности людей самым необходимым. Важным элементом в реконструкции повседневной жизни тылового города явилось продовольственное снабжение населения.

18 июля 1941 г. вышло постановление Совета Народных комиссаров СССР «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в городах Москве, Ленинграде и в отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей»⁸.

27 августа 1941 г. было принято решение исполнительного комитета Горьковского областного Совета депутатов трудящихся «О введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия в городах, рабочих поселках и поселках городского типа Горьковской области»:

1. «...Ввести с 1 сентября 1941 года продажу по карточкам хлеба, сахара и кондитерских изделий населению в городах и поселках городского типа.

2. Ввести карточки на хлеб в городах, рабочих поселках и поселках городского типа.

3. Установить следующие категории по снабжению населения хлебом, сахаром и кондитерским изделиям: рабочие и инженерно-технические работники; служащие, иждивенцы, дети до 12 лет...»⁹.

Согласно этому решению, нормы отпуска хлеба по карточкам в день на одного человека составляли по первой категории: рабочим и инженерно-техническим работникам — 800 г, служащим — 500 г, иждивенцам — 400 г, детям до 12 лет — 400 г; по второй категории: соответственно — 600 г, всем остальным — 400 граммов. С сентября 1941 г. устанавливались нормы отпуска сахара и кондитерских изделий по первой категории: рабочим и инженерно-техническим работникам — 800 г, служащим и детям до 12 лет — 600 г, иждивенцам — 400 г; по второй категории: рабочим и ИТР — 600 г, иждивенцам и детям до 12 лет — 400 граммов¹⁰.

За 1942 г. карточная система обеспечения промышленными товарами была распространена во всех городах и поселках. В Горьком и Дзержинске по карточкам продавались мясо, рыба, жиры, крупы и макаронны, в других промышленных центрах Горьковской области —

Муроме, Выксе, Кулебаках, Павлове, Балахне по карточкам была введена продажа только хлеба, сахара и кондитерских изделий. Для отдельных оборонных заводов была организована закрытая сеть магазинов, в которых продовольственные товары продавались по пропускам только для работников этих предприятий. В первые же дни войны начались перебои с хлебом и другими продуктами. Так, в г. Павлово с 17 по 25 декабря 1941 г. вместо нормы в 16 т в сутки продавали 11—13 тонн ¹¹.

В 1942 и 1943 гг. в Горьковской области сложилось тяжелое положение с обеспечением населения продуктами в связи с резким уменьшением заготовок мяса, производства молочных и других продуктов. В результате сократился рацион питания горожан, и произошло повышение цен на продукты. Для рядового потребителя цены на городских рынках были высокими. В своем дневнике автозаводский инженер В.А. Лапшин писал: «19 февраля 1942 г. Валя была на базаре. Как спекулянты дерут во всю. Свинина стоит 180 руб. кило. Картофель 20 руб. кило. Помидоры красные — 40 руб. кило, зеленые — 20 руб. кило. Баранина — 120 руб. кило». Ухудшение условий жизни населения привело к повышению смертности. В 1942 г. был зафиксирован самый высокий коэффициент смертности городского населения за весь период войны — в городах Горьковской области он вырос в 1,6 раза ¹².

В «военное лихолетье» голод был постоянным спутником человека. Автозаводец И.И. Пермовский рисует картину повседневной жизни рядового человека. Запись от 9 марта 1942 г.: «Чувство голода возникает где-то внутри, потом уходит и снова возвращается, уже сильнее напоминая о себе. Получив норму ландрина, 100 грамм, я постоянно при приступах голода уничтожал ландрин — все как будто что-то есть во рту. Теперь ландрин уже нет. В прошлом месяце был такой день: норма была съедена еще с утра, томительное ожидание следующего дня и спасительные 400 грамм мягкого, душистого ржаного хлеба». Чтобы как-то выжить, весной собирали перезимовавшую картошку, из нее добывали крахмал и пекли лепешки. Начинали расти лопухи, выкапывали корни, сушили их и мололи. Ели крапиву, хвощи, которые называли пестами, клевер — «кашицу», подорожник, лебеду. Ягоды и грибы были настоящим лакомством.

В связи с выходом 12 ноября 1943 г. постановления СНК СССР «Об экономии в расходовании хлеба» бюро Горьковского обкома ВКП (б) и облисполком приняли решение о временном снижении нормы снабжения хлебом: рабочим, занятым на тяжелых производствах, — 1 кг, рабочим и служащим первой категории — 700—600 г, второй категории — 500—400 г, школьникам — 350 г, иждивенцам и детям — 300 грамм. В 1943 г. в результате уменьшения норм выдачи хлеба населению, на рынках Горького и области значительно поднялись цены на муку, хлеб, картофель и другие продукты сельского хозяйства. В Горьком и Дзержинске цены выросли на 60—65 % ¹³.

19 февраля 1942 г. ГКО и СНК СССР приняли постановление об организации отделов рабочего снабжения — ОРСов. Через них шло распределение товаров для ИТР, рабочих и служащих. В ведение ОРСов передавались совхозы, магазины, столовые, бытовые мастерские. На 1 ноября 1943 г. в Горьковской области действовало 127 ОРСов ¹⁴.

Для создания и укрепления продовольственной базы ОРСов оборонным заводам области было передано: 31 совхоз с общей посевной площадью в 25 086 га, 10 855 голов крупного рогатого скота и прочее. Одновременно создавались и подсобные хозяйства, которыми в 1943 г. была освоена посевная площадь в 18 914 га ¹⁵. ОРС автозавода был одним из крупнейших в области. В 1943 г. он имел: 3 совхоза с посевной площадью 1700 га, 986 голов крупного рогатого скота, 960 свиней, 151 лошадь. ОРС автозавода обслуживал более 100 тыс. чел. и покрывал потребность снабжения рабочих завода овощами и картофелем — на 60 %, мясо-молочными продуктами — на 10 %. 100 % рабочих завода обслуживалось общественным питанием и значительная часть, 60—70 %, питались 2 раза в день. Кроме того, ОРСом автозавода было организовано питание в детских столовых и создана специальная диетическая столовая ¹⁶. В 1942 г. на автозаводе начала работать первая детская столовая, которая была рассчитана на ежедневный отпуск 4,5 тыс. обедов ¹⁷.

В годы войны в Горьковской области сеть общественного питания за период с 1941 по 1943 г. увеличилась на 42,9 %, а количество мест в столовых Горького выросло с 12 961 до 51 950.

Рацион и качество питания в заводских столовых были невысокими. Из дневника В.А. Лапшина: «11 декабря. Пятница. 1942 г. ... На завтрак жареный картофель, морковное пюре, стакан чая. По карточке беру 100 гр. хлеба». Конструктор ГАЗа В.А. Грачёв вспоминал: «В это время питание на заводе было отвратительное, так называемое “трехразовое”. А по сути — это три тарелки воды, в которых плавали кусочки капусты. И хлеб давали такой, что если его сожмешь, из него капает вода. Нам приходилось сушить этот хлеб» ¹⁸.

Работники предприятий старались принести часть продуктов из столовой домой для своих близких. Из воспоминаний Л.А. Титовой: «И от голода много людей погибло. Бывало, дадут поесть, так я бульон сама съем, а вермишель — в баночку, да детям несу... Хлеба триста граммов выдавали. Получат дети свои триста граммов, съедят сразу. Очень трудно приходилось. Я не знаю, как перенесли мы все это» ¹⁹.

Тонкие зарисовки проблемы продовольственного снабжения рядовых рабочих и инженеров даются в дневнике Харкевича: «Характерная особенность бросается в глаза на нашем совещании: за столом сидит замнаркома — ...упитанный секретарь обкома по промышленности..., а напротив, через стол — руководители цехов и отделов: бледные, с обтянутыми скулами и провалившимися глазами. Весь народ сильно сдал телом. Трудно и очень трудно, особенно для некоторых рабочих. Питание очень и очень слабое. Лапша “домашняя” с водой без признака жиров и овощей и хлеб... Конечно, из тех же продуктов с добавлением только лука можно значительно улучшить питание, но общественное питание и не работало хорошо, отвратительно работало и будет также плохо работать и дальше. Все построено на отсутствии заботы, заинтересованности в том, чтоб улучшить...».

В чрезвычайных условиях семьям рабочих и инженеров удавалось выжить за счет продуктов, получаемых с собственных огородов.

Едва ли можно было найти семью, которая в годы войны не выращивала картофель и другие овощи на своих участках. Приходит-

ся только удивляться, откуда у людей, отработавших на заводе за станками, брались силы при столь скудном питании обрабатывать еще свои участки. Из воспоминаний П.В. Гордина: «Отец после смены брал лопату на плечо — и в поле, полуголодный, после кузницы — он копал»²⁰. Уже в первую военную весну все пустующие земли в городах были превращены в огороды. Во дворах обрабатывались и засеивались овощными культурами (огурцами, капустой) все свободные территории. 7 апреля 1942 г. вышло Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих», а 18 октября 1942 г. — «О мерах по дальнейшему развитию подсобных хозяйств промышленных наркоматов»²¹.

По линии профсоюза огородникам была организована широкая помощь — выделялись участки, инвентарь, семена²². Из дневника Лапшина (20 апреля 1943 г.): «Вечером начал копать огород около дома. Выделили метров 15 квадр. на газоне. Народу копает много. Каждый старается получить побольше земли»; (30 мая 1943 г.). А вот еще одна колоритная зарисовка из того же дневника (19 сентября 1943 г.): «На заводе общевыходной день, в связи с уборочными работами на огородах. Сегодня все на огородах. Весь день только и возят картошку с огородов. Я подчищал остатки. Привез мешков пять. Теперь вся квартира завалена картофелем. В большой комнате картофель, в коридоре картофель, в ванной — картофель».

Историк Е.В. Кузнецов писал: «...Хочу с большой убежденностью утверждать, что после ужасной зимы 1941—1942 годов, трудного 1942 года, в 1943 году мы, простые русские люди из российской глубинки, стали победителями. Конечно, эта победа прошла малозаметно на фоне Сталинградского торжества и ослепительно яркой Курской победы. Но она состоялась: народ был не голоден! По крайней мере, не голоден... Здесь, в тылу, решающей силой стали не залпы “катюш”, а полные мешки картофеля, которые осенью 1943 года жители нашего города привезли домой»²³.

В военное время намного повысилось значение колхозной торговли. Ее удельный вес в розничном товарообороте СССР в 1945 г. составил 46 % против 14 % в 1940 году²⁴. «Около каждой проходной завода стихийно уже давно организованы целые базары-толкучки. Продажа с рук. Чего там только не продают. Талоны на обеды,... контрамарки, хлеб и продуктовые карточки, продукты, хлеб, пироги и всякая прочая еда» — писал автозаводец Лапшин 10 августа 1944 года. В 1942 г. в Автозаводском районе Горького прошла первая колхозная ярмарка. Колхозы привезли мясо, горох, картофель, муку, лук, сливочное масло, молоко. Здесь же для них была организована встречная торговля промышленными товарами²⁵.

Важную роль в обеспечении города продовольствием играла деревня. Горожане отправлялись в деревню обменять вещи на продукты. Автозаводец И.И. Пермовский так характеризовал отношения села и города: «Городское население в поисках продуктов облазило все окрестные деревни. Деревня сейчас... берет все, что ей нужно» (14 апреля 1942 г.). «Цепочку составляли нижегородцы, спешившие со своим скарбом в село с намерением и надеждой обменять вещи на деревенские продукты. Везли ткани, обувь, более или менее чистую одежду и даже швейные машинки... Но цель была все той же:

променять свои вещи на что-либо съестное, чтобы прокормить полуголодных, а то и голодных в полном смысле этого слова детей...» — вспоминал Кузнецов ²⁶.

В числе самых суровых тягот военного быта оказалась и жилищная теснота. В то время главным типом жилища в городах была коммунальная квартира, в которой проживало несколько семей. Многим приходилось жить в обветшалых домах, бараках, рассчитанных на временное пользование. С размещением эвакуированного населения жилищная проблема еще более обострилась. Плотность населения за 1941—1943 гг. особенно сильно возросла в крупных городах.

Сильно ухудшилось положение с жильем в Дзержинске. Почти треть населения работников химической промышленности проживала в бараках засыпного типа, 40 % городского жилфонда являлось изношенным. Ведомственный фонд также требовал ремонта. На заводе «Заря» половина его пришла в негодность. Ввод жилья в городе начал возрастать только с 1944 г., а до этого резко упал: с 28 009 кв. м в 1941 г. до 12 971 кв. м в 1943 году. Планы по жилищному строительству не выполнялись. У городского Совета не хватало сил и средств на проведение всего объема строительства. Но, все же, норма жилья на одного человека здесь была выше, чем в областном центре и составляла 4,2 кв. метра. В 1944 г. на одного человека в Горьком было 4,1 кв. м, в Дзержинске 4,7 кв. м, в Муроме 4 кв. м, Павлове 4,3 кв. м, Богородске 3,5 кв. метра ²⁷.

В годы войны поощрялось индивидуальное строительство. Для застройщиков повышался размер ссуд, а срок их погашения удлинялся до 7 лет. В Горьковской области было введено 807 тыс. кв. м жилья. Кроме новостроек занимались реставрацией старого фонда, хотя финансирование по этой статье расходов практически прекратилось.

Большой ущерб жилищному комплексу города Горького нанесли бомбежки немецкой авиации в 1943 году. Так, на Автозаводе в разной степени были повреждены 41 каменный дом и 148 бараков, степень разрушения которых доходила до 71 % (учтены только дома, числившиеся на балансе завода, без включения индивидуального жилого сектора района) ²⁸.

Люди из сгоревших бараков и домов оказывались на улице. Свидетельством этого является заявление Ю.Г. Колосановой от 22 июня 1943 г.: «Прошу... оказать мне помощь в самом необходимом для себя и для двоих детей. Проживаю в Монастырке, во время налета немецких самолетов мой дом и все, что было в нем, сгорело, и осталась лишь в том, в чем была, имея при себе двоих детей... Сейчас живу, где придется. Нуждаюсь сильно в комнате, потому что детей негде приютить» ²⁹. В этих чрезвычайных условиях районные и заводские власти делали все возможное, чтобы разрешить неотложные вопросы. Полуразрушенные дома оперативно ремонтировали, проходило «уплотнение» жильцов в квартирах. П.В. Гордин, живший в доме, рядом с которым разорвалась бомба, вспоминал: «Нас частично расселили, особенно начальство. Мы жили в сарае, а потом — в третьем подъезде на 4 этаже. К осени оба дома (пр. Ильича, д. 30 и 28. — А.Г.) были восстановлены. На стройке работали мобилизованные узбеки... Стены дома стянули стяжками (поперек дома пропущены толстые стальные прутья, надели квадратные листы и гайками все поджали)» ³⁰.

Значительные средства в реставрацию жилья после бомбежек вкладывал исполком Горьковского горсовета и промышленные предприятия наиболее пострадавших Автозаводского и Ленинского районов города, к ремонту привлекались и жильцы. На восстановление жилого фонда в 1943 г. было выделено около 990 тыс. руб., а в 1944 г. еще больше. За 1944 и первую половину 1945 г. только автозаводцами было отремонтировано 508 зданий района. На капитальный ремонт жилья за этот год в Горьком истратили 4 млн руб., а на все коммунальные нужды — 15,3 млн рублей. За годы войны сумма расходов составила 23,2 млн при плане 24,1 млн рублей.

Война отрицательно сказалась на развитии городского транспорта. Полностью прекратилось автобусное движение. Основным транспортным средством в военный период стал трамвай. С огромной нагрузкой он работал в крупных промышленных городах и областном центре региона. Сказывались изношенность вагонного парка, недостаток электроэнергии. Половина подвижного состава находилась в неисправном состоянии. Был закрыт ряд маршрутов. На работу часто приходилось идти пешком на большие расстояния, что приводило к многочисленным опозданиям и потерям рабочего времени на предприятиях.

Вот типичная картина, характеризующая работу транспорта в тыловом провинциальном городе. Из заметок рабочего термического цеха ГАЗа Горбачёва: «Нельзя пройти мимо безобразий, которые происходят на линии трамвайного сообщения Автозавод—Гнилицы... Часто случается ходить пешком из-за того, что «больной» вагон прицепляют к здоровому и трамвай в пути останавливается из-за того, что трамвай на закруглениях не убавляет хода и поэтому сходит с рельс. Из-за недостаточной дисциплинированности работников трамвая нередки случаи опозданий вагонов. Ничем нельзя оправдать также антисанитарное состояние вагонов: в углах их, а также и в будках посадочных площадок — кучи мусора, стекла не протираются. Автозаводцы вправе требовать от работников, обслуживающего их трамвая иного отношения к делу». Но были и другие примеры. А.Ф. Пирогова, работавшая водителем трамвая в военное время, вспоминала: «Приходилось по двенадцать часов не уходить из вагона, ночевать прямо в салоне, домой ездить было некогда. Особенно зимой доставалось, вагоны-то были холодные... Протрем солью отверстие с пятючок в окне кабины и едем...»³¹.

В годы войны также крайне ограничены были возможности для лечения и отдыха людей. Тем не менее, на нужды здравоохранения государством выделялись значительные ассигнования. Если в 1940 г. в Горьком бюджет по здравоохранению составлял 46,3 млн руб., то в 1945 г. он увеличился до 66,4 млн рублей. И все же, средств на медицину катастрофически не хватало. Огромные физические и психологические нагрузки, постоянное недоедание, жилищная теснота, усложнение других материально бытовых проблем, инфекции, привезенные эвакуированными гражданами, создавали в Горьком и районах области сложную санитарно-эпидемиологическую обстановку, вели к увеличению числа больных, в то время как произошло резкое сокращение числа больниц и медицинского персонала.

В связи с тем, что в Горький стал крупнейшей госпитальной базой тыла, а в областном центре и ряде районных городов на базе

больниц были развернуты госпитали, число больничных коек для населения по сравнению с довоенным временем значительно сократилось. С призывом медработников в ряды Красной Армии одновременно сократилось и количество медицинских кадров. Если на июнь 1941 г. в Горьковской области было 1679 врачей, то зимой 1942 г. их осталось 1322, в июле 1943 г. — 1312, а в 1944 г., благодаря принятым властью мерам, стало 1486 врачей, в том числе 666 — в Горьком³². Особенно не хватало узких специалистов, в первую очередь хирургов. Хотя подготовка санитарных врачей началась перед войной, к 1938 г. их было всего 95 человек. На всю область было только 99 врачей, специализировавшихся по туберкулезу. Они работали в 20 туберкулезных пунктах и отделениях, 6 стационарах на 240 коек и 4 туберкулезных санаториях³³. Ощущался недостаток среднего медицинского персонала, в частности медсестер, фельдшеров, зубных врачей. Так в Арзамасе из гражданской сети выбыло 72 врача и 260 чел. среднего медицинского персонала, осталось всего 62 врача и 424 медицинских сестры, на 99 сократилось количество коек в больницах (данные на апрель 1942 г.)³⁴.

Аналогичное положение наблюдалось в работе органов здравоохранения Выксы, Кулебак, Павлова, Богородска, в то время как оставалась угроза вспышек и распространения сыпного и брюшного тифа, туберкулеза, скарлатины, дизентерии, малярии и других инфекций³⁵. К зиме 1942 г. ситуация с эпидемическими заболеваниями в тылу стала критической. Созданная 28 марта 1942 г. Горьковская областная Чрезвычайная противоэпидемическая комиссия на своих первых заседаниях разработала развернутую программу профилактических мер, прежде всего, в борьбе с сыпным тифом. С 1943 г. в тыловых городах произошел перелом, и заболеваемость по всем острым инфекциям стала снижаться, однако продолжал свирепствовать туберкулез и желудочно-кишечные заболевания. Аналогичная картина наблюдалась и по Горьковской области. Если сыпным тифом во втором полугодии 1942 г. болели 1078 чел., то во втором полугодии 1943 г. — 618, брюшным тифом соответственно — 821 и 643; дизентерией — 2929 и 1491; дифтерией — 3223 и 1782; скарлатиной — 870 и 377; корью — 2665 и 506 человек³⁶.

В годы войны продолжали открываться лечебные учреждения. В Горьком в 1944 г. стало действовать 7 больниц на 935 коек, в том числе туберкулезная, глазная, физиотерапевтическая. Всего в этот период в Горьковской области имелось 203 больницы с наличием в них 12,1 тыс. мест. В результате в 1945 г. по сравнению с 1940 г. заболевание такими инфекционными болезнями, как брюшной тиф, снизилось на 72 % (в январе имели место всего 23 случая этого заболевания), дифтерией — на 83 %, скарлатиной — на 31 % и дизентерией — на 86 %³⁷.

Основными лечебными, профилактическими и противоэпидемиологическими учреждениями для работников крупной промышленности стали медико-санитарные части и здравпункты их предприятий. К весне 1941 г. на предприятиях Горького и области имелось 125 здравпунктов, из них 35 в областном центре. Здравпункты работали на предприятиях 17 районов: в Борском районе — на стеклозаводе, 6-ой госфабрике, силикатном заводе, в Богородском — на шорноседельной фабрике и т.д.³⁸. Вместе с медицинскими работниками го-

родских и районных поликлиник они проделали огромную работу по сохранению здоровья населения тыловых городов, недопущению массовых инфекционных заболеваний, тем самым помогая обеспечить фронт вооружением, питанием, обмундированием и пр.

В Горьковской области оказывалась помощь защитникам Родины, получившим ранения и увечья на фронтах войны. Госпитальные базы тыла представляли собой совокупность госпиталей различного профиля и мощности, предназначенных для приема раненых и больных, лечение которых не могло быть завершено в госпиталях действующей армии. Одной из самых мощных не только в РСФСР, но и в Союзе являлась Горьковская госпитальная база, где в основном проходили лечение тяжелораненые. В период с сентября 1941 г. до конца войны в Горьком и области было сформировано 143 госпиталя на 58 780 коек. Принято и размещено 28 передислоцированных из других областей эвакуогоспиталей на 12 860 коек. В итоге, в разные периоды войны в Горьковской области функционировал 171 эвакуогоспиталь на 71 640 коек.

Достаточно тяжело было размещать госпитали в районных городах Горьковской области, где материально-техническая база здравоохранения была значительно слабее, чем в Горьком.

Медицинский персонал госпиталей, продолжая трудиться в неимоверно тяжелых условиях, делал все возможное, а порой и невозможное, чтобы облегчить страдания раненых бойцов и командиров, как можно быстрее поставить их на ноги.

Особенность работы Горьковской госпитальной базы в завершающий период Великой Отечественной войны заключалась в следующем: если в первый год войны 25% всех раненых, преимущественно с тяжелыми ранениями, отправляли из госпиталей на долечивание в восточные районы СССР, то в последние полтора года процент этот резко снизился и в конце войны составлял 0,8. Во второй половине войны горьковские госпитали являлись практически конечным этапом эвакуации. Если в первом и втором полугодиях войны число тяжелораненых в горьковских госпиталях составляло 30,2 %, то в шестом полугодии — 53,8 %, а в восьмом — 64,3 %³⁹. Это было связано с удалением фронта от области, из-за чего легкораненые сюда попадали уже в меньшем количестве. К концу войны на территории Горьковской области осталось 53 госпиталя на 25 400 коек, на 1 января 1946 г. — всего 18 действующих госпиталей на 6700 человек. За 4 года войны в госпиталях Горьковской области находились на излечении 422 949 солдат и офицеров. Из этого числа 404 345 чел. имели ранения, 13 086 чел. — ожоги и обморожения и 5 518 — закрытую травму (контузии). Кроме того, в горьковских госпиталях прошли лечение 40 584 больных, преимущественно с заболеваниями внутренних органов⁴⁰.

Профессионализм и трудовой подвиг медицинских работников в годы Великой Отечественной войны спас жизни не одной тысячи бойцов, многие обрели здесь второе рождение, для раненных фронтовиков Горький и города области стали родным домом.

Общими усилиями населения Горького, районных городов и поселков, сел и деревень Горьковская область превратилась в один из крупнейших арсеналов фронта. Не смотря на трудности быта, недоедание, болезни, жилищную тесноту, недостаток информации о со-

бытиях на фронтах и своих близких, горьковчане трудились не покладая рук во имя Победы. За годы войны в Горьком и области было произведено более 38 318 танков, самоходно-артиллерийских установок и бронемашин (37 %), 16 324 самолета (11,3 %), 101 673 орудия (23,9 %), в том числе танковых, половина от общего выпуска по стране подводных лодок. Кроме того, здесь выпускались грузовые автомобили — 109 636 (34,5 %), авиационные (8840 шт.) и шестицилиндровые моторы, радиаторы — 128 910 шт., фронтные и армейские радиостанции — 85 722 шт. (59,9 %), реактивные установки («Катюша») — 1165 шт., 120-мм полковые (с 1944 г. — 160-мм) и 82-мм батальонные минометы — 43 688 шт., приборы для Военно-Морского Флота, мощные армейские мотоциклы с прицепной коляской — 6111 шт. и прочее вооружение. В значительном количестве производились боеприпасы: снаряды, бомбы, мины — 55 759 шт. и многое, многое другое. Металлурги дали тылу более 2 342 556 т стали и 1 430 560 т проката. Армия и флот получили от горьковчан почти 1 млн гимнастеров, почти столько же шароваров — 937 179 шт., 11 763 692 млн пар валенок и 738 600 пар кожаных сапог, 925 399 шт. телогреек и курток, 56 400 тыс. полушубков, 1,3 млн плащпалаток, 285 163 пары лыж, 795 тыс. т муки и крупы, 30 432 000 кг макаронных изделий, 20 тыс. т сухарей, 29 700 000 кг (30 тыс. т) различных концентратов, 356 тыс. т свежего картофеля, 53 286 800 кг мыла и много другой необходимой бойцам продукции⁴¹.

В том и заключался феномен тыловых городов, что люди ценой своей жизни и здоровья вместе с фронтовиками ковали Великую Победу.

Примечания

Статья выполнена в рамках гранта РГНФ 14-11-52005 «Социокультурный феномен тылового города в годы Великой Отечественной войны в контексте истории повседневности (на материалах Горьковской области)».

1. СОКОЛОВ А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и историкоисследования. Социальная история: ежегодник, 1998—1999. М. 1999, с. 39—76; ЕГО ЖЕ. Драма рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России. Там же, 2004. М. 2005, с. 7—52; РЕПИНА Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Социальная история: ежегодник, 1998—1999. М. 1999, с. 7—38; САВЕЛЬЕВА И.М., ПОЛЕТАЕВ А.В. Микроистория и опыт социальных наук. Там же, с. 101—119; ИЛЬИН С.С. Обзор литературы о продовольственной проблеме в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. — Отечественная история. 1965, № 3, с. 124—127; КОЗЛОВ Н.Д. Морально-политический фактор великой Победы. Л. 1985; ЗИНИЧ М.С. Будни военного лихолетья, 1941—1945. М. 1994; ПАЛЕЦКИХ Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск. 1995; АРАЛОВЕЦ Н.А. Городская семья в России, 1927—1959 гг. Тула. 2009; Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940—1959. М. 2001; МАРКЕВИЧ А.М., СОКОЛОВ А.К. Магнитка близ Садового кольца: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883—2001 гг. М. 2005; ПАПКОВ С.А. Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941—1945 гг. — Вопросы истории. 2011, № 12, с. 72—80; КРАСНОЖЕНОВА Е.Е. Социальная помощь семьям военнослужащих в Нижнем Поволжье. 1941—1945 гг. — Там же. 2013, № 3, с. 141—147.
2. КИСЕЛЁВ В.П. Горьковский автозавод в годы Великой Отечественной войны. — Вопросы истории. 1981, № 5, с. 79—90; ПЕРЧИКОВ Ю.А. Советы Волго-Вятского региона РСФСР, 1941—1945 гг. Самара. 1992; БЕЛОУС В.И. Материальное по-

- ложение и быт населения. В кн.: Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. — 1953 г. Т. 3. М. 2005, с. 319—390; ВДОВИН М.Н., ГОРЕВА А.М. Все для Победы (Очерки истории оборонной промышленности Горьковской области. 1930—1945 гг.). Н. Новгород. 2010; КОЛЕСНИКОВА Н.В. Сто дней и ночей (по материалам фондов музея истории ОАО «ГАЗ»). — Нижегородский музей. 2005, № 1—2, с. 68—70; ПОДРЕПНЫЙ Е.И., ТИТКОВ Е.П. Нижегородский арсенал Великой Победы. Арзамас. 2013; СОМОВ В.А. Потому что была война ... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Н. Новгород. 2008.
3. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М. 1992, с. 23; Центральный архив Нижегородской области (ЦА НО), ф. 4230, оп. 1, д. 440, л. 1.
  4. Число предприятий крупной промышленности дано на 1939 г. См.: История индустриализации Нижегородского — Горьковского края. 1926—1941 гг.: документы и материалы. Горький. 1968, с. 510—511.
  5. ЦА НО, ф. 4230, оп. 1, д. 440, л. 1.
  6. Дневник инженера И.А. Харкевича. — Вопросы истории. 2009, № 10, с. 85.
  7. Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940—1959. М. 2000, с. 85—86.
  8. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941—1952 гг. М. 1968, с. 9.
  9. Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. — 1953 г. Т. 3. М. 2005, с. 326—327.
  10. Там же, с. 326—327.
  11. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПА НО), ф. 3, оп. 1, д. 2087, л. 10.
  12. АРАЛОВЕЦ Н.А. Ук. соч., с. 121.
  13. Общество и власть. Российская провинция, т. 3, с. 355.
  14. ПЕРЧИКОВ Ю.А. Ук. соч., с. 92.
  15. БЕЛОУС В.И. Ук. соч., т. 3, с. 320.
  16. ЦА НО, ф. 2435, оп. 7, д. 29, л. 78.
  17. ТРАВНИЦКИЙ В. В детской столовой. — Автогигант. 1942, № 73, с. 2.
  18. ЖУЛИНА С.Н., ТРАВКИНА И.Л. Автозавод — моя судьба. Н. Новгород. 2006, с. 37.
  19. Там же, с. 33.
  20. Воспоминания П.В. Гордина. Из архива А.А. Гордина.
  21. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М. 1968, с. 65, 80.
  22. ВЦСПС об индивидуальном огородничестве. — Автогигант. 13.III.1942; ПОЛУДЕННЫЙ П. Обеспечить каждого огородника инвентарем. — Там же. 20.IV.1944.
  23. КУЗНЕЦОВ Е.В. Одна жизнь менялась на иную. Мемуары русского историка. Арзамас. 2008, с. 44.
  24. История советского рабочего класса, т. 3, с. 411.
  25. Первая колхозная ярмарка на автозаводе. — Автогигант. 1942, № 56, с. 2.
  26. Ук. соч., с. 42.
  27. Общество и власть. Российская провинция, т. 3, с. 357.
  28. Подсчитано по: ЦА НО, ф. 2435, оп. 9, д. 87, л. 20—26.
  29. ЦА НО, ф. 2561, оп. 2, д. 17, л. 101.
  30. Воспоминания П.В. Гордина.
  31. КОССОЙ Ю.М. Ваш друг трамвай: Век нижегородского трамвая. Н. Новгород. 1996, с. 73.
  32. ГОПА НО, ф. 3, оп. 1, д. 2417, л. 22; д. 3126, л. 5; д. 4176, л. 26.
  33. Там же, д. 301, л. 5об.
  34. Там же, ф. 2518, оп. 1, д. 8, л. 121.
  35. Там же, ф. 3, оп. 1, д. 2540, л. 24.
  36. Там же, л. 23; д. 4015, л. 46.
  37. ЦА НО, ф. 3118, оп. 3, д. 339, л. 4; ГОПА НО, ф. 3, оп. 1, д. 4840, л. 46.
  38. ЦА НО, ф. 3118, оп. 3, д. 247, л. 1, 33; д. 341, л. 11, 22, 29, 108, 110, 112.
  39. ГОПА НО, ф. 3, оп. 1, д. 4841, л. 37.
  40. Там же, л. 37—38.
  41. Общество и власть. Российская провинция, т. 3, с. 439—440.

Отчет М. фон Вейхса о действиях армейской группы «Вейхс» на воронежском направлении в июне-июле 1942 г.

Е.А. Шендриков

В фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации находится огромное количество трофейных документов, среди которых ведущее место занимают боевые донесения, оперативные и разведывательные сводки, журналы боевых действий частей и соединений немецкой армии. Одним из документов, наиболее полно представляющим боевые действия на воронежском направлении и в районе Воронежа в июне-июле 1942 г., является отчет «Воронежское сражение (боевой отчет 2-й армии. Армейская группа Вейхса) о боевых действиях войск за период июнь-июль 1942 г. на воронежском направлении», подписанный командующим армейской группы «Вейхс» генерал-полковником М. фон Вейхсом.

Прежде, чем перейти к анализу этого источника, необходимо дать характеристику немецкому военачальнику, считавшемуся одним из лучших полководцев А. Гитлера. Имперский барон Максимилиан Мария Йозеф фон унд цу Вейхс ан дем Глон (12.11.1881 — 27.09.1954) с 1900 по 1943 г. прошел ступени военной службы от фаненюнкера во 2-м баварском полку тяжелой кавалерии до генерал-фельдмаршала. В 1911 г. он окончил Военную академию. Был участником первой мировой войны, офицером Генштаба. За боевые отличия награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. 26.10.1940 был награжден Рыцарским крестом Железного креста. Вейхс руководил вторжением армии в Югославию. В войне против СССР в июле 1941 г. участвовал в ликвидации Белостокского котла, а 24 августа того же года выиграл Гомельское сражение, взяв в плен 84 тыс. человек. Вейхс поддерживал удар Г. Гудериана на Киев и сыграл важную роль при окружении и ликвидации советской Брянской группировки (2 сентября — 17 октября 1941 г.). В конце июня 1942 г. под командованием Вейхса были объединены его собственная 2-я армия, 4-я танковая армия генерала

Шендриков Евгений Александрович — кандидат исторических наук, доцент Воронежского государственного аграрного университета им. Петра I.

Г. Гота и 2-я венгерская армия генерала Г. Яни. Со своей группой Вейхс принял участие в неудачном наступлении генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока на Воронеж. 15 июля 1942 г. он был назначен командующим группой армий «Юг». В августе 1943 г. стал командующим вновь сформированной группы армий «Ф», объединявшей германские войска на Юго-Востоке (штаб-квартира в Белграде), где практиковал казни заложников. В январе 1945 г. Вейхс вел бои в Венгрии, а 5 февраля 1945 г. был награжден Рыцарским крестом с дубовыми листьями. В марте 1945 г. его перевели в резерв Верховного командования. После войны Вейхс был арестован американскими войсками. В тюрьме он серьезно заболел и в 1947 г. был освобожден. Вейхс — один из немногих высших командиров, избежавших суда за военные преступления. Являясь сторонником широкого применения в наземных боях зенитной артиллерии, он получил в армии прозвище «зенитный генерал»¹.

Интересны высказывания о Вейхсе его вышестоящих начальников. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Г. фон Рундштедт, давая аттестацию Вейхсу, отмечал, что «особого упоминания заслуживает его ясное, уверенное и целеустремленное руководство». Не менее лестный отзыв о нем оставил командующий группой армий «Север» фельдмаршал В.Р. фон Лееб. По его мнению, Вейхс — «полноценный командующий армией, хороший наставник, отлично распознает неправду и вымысел»². Вейхс не гнушался дезинформировать начальство, ярким примером чему служит его донесение об уничтоженных советских танках.

Боевой отчет Вейхса состоит из трех частей и 15-приложений.

В первой части «Подготовка операции “Блау 1” (01.05.1942—27.06.1942)» рассматривается обстановка в полосе обороны группы армий «Юг» накануне второго генерального наступления немецко-фашистских войск и их сателлитов на советско-германском фронте летом 1942 года. Именно тогда, в ходе разработки операции «Блау», было решено, что «сосредоточившиеся южнее Сосны части 4-й танковой армии, усиленные пехотой, следует бросить кратчайшими путями на Воронеж, с целью занять этот важный центр военной промышленности, путей сообщения и разрушить жёлезнодорожную линию, проходящую восточнее Воронежа в направлении север-юг. При этом следует стремиться к тому, чтобы как можно скорее занять жёлезнодорожную линию Курск — Воронеж»³.

Как видно из планов, немецкое командование рассчитывало добиться решительного успеха на этом направлении. В начале июня 1942 г. фюрер в разговоре с начальником штаба группы армий «Юг» генералом пехоты фон Зоденштерном упомянул, что он «теперь собирает все книги о методах колонизации, чтобы применить эти методы при “колонизации России”»⁴. 24 июня на совещании в своей ставке он самоуверенно заявил, что «сопротивление русских окажется очень слабым»⁵. Первоначально операцию намеревались назвать «Зигфрид», но «Гитлер больше не желал давать своим планам всякого рода обязывавшие на подвиг имена мифологических фигур — Фридрих Барбаросса уже успел печально зарекомендовать себя»⁶. Кроме того, начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) (Верховное командование вооруженных сил Германии. — *Е.Ш.*)

генерал-фельдмаршал В. Кейтель отмечал, что план наступления «после уже невозможного истощения сил и ввиду необходимости быть готовыми к обороне повсюду не мог быть более возобновлением генерального наступления по всему фронту»⁷. К этому времени Гитлер, по мнению английского историка У. Ширера, «приобрел уже достаточно опыта, чтобы понять, что уничтожить Красную Армию в ходе одной кампании не сможет»⁸.

На первом этапе проведения операции «Блау» ставилась задача обезопасить северный фланг наступающей группировки. Для этого, по мнению немецкого командования, «в ходе воронежской операции следует создать и удерживать сильный фронт обороны между Доном и районом севернее Воронежа, а также исходную позицию северо-западнее Ливны»⁹. Немцы также разработали план операции «Клаузевиц», целью которой являлось окружение и уничтожение войск Юго-Западного фронта¹⁰. Однако, он выходит за рамки нашего исследования, поэтому мы его рассматривать не будем.

При изучении плана наступательной операции «Блау 1» поражают немецкая педантичность и холодный расчет, граничащие с чрезмерной жестокостью и стремлением к разрушению. Так, по указанию командования группы армий «Юг», «город Ливны не должен включаться во фронт обороны. Город должен быть разрушен и оставлен нашими частями. На южном берегу Сосны должен быть создан, по возможности, наиболее эффективный противотанковый фронт»¹¹.

Планируя наступательную операцию, командование не особенно доверяло своим союзникам, в частности 2-й королевской венгерской армии. Поэтому на северный фланг наступления, где ожидалось сильное давление советских войск, перебросили 55-й армейский корпус (45, 95 и 299-я пехотные дивизии и для начала наступления — 1-я моторизованная пехотная бригада СС). В центре, в качестве тарана, наступала 4-я танковая армия с 13-м армейским корпусом, 24-м и 48-м танковыми корпусами (87, 377 и 385-я пехотные дивизии, 9, 11 и 24-я танковые дивизии, 3-я моторизованная пехотная дивизия и моторизованная дивизия «Великая Германия»). Наконец, на южный фланг, где ожидалось наименьшее сопротивление советских войск, передислоцировали 2-ю королевскую армию с 3-м венгерским армейским корпусом (6, 7, 9-я дивизии) и 7-й армейский корпус (387-я пехотная дивизия, 23-я танковая дивизия). Когда началась операция «Блау», начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер 29 июня сделал в дневнике следующую запись: «Наши ожидания не оправдались только в одном, а именно — что венгры (2-я венгерская армия. — *Е.Ш.*) на южном фланге тоже продвинутся вперед»¹².

На первый взгляд, кажется, что операция была четко спланирована вплоть до мельчайших деталей с учетом непредвиденных обстоятельств. Однако незадолго до ее начала сроки пришлось перенести. 8 июня армейской группе «Вейхс» было послано донесение о том, что «несмотря на все мероприятия, из-за дождей приготовления к операции “Блау” 15.6. окончены быть не могут. Запрашивается разрешение на задержку наступления, по крайней мере, на день Б-1, 14 часов 30 минут»¹³. В дальнейшем, из-за дождей сроки операции переносились несколько раз.

На момент наступления армейская группа «Вейхс» представляла собой грозную силу. Она имела 799 орудий, 252 миномета, 828 зенитных орудий, 82 штурмовых орудия, 587 танков, 378 тяжелых противотанковых пушек. Число лошадей — 95 423 ¹⁴.

Необходимо подчеркнуть, что ставка делалась на танки и авиацию. Как отмечал в дневнике Гальдер, Гитлер считал, что «авиация и танки — решающие рода войск. Они должны использоваться в тесном взаимодействии друг с другом» ¹⁵. Именно по этой причине и переносились сроки наступления, поскольку танки из-за непроходимой грязи не могли выполнять поставленные задачи. Самолеты также не могли взлететь, да и при плохой видимости сложно было вести успешное бомбометание. Об этом, в частности, 26 июня говорилось в боевом отчете: «С 11 часов 00 минут в районе армейской группы в отдельных местах прошли грозы с дождями, продолжавшимися несколько часов. Дороги пришли в полную негодность для передвижения. Взлетные дорожки на аэродромах настолько размягчились, что утром уже было невозможно подняться в воздух ни одному самолету» ¹⁶. Кроме того, запаздывание сосредоточения войск и задержка окончания операций под Волчанском и Севастополем также повлияли на перенос сроков операции ¹⁷.

На установление окончательного срока наступления повлияло неожиданное событие: 19 июня легкий самолет связи, на котором начальник оперативного отдела штаба 23-й немецкой танковой дивизии майор Рейхель отправился на командный пункт 8-го армейского корпуса, был в районе восточнее Волчанска сбит огнем стрелкового оружия бойцов 76-й советской стрелковой дивизии 21-й армии Юго-Западного фронта. Немецкий офицер и пилот погибли, при этом в руки советского командования попал портфель с секретными документами и картами, относящимися к началу операции «Блау». Уже 20 июня Генеральный штаб и Ставка ознакомились с захваченными секретными документами, однако Сталин решил, что речь идет о частной операции, а главного удара следует ждать на орловско-тульском направлении, по кратчайшему пути на Москву. Разведанные Брянского фронта, агентурные сообщения, данные воздушного наблюдения, свидетельствовавшие о подготовке немцами главного удара на Курском направлении, Верховный Главнокомандующий игнорировал или воспринимал как результат немецкой дезинформации, так как был уверен, что Гитлер снова попытается захватить Москву ¹⁸.

Необходимо подчеркнуть, что советское командование накануне немецкого наступления благодаря воздушной разведке знало о наращивании вражеской группировки на южном фланге советско-германского фронта, но генерального наступления здесь не ожидало. Командующий 2-й воздушной армией генерал-майор С.А. Красовский позднее вспоминал: «Лишь в результате интенсивных полетов воздушных разведчиков 18—20 июня штаб 2-й воздушной армии получил достоверные сведения о том, что наиболее крупные группировки немецко-фашистских войск в действительности находятся значительно южнее, в районе Курск, Щигры» ¹⁹. В результате необходимые меры по усилению этих участков фронта предприняты не были, а того, что все же было сделано, оказалось недостаточно.

Немалую роль в этом сыграли мероприятия немцев по дезинформации советской стороны. Генерал-фельдмаршал В. Кейтель от-

мечал, что целью действий «на первом наступательном направлении — на Воронеж, примерно на полпути между Москвой и районом Донецка», являлось желание ввести «русских в заблуждение относительно собственного замысла, дезориентировать их, внушить им впечатление о намерении повернуть на север, на Москву, чтобы сковать там их резервы»²⁰. По указанию Гитлера была разработана и подписана командующим группы армий «Центр» фельдмаршалом Клюге и его начальником штаба генералом Велером операция «Кремль», предназначенная для дезинформации советского командования, в рамках которой был разработан и отдан приказ о наступлении на Москву и проводились соответствующие мероприятия²¹. Это в какой-то мере подтверждает и советское военное руководство. Начальник Генерального штаба РККА генерал-полковник А.М. Василевский отмечал, что «наиболее крупная группировка немецких войск (более 70 дивизий) находилась на московском направлении»²². Кроме того, как вспоминал заместитель начальника Оперативного управления Генштаба подполковник С.М. Штеменко, «поступили данные из-за рубежа о том, что гитлеровское командование пока не отказывалось от своего замысла захватить нашу столицу»²³.

В итоге, советское командование, располагая информацией о готовящемся немецком наступлении, должных выводов не сделало. На это обратил внимание начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер, отметив, что «на фронте группы армий “Юг” никаких признаков того, что противник как-то реагирует на потерянный нами приказ»²⁴.

Во второй части плана операции «Блау» — «Наступление на Дон и взятие Воронежа (28.06.1942—7.07.1942)» в сжатой форме было представлено описание боевых действий на воронежском направлении и в районе Воронежа в конце июня — начале июля 1942 года.

28 июня, в первый день наступления, Вейхс радостно констатировал, что «в начале нашего наступления противник был не подготовлен, так как наступление являлось для него неожиданностью»²⁵.

Однако уже во второй половине дня 28 июня Вейхс был вынужден признать, что «противник начал оказывать все большее сопротивление. Его части, расположенные перед нашей армией, глубоко эшелонированы». 29 июня Вейхс хоть и говорил о значительных успехах, но вынужден был признать, что «противник лишь в отдельных местах отходил без боя, а на всех остальных позициях оказывал стойкое сопротивление»²⁶.

В дни наступления Вейхс отмечал господство немецкой авиации над советской: «По всему фронту армии незначительная деятельность авиации противника с бомбометанием в отдельных местах»²⁷. С этим трудно не согласиться. Вот что писал о соотношении сил командующий 2-й воздушной армией генерал-майор С.А. Красовский: «Немцы сосредоточили довольно мощный авиационный кулак. По сведениям, имевшимся у нас, в конце июня на Брянском фронте действовали эскадры 8-го авиационного корпуса 4-го воздушного флота противника. Наши разведчики обнаружили на его аэродромах 310 бомбардировщиков, около сотни истребителей и до полусотни разведчиков, корректировщиков и других самолетов. Перед началом наступления фашисты перебазировали к линии фронта еще ряд

авиасоединений, и состав их авиационной группировки увеличился до 800—1000 самолетов.

А чем располагала 2-я воздушная армия? К началу активных боевых действий мы имели три истребительные, три штурмовые, две бомбардировочные и одну ночную бомбардировочную дивизии. Однако во всех соединениях был большой некомплект самолетов и летного состава. Армия располагала 106 истребителями, 91 штурмовиком, 106 дневными и 71 ночным бомбардировщиками — всего 374 самолетами, из которых одну треть составляли машины устаревших конструкций. Таким образом, немцы превосходили нас по общей численности самолетов в 2,5—3 раза, а по количеству бомбардировщиков — в 4—5 раз»²⁸.

А вот что писал заместитель командующего 40-й армией генерал-майор Ф.Ф. Жмаченко в донесении командующему Брянским фронтом генерал-лейтенанту Ф.И. Голикову от 2 июля: «29—30 (июня. — *Е.Ш.*) — 1 и 2 (июля. — *Е.Ш.*) противник сосредоточил массу авиации и непрерывно делает налеты на боевые порядки наших частей»²⁹.

Уже после войны немецкие генералы винили во всех бедах климатические условия, и в частности «генерала Мороза». В этом плане интересны наблюдения Вейхса, который, возможно сам того не осознавая, на первое место ставил храбрость и доблесть советских солдат и офицеров, а затем уже погоду. Характерна запись от 30 июня: «19 час. 00 мин. наступление армейской группы, несмотря на продолжающееся упорное сопротивление противника, который отступает лишь в отдельных местах, и плохие метеорологические условия, продолжается. Всякое передвижение по смягченному грунту дорог сопряжено с большими трудностями»³⁰. На эти строки отчета, хотелось бы обратить внимание тех исследователей, которые пытаются доказать, что немцы якобы почти без боя, парадным маршем прошли полстраны и захватили стратегические объекты.

В последующие дни Вейхс сокрушался по поводу упорного сопротивления советских войск и сетовал на погодные условия, то есть на сильный ливень, который «опять очень сильно затруднил подход артиллерии и снабжение. Если этот ливень продлится значительное время, то поставлена под вопрос быстрота выполнения операции»³¹.

Описывая деятельность немецкой авиации, Вейхс приводит многочисленные сводки о сбитых советских самолетах, при этом умалчивая о собственных потерях. Не менее интересна информация о подбитых советских танках. С явным удовольствием командующий армейской группой констатирует, что «число подбитых танков противника постоянно растет. Одна пехотная дивизия “Великая Германия” с 28.6, не понеся собственных потерь в танках, подбила у противника 100 танков»³².

Необходимо признать, что в словах Вейхса есть доля правды. Действительно, потери советских танкистов были огромны. Так, советский 17-й танковый корпус на 28 июня имел 179 танков. За четыре дня боев его потери составили: 1664 чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести, 23 КВ-1, 62 Т-34, 47 Т-60, (всего 132 танка), 23 орудия, 22 миномета и 14 пулеметов³³. В целом, за 27 суток проведения Воронежско-Ворошиловградской оборонительной операции потери советских танковых частей составили 2436 танков³⁴.

Может сложиться впечатление, что советские танки шли напролом, невзирая на опасность, подставляя слабо защищенные борта немецким противотанковым пушкам и позволяя им безнаказанно расстреливать советские машины с близкого расстояния. Иногда так, к сожалению, и было, поскольку слабо обученные советские танкисты наступали, не проведя должным образом разведки. Об этом достаточно подробно в августе 1942 г. писал в своем докладе заместителю народного комиссара Обороны СССР генерал-лейтенанту Я.Н. Федоренко командир 18-го танкового корпуса (тк) генерал-майор И.П. Корчагин. В нем анализировались причины неудач 18-го тк с 24 июля по 15 августа, однако, их смело можно отнести и к причинам неудач начала июля 1942 года. Корчагин отмечал, что в «бой бригады вступили, не зная своего личного состава, не говоря уже о сколоченности взвода, роты, батальона и бригады, являющейся необходимым условием для проведения наиболее успешной операции». Кроме того, «отсутствовало четкое взаимодействие между танками, пехотой и артиллерией в период динамики боя в силу того, что средства связи по организации взаимодействия, как правило, отсутствовали. В результате, пехота все время отставала от танков, а танки были вынуждены по несколько раз возвращаться к ней и идти на низких скоростях, ведя огонь с длительных остановок, что позволяло противнику вести прицельный огонь по нашим танкам»³⁵.

Что касается боевых потерь, то здесь необходимо признать мастерство немецких танкистов и боевые характеристики немецкого оружия. В одном из донесений вермахта 1941 г. говорилось, что расчет 37-мм пушки добился 23 попаданий в один и тот же Т-34, и лишь последнее попадание в основание башни принесло успех³⁶. Немецкое командование извлекло уроки из прошедших боев на советско-германском фронте в 1941 г. и хорошо подготовилось к летней кампании 1942 года. Как позднее вспоминал дважды герой Советского Союза маршал бронетанковых войск М.Е. Катуков, после битвы под Москвой немецким командованием «была создана специальная комиссия, которой поручалось собрать материалы в целях изучения русских танков и конструирования на основе этого новых немецких танков и более мощного противотанкового оружия»³⁷. К началу операции «Блау» в танковых и моторизованных дивизиях было увеличено количество танков Pz.III Ausf.J с 50-мм орудием Kw.KL/60 и 17 Pz.IV Ausf.F2 с 75-мм орудием Kw.KL/43. Благодаря более мощным пушкам и новым типам боеприпасов эти танки могли успешно бороться с советскими танками Т-34 и КВ-1³⁸.

Об этом достаточно подробно в августе 1942 г. писал в своем докладе заместителю народного комиссара Обороны СССР генерал-лейтенанту Я.Н. Федоренко командир 18-го танкового корпуса (тк) генерал-майор И.П. Корчагин, отметивший «трудность, а подчас даже невозможность вскрыть систему противотанковой обороны противника и главное, что противник применил быстро подвижную противотанковую оборону, используя для этой цели самоходные бронированные 75-мм орудия, стреляющие болванками, которые пробивали и зажигали наши танки любой системы»³⁹. Кроме того, немецкое командование всячески поощряло своих солдат на уничтожение советских танков. Оно предоставляло солдатам две недели отпуска за каждый сожженный Т-34 и три — за КВ⁴⁰.

Советские части отступали с тяжелыми боями, не успевая эвакуировать подбитые танки, а зачастую, из-за поломок и отсутствия горючего бросали целую и невредимую технику. В частности, днем 2 июля части 24-го танкового корпуса были атакованы дивизиями 48-го танкового корпуса немцев. В результате боя, из-за плохой связи между соседями части 54-й танковой бригады были окружены, но к вечеру сумели вырваться из кольца. При этом было потеряно 6 Т-60, 1 Т-34 и уничтожено 8 немецких танков. В последующие дни бригады корпуса, ведя непрерывные арьергардные бои с немецкими танковыми частями, отходили к Дону. При этом большое количество танков (особенно КВ-1) было подорвано экипажами из-за отсутствия горючего и технических неисправностей. Дело в том, что танковые бригады в ходе боев были отрезаны от своих тылов и испытывали большие трудности с обеспечением ремонтными, эвакуационными средствами и горючим. Например, только за 3 июля 4-я гвардейская танковая бригада подорвала 4 вышедших из строя КВ, а 54-я танковая бригада уничтожила 5—6 июля 3 Т-34 (два из-за отсутствия горючего и один, застрявший в болоте, из-за невозможности его эвакуировать) ⁴¹.

Следует также сказать о качестве советских танков. В боях в большой излучине Дона впервые в больших количествах стали использоваться новые легкие танки Т-70, производство которых было развернуто в июне 1942 года. А вот для КВ-1 июльская кампания стала последней, в которой эти тяжелые машины использовались в больших количествах. В ходе тяжелых боев большая часть КВ вышла из строя из-за технических недостатков, в результате чего их выпуск прекратили, наладив производство технически более совершенной модели КВ-1С ⁴². Британский военный исследователь Э. Молло подчеркивал превосходство над немецкими танками советских Т-34; которые «стали самыми массовыми танками Второй мировой войны, сочетавшими подвижность, огневую мощь и хорошее бронирование» ⁴³.

Танки, произведенные в СССР до 1942 г., были лучше по качеству, чем выпущенные в 1942 году. Но, к сожалению, Красная Армия ими почти не располагала. Как отмечает исследователь Б.К. Кавалерчик, «в 1942 г. качество советских танков существенно упало по многим объективным причинам. В их числе трудности, связанные с организацией производства эвакуированными заводами на новых местах, переходом многих предприятий на выпуск новой для них продукции, утратой многих производственных связей и источников сырья, резким снижением среднего уровня квалификации кадров в связи с потерей многих опытных рабочих и инженеров и привлечением к работе большого количества новичков, в том числе женщин и подростков. Эти новые кадры самоотверженно трудились и делали все, что могли, чтобы помочь фронту, но им остро не хватало знаний, опыта и мастерства. Во главу угла ставился выпуск максимально возможного количества танков. Это и понятно, ведь необходимо было восполнить тяжелейшие потери начального периода войны. Поэтому требования к качеству продукции снижались, ОТК порой принимал танки только по факту их заводки. В результате в том же 1942 г. некоторые “тридцатьчетверки” смогли пройти до капитального ремонта только 30—35 км.

В какой-то мере это было оправдано, ведь на войне танки, как правило, не доживали до выработки своего, пусть и небольшого, ре-

сурса. Век танка на передовой был недолог — в среднем 4—10 дней (это без времени, затраченного на его транспортировку по железной дороге и ремонты), или от 1 до 3 атак. Средний пробег до выхода из строя по боевым причинам в 1942 г. составлял всего 66,7 км, что было втрое меньше их среднего пробега до капитального ремонта. Так что сломаться большинство танков просто не успевало»⁴⁴.

Это подтверждает и генерал Корчагин, который отмечал: «Качество изготовления танков, их регулировка на заводе желает много лучшего, например: из последней партии 46 танков Т-34 Нижне-Тагильского завода не дошли 10 танков со станции разгрузки до места сосредоточения бригад, потому что была неправильная регулировка струн в бортовой передаче, вследствие чего происходит массовый выход из строя передних роликовых подшипников бортовой передачи, поводковая коробка не дает полного включения сцепления, от чего происходит пробуксовка дисков, плохое включение скоростей, что приводит к короблению дисков главного фрикциона и выходу из строя. Имеет место слабое сцепление зубчатки ленивца с гусеницей, вследствие чего происходила пробуксовка гусениц (необходимо увеличить зубчатку ленивца и улучшить обработку ленивца на заводе) и др. дефекты»⁴⁵.

Как видим, советские танкисты несли потери не только от огня противника. Немцы, захватывая новые территории, свои вышедшие из строя танки, не записывая в разряд подбитых, сразу отправляли в ремонтные мастерские. Бывали даже случаи, когда они использовали трофейные советские танки для выполнения боевых задач. Очевидно, немцы, включая Вейхса, записывали все советские брошенные исправные и вышедшие из строя по причине технической неисправности танки на свой боевой счет.

Что касается отсутствия у немцев боевых потерь в танках, то в Центральном архиве Министерства обороны РФ сохранилось огромное количество боевых донесений, сводок и наградных документов советских танкистов, которые опровергают немецкие данные. Советские танкисты, давая отпор захватчикам, совершали массовый героизм. В частности, 30 июня немецкие танки, наступавшие на левом фланге по ложине к реке Волчьей, натолкнулись на взвод КВ-1 старшего лейтенанта Д.Д. Шолохова из 2-го батальона 158-й танковой бригады. В ожесточенном бою взвод потерял две машины, однако танк Шолохова в этом бою уничтожил 8 немецких танков. По другим данным, экипаж танка КВ-1 под командованием Дмитрия Шолохова 30 июня 1942 г. в одном бою уничтожил 24 танка противника. За этот бой ему было присвоено звание Героя Советского Союза⁴⁶.

Командир танка Т-34 380-го танкового батальона 174-й танковой бригады лейтенант В.Н. Елисеев в атаках с противником под селом Горшечное Курской области «огнем из своего танка 1 и 2-го июля 1942 г. уничтожил: два танка противника, одну противотанковую пушку. При отходе частей на новый рубеж в населенном пункте Семилуки тов. Елисеев разбил и поджег 4 танка противника, свою боевую машину и экипаж сохранил. В восьми атаках с противником в борьбе за освобождение города Воронежа со своим экипажем тов. Елисеев огнем и гусеницами танка уничтожил: 8 противотанковых пушек, две минометных батареи, пять станковых пулеметов, склад с

боеприпасами и большое количество вражеской пехоты и автоматчиков». За проявленную доблесть и героизм лейтенант Елисеев был награжден орденом Ленина ⁴⁷.

30 июня перешла в наступление из района северо-восточнее Харькова ударная группировка 6-й армии генерала Паулюса. В течение всего дня продолжались ожесточенные танковые бои. В отдельные периоды боя в нем участвовало с обеих сторон до 350—400 танков. Танкисты 13-го танкового корпуса под командованием генерала П.Е. Шурова стояли насмерть, но не пропустили врага через свои боевые порядки. За день они уничтожили 98 вражеских танков, то есть больше трети ударной волчанской группировки ⁴⁸.

Героизм советских танкистов признавали и сами немцы. В «Докладе о тактическом применении германских и советских танковых частей на практике», составленном по опыту боевых действий 23-й танковой дивизии вермахта в ходе операции «Блау» говорилось: «Фантастический боевой дух русских танкистов: некоторые танки теряют ход, получают 5—6 прямых попаданий, но их экипажи не сдаются и продолжают вести огонь. Для уничтожения таких машин приходится посылать специальные группы саперов-подрывников. Русские сражаются до последнего снаряда и патрона... Огонь немецкой артиллерии или атаки пикирующих бомбардировщиков редко вынуждают русских оставить позиции, хотя они и несут значительные потери» ⁴⁹.

Как видим, Вейхс сам себе противоречит. С одной стороны, он все время отмечает упорное сопротивление советских войск, а с другой — говорит об отсутствии собственных потерь.

Чем ближе армейская группа «Вейхс» приближалась к Воронежу, тем все чаще немецкое командование, включая ее командующего, задавалось «чисто тактическим вопросом» — «лучше ли установить оборону по Дону или Воронежу», притом, что немцев интересовал «только авиационный завод и развитая сеть железных дорог» ⁵⁰.

5 июля Вейхс констатировал: «Противник в районе Воронежа, сломленный вначале нашим неожиданным наступлением и поддержанный теперь крупными силами своей авиации, укрепляется на южной окраине города и западнее Воронежа для оказания мощного сопротивления. Отмечается подтягивание крупных сил противника из Ельца в Воронеж». Судя по этой записи, немцы разгадали замысел советского командования — удержать Воронеж. Вейхс справедливо заметил, что «прибывающие в Елец части, очевидно, главным образом будут направлены в Воронеж и лишь незначительная часть их на юг» ⁵¹.

Действительно, Ставка ВГК перебрасывала в этот момент в район Воронежа части 3-й Резервной армии. Однако первые эшелоны стали прибывать только 10 июля. До этого момента сопротивление противнику оказывали части 232-й стрелковой дивизии, 18-го танкового корпуса, соединения отступающей 40-й армии и малочисленные соединения гарнизона Воронежа.

Как отмечалось выше, в боевом отчете все время фигурирует выражение «сильное сопротивление противника». С этим утверждением трудно поспорить, поскольку вышеназванные части советских войск в районе Воронежа оказали армейской группе «Вейхс» очень жестокое сопротивление. Так, например, дни с 3 по 7 июля 1942 г. остались в памяти у бойцов и командиров 232-й стрелковой дивизии как са-

мые страшные во всей войне. Маршал Советского Союза Ф.И. Голиков, бывший командующий Брянским фронтом, позднее вспоминал: «...Это была свежая сибирская дивизия. Многие ее бойцы и командиры — юноши 18—19 лет — не имели боевого опыта. Но воинская дисциплина, политико-моральное состояние были крепкими... 232-я дивизия первой остановила врага, спешившего ворваться в Воронеж. С 3 июля навязала ему тяжелые бои... Сражаясь на левом фланге 232-й дивизии, 498-й стрелковый полк ни на шаг не отступил, потеряв всех командиров батальонов — П.И. Зайцева, В.И. Конькова, А.В. Махотина, командиров полка — майора А.А. Ермолаева, затем майора Б.Д. Марцыленко, а также большинство офицеров строевых подразделений. Брошенный здесь в атаку учебный батальон нанес врагу тяжелый удар в рукопашном бою. Здесь же, на южном участке обороны, отбивая танковые атаки, погибли во главе с командиром противотанковый дивизион 232-й дивизии и две батареи артполка. С этой стороны и рвались к городу 24-я танковая и 16-я моторизованная дивизии противника, имевшие более 200 танков и самоходных орудий «артштurm». Но с ходу враг так и не смог ворваться в город»⁵².

Стойко и храбро сражались воины 232-й стрелковой дивизии, прикрывая подступы к Воронежу. За двое суток непрерывного боя ими было уничтожено свыше четырех полков пехоты численностью около 13 тыс. немецких солдат и офицеров, подорвано 63 танка, 160 автомашин с войсками и грузом. Однако из-за малочисленности соединений сопротивление советских войск было недолгим и им пришлось отойти, о чем и написал Вейхс: «В результате проведенного контрудара наши части, понеся незначительные потери, отеснили противника»⁵³.

Не догадываясь и не располагая информацией о том, что все важнейшие стратегические и промышленные объекты Воронежа уже давно эвакуированы, немцы пытались претворить в жизнь первоначальный план «Блау». Это подтверждает в отчете Вейхс, указывая 5 июля, что «4-я танковая армия должна занять Воронеж. Проходящая восточнее реки Воронеж с юга на север железная дорога должна быть разрушена на длительный срок, для чего будет необходим взрыв моста в районе Боровое. Все промышленные сооружения на восточном берегу Воронежа должны быть полностью разрушены, и это, прежде всего, касается авиационного завода им. Ворошилова, а также важных железнодорожных станционных сооружений»⁵⁴. И это при том, что Гитлер на совещании еще 3 июля приказал, что «в смысле крупных целей не стоит усиливаться в направлении Воронежа. Все дело состоит больше в том, чтобы выйти на Дон южнее Воронежа, избегая серьезных, отнимающих много времени боев, и защитить северный фланг танкового удара дивизиями пехоты. Воронеж не является решающим. Он не сможет воспрепятствовать применению нашей авиации, даже если мы не вступим в Воронеж. Тогда ведущая с севера на юг выше Воронежа рокадная дорога должна быть прервана южнее Дона»⁵⁵.

Очевидно, командование группы армий «Юг» надеялось легким «наскоком» захватить Воронеж, находясь под впечатлением от быстрого продвижения вперед. Судя по всему, инициатором захвата Воронежа являлся Ф. фон Бок, отмечавший 3 июля в своем дневнике,

что он «однако, должен следить за тем, чтобы 4-я армия ни на минуту не упускала из виду Воронеж и не забывала прикрывать свой северный фланг. Только при таких условиях мы сможем быстро захватить Воронеж и уничтожить находящиеся там важные промышленные и оборонные объекты. В этой связи я приказал 6-й армии направить мобильные подразделения в сторону Острогожска и Коротояка с тем, чтобы они осуществляли прикрытие южного фланга 4-й танковой армии у Дона между Коротояком и границей зоны ответственности армии»⁵⁶. Впоследствии за задержку под Воронежем Бок поплатился. Как отмечают английские историки С. Митчем и Дж. Мюллер: «Вопреки приказам Гитлера он (фельдмаршал Ф. фон Бок. — *Е.Ш.*) позволил втянуть себя в продолжительное сражение за Воронеж, оказавшееся совершенно бессмысленным. В результате основным силам удалось переправиться через Дон, и надежды на захват огромного количества пленных не оправдались. Исключительно по этой причине (но со ссылкой на плохое здоровье) 15 июля Гитлер освободил Бока от занимаемой должности и к дальнейшей работе больше не привлекал. В частном разговоре Гитлер признался Рудольфу Шмундту, что восхищается фон Боком, но может работать только с теми командирами, которые подчиняются его приказам безоговорочно»⁵⁷.

До 6 июля командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Ф. фон Бок и командующий 4-й танковой армией генерал-полковник Г. Гот испытывали беспокойство и легкую растерянность в связи с усилившимся сопротивлением советских войск под Воронежем. Вот что писал по этому поводу в дневнике фон Бок: «Под Воронежем сопротивление противника усилилось. Хотя ему явно недостает артиллерии, положение может измениться, так как к Воронежу со всех сторон подходят подкрепления. Гот является последовательным противником атаки на город; мы в очередной раз узнали о его нежелании атаковать Воронеж из радиосообщения, отправленного состоящим при 4-й танковой армии офицером связи из Верховного командования сухопутных сил. В отличие от командующего 4-й танковой армией Вейхс хочет завтра утром предпринять попытку захвата Воронежа — пока противник не успел основательно усилиться, особенно в плане артиллерии. Верховному командованию сухопутных сил было сообщено, что, по мнению Вейхса, удержать плацдарм на противоположном берегу Дона можно только при условии, что Воронеж будет захвачен. Вейхс также считает, что железнодорожные коммуникации, по которым в город идут пополнения с западного берега Дона, не могут быть нами перерезаны, если противник отберет у нас этот плацдарм. Я согласен с позицией Вейхса. Однако Верховное командование сухопутных сил решило иначе: если атака на Воронеж и будет иметь место, то “как-нибудь потом”»⁵⁸.

5 июля, как отмечает Вейхс, командующий 4-й танковой армии Гот, столкнувшись с сильным сопротивлением советских войск, отправил в штаб армейской группы «Вейхс» донесение следующего содержания: «Внезапное нападение на Воронеж не удалось. 24-я танковая дивизия заняла рошу южнее Воронежа между Воронежем и Доном. На южных подступах к городу крупные силы противника. На высотах юго-западнее города, где предмостные укрепления “Великой Германии”, тоже крупные силы противника. Подготавливается пла-

номерное наступление». По мнению Гота, «наступление на город танков не может быть успешным и приведет к большим потерям в двух лучших дивизиях, а это повлияет на ход южной операции»⁵⁹.

В ответ на беспокойство Гота командование группы армий «Юг» передало следующие указания: «Ни в одном пункте нашего фронта наступления противнику не удалось создать новую линию обороны. Везде, где нами предпринимался быстрый удар, сопротивление противника сламывалось, и противник переходил к беспорядочному отступлению. Организованное воспрепятствование этому отступлению нигде организовано не было. В таком же положении находятся и его попытки наступать на северном фланге нашей операции. До сих пор этой тактической задачи противник не выполнил и понес при этом тяжелые потери. Еще подобного упадка организации у противника наблюдать не приходилось. Из этого следует, что настоящее состояние Красной Армии должно быть использовано для продолжения нашей операции. Не давать противнику опомниться и развивать достигнутые успехи»⁶⁰.

Ободренные данным наставлением соединения Гота усилили нажим на Воронеж. В результате, в 16.00 начальник штаба 4-й танковой армии генерал-майор Бернут сообщил подполковнику Хиландер, что «в противоположность оцененной обстановке, со вчерашнего вечера создается впечатление, что русские собираются оставить Воронеж» и что немецкие «разведывательные группы, при проникновении в город, никакого сопротивления не встретили». После этого сообщения командование группы армий «Юг» дало «разрешение на занятие города Воронеж»⁶¹.

Спустя годы, ряд немецких генералов вслед за Вейхсом хвастливо заявляли о быстром захвате Воронежа, умышленно путая даты. Так, немецкий генерал Ф. Меллентин писал, что «глубина района боевых действий определялась наличием в тылу противника такой реки, как Дон, преграждавшей немецким войскам путь к бескрайним просторам. Однако авангард 4-й танковой армии сумел форсировать Дон и ворваться в Воронеж 3 июля, что вовсе не совпадало с первоначальным планом»⁶². В действительности, только 4 июля войска 4-й танковой армии противника вышли на подступы к Воронежу, а через два дня они, форсировав Дон, ворвались на западную окраину города⁶³. 5—6 июля на юго-западной и южной окраинах Воронежа сложилась роковая для советских войск ситуация. Как отмечалось выше, части 232-й стрелковой дивизии, 18-го танкового корпуса, а также полки НКВД, войска ПВО и отдельные армейские части и подразделения⁶⁴ и другие защитники Воронежа понесли большие потери и были вынуждены отступить.

Кроме того, части НКВД и некоторые подразделения Юго-Западного фронта, находившиеся в Воронеже, имели свои специфические задачи, которые было трудно увязать с непосредственной обороной города. Вдобавок ко всему, эти части подчинялись различным инстанциям, находившимся в Москве, Сталинграде, Калаче, Грязях и других отдаленных точках. Ни одна из этих инстанций не знала истинного положения дел в Воронеже и не несла ответственности за его защиту.

Городскому комитету обороны и командованию Воронежского боевого участка пришлось проявить немало твердости, чтобы неза-

медлительно вывести из Воронежа все тыловые подразделения, независимо от их ведомственной принадлежности, и задержать в городе части, способные решать боевые задачи по его обороне⁶⁵. 4 июля Ставка ВГК приказала «весь гарнизон г. Воронеж, все пулеметно-артиллерийские батальоны, занимающие воронежский обвод УР и прибывающие на его усиление, с 8.00 4.07.1942 г. подчинить командующему Брянским фронтом». Спустя два дня, 6 июля, Ставка ВГК приказала «непосредственную ответственность за оборону Воронежа и прежде всего за то, чтобы не допустить противника в районе Воронежа на восточный берег р. Дон, и непосредственное руководство боевыми действиями здесь возложить на Военный совет 40-й армии, подчинив ему все части, 18-й танковый корпус и гарнизон г. Воронеж»⁶⁶.

Ситуация усугубилась, по мнению командующего Брянским фронтом генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, отсутствием боевой слаженности гарнизона Воронежа, которой мешали ведомственные тенденции⁶⁷. Это привело к тому, что важнейшие участки обороны города были оставлены без боя и почти сразу заняты противником. В частности, по мнению начальника Воронежского гарнизона подполковника А.М. Дюльдина, «критическое положение, создавшееся 6 июля на участке обороны города, произошло из-за неустойчивости и панического настроения командования 287-го и 41-го оперативных полков НКВД, над которыми довели неоднократные приказы командиров дивизий о выводе этих частей из города на место новой дислокации». Далее Дюльдин отмечает: «В результате этого 41-й полк еще в бытность начальником гарнизона полковника Глатоленкова в ночь на 6 июля самостоятельно снялся с оборонительного участка и убыл в направлении Н-Усмань. Утром 6 июля он мною был возвращен обратно. 287-ой полк в течение 6 июля, несмотря на мой категорический приказ держаться в обороне до последнего человека, три раза снимался и, тем самым, оголял наиболее ответственный участок обороны — юго-запад. окраину гор. Воронеж. Благодаря неустойчивости командиров 41-го и 287-го полков, не выполнивших приказ начальника гарнизона о занятии и удержании рубежей обороны, небольшие группы автоматчиков противника с отдельными танками сумели прорваться в город по ул. Выборгской и Софьи Перовской и одновременно занять Вогрессовский мост»⁶⁸.

Таким образом, ситуация сложилась так, что в силу разных обстоятельств в одночасье защитниками Воронежа были сданы почти без боя важные стратегические рубежи. Тем не менее, в 19.00 6 июля в боевом отчете делается противоречивый вывод. С одной стороны, отмечается, что «наши части с севера и с запада вошли в город. В пригороде восточнее реки Воронеж еще находится противник. Брошенные на северный фланг армии крупные силы противника, частично подтянутые из района севернее Москвы, понесли большие потери и отброшены на север», а с другой стороны признается, что «перед 48-м армейским корпусом город Воронеж до реки Воронеж, а также Подгорное освобождены от противника, только в пригороде Монастырщенка восточнее реки Воронеж еще есть противник»⁶⁹. То есть, по мнению командования армейской группы «Вейхс», город Воронеж полностью «очищен» от советских войск, а левобережная часть города, в частности Монастырщенка, является не городским

кварталом, а всего лишь пригородом. В данном случае Вейхс и его помощники сильно лукавят, делая вид, что они ничего не знают о включении в состав Воронежа левобережных сел накануне войны. Имея хорошую разведывательную агентуру, немцы не могли упустить из виду, что еще 5 апреля 1930 г. в черту города была включена Придача и слобода Монастырщенка с селами. В 1938 г. в пределы города вошел лесной массив от сельскохозяйственного института, земли левобережья вдоль речки Песчанки, на западе и юго-западной окраинах Воронежа городская земля выдвигалась в сторону Дона, а 27 августа 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в городскую черту включен рабочий поселок Отрожка и железнодорожный поселок. Этим самым в городскую черту вошли не только железнодорожный поселок, но и старинное село Отрожка, существовавшее с 1589 года ⁷⁰.

Вейхс, делая запись о том, что занят «город Воронеж до реки Воронеж», как бы оговаривается, намекая на то, что есть город Воронеж и за рекой, что и соответствует действительности. В конце июля 1942 г., когда положение в районе Воронежа относительно стабилизировалось, вышел известный приказ № 227 «Ни шагу назад!», в котором И.В. Сталин, перечисляя захваченные противником города «Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону», отметил только «половину Воронежа» ⁷¹.

На наш взгляд, Вейхс сознательно вводил вышестоящее начальство в заблуждение, преследуя корыстную цель — повышение по службе. Действительно, отчитавшись о блестяще проведенной операции по захвату Воронежа, он мог претендовать на должность командующего группой армий «Б», что и произошло 15 июля 1942 г., когда приказом фюрера он сменил на этом посту фельдмаршала фон Бока. В штабе армейской группы «Вейхс» знали о требовании Гитлера повернуть все танковые и моторизованные дивизии на юг, то есть на сталинградское направление, поскольку это был «решающий момент для дальнейшего проведения операции». Поэтому признание в том, что танковые соединения 4-й танковой армии втянуты в затяжные бои за Воронеж, который к тому же еще и не взят, могло привести к снятию с должности, как это произошло с фон Боксом.

Дальнейшие записи в боевом отчете противоречат друг другу. В 24.00 6 июля в отчете сделана запись: «48-й танковый корпус занял Воронеж. Южный мост через реку Воронеж в наших руках, северный мост взорван. Прорвавшаяся на восток рота взорвала большой железнодорожный мост на южной окраине Монастырщенки». Но уже в 19.00 7 июля Вейхс вынужден признать, что «в северной части Воронежа еще остались небольшие части противника», то есть получается, что и 6 июля северная часть города была занята советскими войсками. В 24.00 7 июля Вейхс нехотя констатирует, что «в районе Воронежа наступление отдельных танков противника с севера на Воронеж. Несколько танков противника находятся тоже в черте города» ⁷².

Несмотря на эти данные, в 2.15 8 июля, пытаясь в который раз поставить победную точку, командование армейской группы «Вейхс» направило в соединения приказ № 3, который начинался словами: «Воронеж взят. На северном фланге армейской группы все атаки противника отбиты. Противник понес большие потери в живой силе и

танках»⁷³. Таким образом, Вейхс завершил 2-ю часть отчета победной реляцией о взятии Воронежа.

Третья часть отчета — «Окончание боев под Воронежем и переход к обороне (8.7.1942—19.7.1942)» также не лишена противоречий. В ней командование армейской группы подводит своеобразный итог боевых действий на воронежском направлении и в районе Воронежа. 8 июля Вейхс и его штаб попытались переложить ответственность за разрушение Воронежа на советские войска. По их мнению, «противник, безусловно, получил приказ оставить город, предварительно его разрушив». Однако ниже немцы были вынуждены признать, что «город Воронеж очень сильно разрушен в результате воздушных налетов. Сгорели все высокие дома, за исключением одного правительственного здания, несколько академий и больниц. Также пострадала значительная часть небольших жилых домов (деревянные дома). Фабрики и заводы западнее реки Воронеж в значительной своей части разрушены. Для нас эти предприятия не нужны»⁷⁴.

Далее Вейхс дает туманные разъяснения по поводу промышленных предприятий. Он пишет, что «промышленные предприятия точнее Воронежа, по показаниям местных жителей, разрушены русскими. О наличии машинного оборудования на фабриках и заводах, расположенных вдоль обоих берегов реки, в настоящее время еще ничего нельзя сказать, так как вследствие боевых действий войска не имели времени заботиться о том, чтобы оценить состояние оборудования, а, кроме того, отсутствовали необходимые для этого специалисты (технические батальоны)»⁷⁵. Командующий армейской группой невольно пытается оправдаться за промахи фон Бока, невольным участником которых он являлся. Написать открыто, что никаких важнейших стратегических промышленных объектов нет и признаться в том, что разведка армейской группы упустила эвакуацию русскими оборудования и персонала Вейхс не мог, поскольку Гитлер до последнего требовал «полностью разрушить его (Воронеж. — *Е.Ш.*) промышленность». Вейхс, возможно, представил себе гнев фюрера, который пришел бы в бешенство, узнав о том, что в плане важнейших промышленных объектов Воронеж никакой ценности не представлял, а между тем его пытались взять лучшие бронированные соединения армейской группы «Вейхс», задерживая наступление на Сталинград и давая возможность советским войскам выскользнуть из окружения.

Тем не менее, касаясь советских промышленных объектов, необходимо разъяснить тонкости их эвакуации. С одной стороны, немецкое командование сделало правильный вывод по поводу того, что «русские не успели эвакуировать» промышленные объекты. Действительно, как отмечают многие советские источники, «быстрое продвижение врага на восток и оккупация им западных районов области не позволили полностью эвакуировать оборудование предприятий и запасы сырья. В создавшихся условиях пришлось стать на путь уничтожения имущества, которое могло достаться врагу. Не удалось эвакуировать из западных районов области скот и сельскохозяйственные машины»⁷⁶. Это подтверждает и корреспондент газеты «Правда» Л.К. Бронтман, который 8 августа 1942 г. записал в дневнике: «Немцы заняли почти 3/4 города. Вывезти мы почти ничего не успели. Зарылись, гады, в землю по уши, вышибить их невероятно трудно. На

третий день занятия рубежей немцы уже начали укреплять их стальными конструкциями, бетоном»⁷⁷. С приходом немецких частей в город оборудование завода им. Дзержинского было размонтировано и отправлено в Германию⁷⁸.

С другой стороны, немецкое командование допустило существенную неточность, упустив из виду, что осенью 1941 г. из Воронежа были эвакуированы машиностроительные заводы им. Ленина, им. Калинина, им. Коминтерна, «Электросигнал», им. Кирова и другие крупные предприятия. Большое количество оборудования было вывезено с заводов Липецка. Отправка промышленных предприятий велась четко в соответствии с правительственным планом. Только с одного из заводов было эвакуировано 11 тыс. рабочих и служащих и одновременно ушло свыше 25 тыс. единиц оборудования. Всего из области было полностью эвакуировано 46 предприятий союзной, 15 — республиканской и 56 — областной промышленности⁷⁹.

И, наконец, самое главное, осенью-зимой 1941 г. были эвакуированы важнейшие оборонные предприятия Воронежа. Так, перевод Воронежского авиазавода №18 в Поволжье, в район Куйбышева (Самары), в октябре-декабре 1941 г. был беспрецедентной по сложности и успеху операцией, героической эпопеей воронежских самолетостроителей (о которой уже в наше время был снят двухсерийный художественный кинофильм). Ведущие воронежские оборонные предприятия — завод им. Коминтерна и авиазавод им. Ворошилова прибывали на Урал (в район Свердловска) и в Заволжье (в район Куйбышева). Оборудование выгружали вручную и тут же устанавливали его в недостроенных помещениях, порой без крыши над головой. В кратчайшие сроки в нелегких условиях эвакуации уже в конце 1941 — начале 1942 г. воронежцы возобновили выпуск «Илов» и «Катюш»⁸⁰.

Возможно, немецкую разведку частично сбил с толку тот факт, что после разгрома немцев под Москвой и Ельцом эвакуация предприятий и населения из области была значительно сокращена, а затем и совсем приостановлена. Более того, в связи с улучшением обстановки на фронте оборудование отдельных крупных предприятий с пути следования было возвращено в Воронеж и на некоторых из них начаты монтажно-восстановительные работы⁸¹. Кроме того, после окончания осенней эвакуации 1941 г. в помещениях и на базе оставшегося оборудования машиностроительных предприятий (заводы им. Коминтерна, им. Ленина, им. Калинина и др.) были развернуты предприятия по производству боеприпасов и по ремонту самолетов, автомашин и вооружения⁸².

8 июля Вейхс был вынужден согласиться с тем, что «в северо-западной части города остались части противника с большим количеством танков, которые, по-видимому, не получили приказа об оставлении города. Поэтому наши части при занятии города, как в его южной части, так и в центральных районах, почти никакого сопротивления не встретили, в то время как в северо-западной части города отдельные обороняющиеся или стремящиеся прорваться на восток группы противника навязывали нам бои»⁸³.

Немецкое командование ошибалось, поскольку Ставка ВГК не собиралась оставлять город, перебрасывая для его удержания новые силы. Об этом говорят ее многочисленные приказы и директивы. В

частности, с целью облегчения положения защитников Воронежа Ставка ВГК организовала по левому флангу немецкой группировки контрудар 5-й танковой армией генерал-майора А.И. Лизюкова. Маршал бронетанковых войск М.Е. Катуков позднее вспоминал: «... смысл этого замысла Ставки заключался в том, что 5-я армия, получившая дополнительно вновь прибывший 7-й танковый корпус, при поддержке наших уже поредевших к тому времени 1-го и 16-го танковых корпусов должна была нанести удар с севера на юг в направлении Землянск — Хохол по северному флангу группы армий “Вейхс”, перерезать ее коммуникации, сорвать переправу через Дон и, выйдя в тыл противнику, помочь вырваться из окружения левофланговым дивизиям 40-й армии. 6 июля 5-я армия нанесла контрудар. Гитлеровское командование, опасаясь за левый фланг группы “Вейхс”, вынуждено было повернуть на север две танковые и три пехотные дивизии, бросить против лизюковцев большую часть авиации. Удар противника на Воронеж был значительно ослаблен. Конечно, результаты контрудара были бы значительнее, если бы Лизюков имел время на его подготовку. Армия вводилась в бой по частям, как правило, с ходу, без разведки местности и противника. Это также значительно ослабило мощь ее удара. Отрицательно сказались и слабая артиллерийская поддержка танкистов, и отсутствие надежного авиационного прикрытия. К тому же противник обнаружил выдвижение 5-й танковой армии на исходные позиции. Это привело к потере внезапности ее применения. Ко всему сказанному надо добавить, что армия Лизюкова не имела боевого опыта. Наступление 5-й танковой армии продолжалось до 8 июля. Разгромить противника западнее Воронежа не удалось»⁸⁴. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер также отмечал, что атаки генерала Лизюкова «велись частично при сильной поддержке танков, но не были достаточно организованы и взаимосвязаны»⁸⁵.

Таким образом, с предположением о сдаче города нельзя согласиться, так же как и с очередным утверждением об окончательном взятии Воронежа. Пытаясь подвести черту в описании боевых действий, Вейхс и его штабисты сделали громкое и опрометчивое заявление о том, что «сегодня (8 июля. — *Е.Ш.*) все силы противника, вплоть до последней огневой точки, в этом районе уничтожены. Противник с внешних районов не пытался проводить никаких новых наступлений на Воронеж». И снова, в который раз, словно оправдываясь, в боевом отчете фиксируется, что «все еще не удалось уничтожить три огневых бетонированных точки, которые, по-видимому, заняты фанатичными и хорошо вооруженными людьми (НКВД). Планомерно происходит уничтожение этих точек»⁸⁶.

Особый интерес представляет мнение Вейхса по поводу вопроса верховного командования «должно ли будет удерживаться предместное укрепление Воронежа длительный срок». Взвесив все «за» и «против», командующий армейской группой «Вейхс» сделал вывод, что «предместное укрепление должно удерживаться»⁸⁷. В дальнейшем, немецкое командование упорно удерживало захваченные рубежи до 25 января 1943 г., когда части Воронежского фронта окончательно освободили Воронеж.

Описание боевых действий в Воронеже в боевом отчете заканчивается 8 июля. Возможно, Вейхс не обращал внимание на бои, которые вели советские войска с целью улучшения рубежей и занятия исходных позиций для первой наступательной операции, которая началась на одних рубежах 8 июля, а на других — 12.

Командующий 40-й армией генерал-лейтенант М.М. Попов, оценив всю серьезность сложившегося положения и помня наказ Ставки об удержании города, решил стремительными действиями сорвать замыслы командования армейской группы «Вейхс». В 19.00 7 июля он организовал контратаку частями 121-ой стрелковой дивизии, 14-ой танковой бригады и 18-й мотострелковой бригады 18-го танкового корпуса, в результате которой части, понеся большие потери, овладели участком в районе Подгорного. Противник отошел, также понеся большие потери в живой силе и технике. В частности, 18-я мотострелковая бригада в период боев с 7 по 10 июля уничтожила до 2-х батальонов противника, подбила 3 танка и 2 бронемашин, уничтожила 7 грузовых и 1 легковую машину, 10 пулеметов и 6 минометных батарей. Кроме того, были взяты трофеи: 1 зенитная пушка, 2 станковых пулемета, 2 миномета, 8 винтовок⁸⁸. Наши потери составили около 300 чел. и 13 танков⁸⁹.

Утром 12 июля после сильной артиллерийской подготовки и ударов штурмовой авиации 195-я и 121-я стрелковые дивизии совместно с 67-й и 174-й танковыми бригадами приступили к выполнению задачи. К середине дня они освободили северную окраину Воронежа, но затем встретили упорное сопротивление противника. Используя узкие улицы, каменные постройки, реку, парки и сады, гитлеровцы организовали прочную оборону. Бои в городе носили ожесточенный характер и проводились преимущественно штурмовыми группами, состоявшими из стрелковых подразделений, усиленных танками, противотанковой артиллерией и саперами. Действия штурмовых групп в необходимых случаях иногда поддерживались и авиацией. Но продвижение было весьма незначительным⁹⁰.

О непрекращающихся боях в Воронеже пишут в своих работах и зарубежные историки. В частности, немецкий исследователь П. Димт отмечает, что 7 июля западная часть города в ходе тяжелейших уличных боев была захвачена. На севере и востоке города борьба шла с 13 июля и велась до полнейшего изгнания частей вермахта⁹¹. Таким образом, уже после войны немецкие исследователи вынуждены были признать, что восточную, то есть левобережную, часть Воронежа советские войска удерживали за собой.

Но штабисты Вейхса этот факт старались не замечать. Их интересовал перечень потерь, нанесенных советским войскам в период с 28 июня по 7 июля 1942 года. Генерал Вейхс с немецкой педантичностью перечисляет потери, нанесенные частям Красной Армии. В этом перечислении чувствуется размах, поскольку потери личного состава и боевой техники характеризуются не десятками, а сотнями, порой даже тысячами. Так, касаясь уничтоженных советских танков, Вейхс называет цифру 719, а затем упоминает еще о 62 советских танках, уничтоженных 10-й зенитной дивизией. Но и это не все. Вейхс пишет, что, по предварительным подсчетам, в период с 28 июня по 9 июля «немецкие и союзные части, прекрасно поддержанные авиа-

цией, в ходе боев наступательной операции» захватили и уничтожили 1007 танков. Затем, словно вспомнив, Вейхс упоминает о боевых действиях «в районе северо-восточнее Орла», которые «успешно продолжаются» и в ходе которых уничтожено 350 советских танков, не входящих «в выше названные цифры»⁹².

Что касается собственных потерь, то на страницах отчета нет ни одного упоминания о подбитых немецких танках. Интересно по этому поводу мнение историка С.И. Филоненко. Опираясь на данные И.В. Сталина, утверждавшего, что против армейской группы «Вейхс» воевало 1000 советских танков и, касаясь данных о потерях советских танкистов, названных Вейхсом, Филоненко пишет, что «это невозможно, т.к. в таком случае должны быть уничтожены 100% противостоящих наступающим частям вермахта советских танковых бригад, и такого количества танков даже теоретически уничтожить было невозможно»⁹³. В качестве доказательства он приводит выдержку из румынского приказа, в котором затрагивался вопрос «О цифрах уничтоженных танков» и в котором говорилось: «Донесения, в которых указываются цифры уничтоженных танков, дают ложные представления о реальных потерях противника. Цифры потерь преувеличены в два раза. Русские успевают буксировать значительное количество уничтоженных танков, указанных в донесениях, и приводят их в действие. При сообщении цифр уничтоженных танков необходимо выделять следующее:

- а) уничтоженные танки;
- б) танки, приведенные в неподвижность;
- в) танки, уничтоженные авиацией.

В разделе “уничтоженные танки” следует доносить только о тех уничтоженных танках, которые были выведены из строя в расположении нашего переднего края обороны, или в тылу этой линии, или, которые определенно сгорели перед передним краем. Во всех остальных случаях следует указать, что были оставлены в неподвижном состоянии»⁹⁴.

Как видно из документа, немецкое командование само догадывалось о завышении подчиненными потерь, нанесенных противнику, поэтому пыталось добиться от них правдивой информации. Однако оно умалчивало о правильности подсчета собственных потерь. В этой связи интересна точка зрения исследователя А. Райзфельда, который отмечает, что «если в советских документах сразу и четко указывалось, что безвозвратно потерянный танк сгорел или разбит так, что не подлежит восстановлению, то в немецких документах указывался только выведенный из строя узел или агрегат (двигатель, трансмиссия, ходовая часть) или же указывалось месторасположение боевого повреждения (корпус, башня, днище и т.д.). При этом даже полностью сгоревший от попадания снаряда в моторное отделение танк числился как имеющий повреждение двигателя.

Парадоксально, но до настоящего времени ни одна из попыток разобраться с безвозвратными потерями вермахта в технике так и не увенчалась успехом. Никто так и не смог детально разложить по месяцам и годам, какие же реальные безвозвратные потери несли панцерваффе. И все по причине своеобразной методики “учета” потерь боевой техники в германском вермахте.

Вопреки распространенному мнению о педантичности, аккуратности и скрупулезности немцев нацистская верхушка прекрасно понимала, что полный и аккуратный учет потерь способен стать оружием против нее. Ведь всегда есть вероятность, что сведения об истинных масштабах потерь попадут в руки противника и будут использованы в пропагандистской войне против рейха. Поэтому в нацистской Германии сквозь пальцы смотрели на путаницу в учете потерь. Сначала был расчет, что победителей не судят, потом это стало целенаправленной политикой, чтобы не дать победителям в случае полного поражения Третьего рейха аргументы для разоблачения масштабов бедствия перед немецким народом»⁹⁵.

Выводы, сделанные Райзфельдом, в полной мере можно отнести и к потерям немцами самолетов. По данным армейской группы «Вейхс», «действовавшие в составе армейской группы части 8-го авиационного корпуса за время с 28.6 по 9.7 уничтожили 432 самолета противника, потеряв при этом всего 16 самолетов»⁹⁶. С этим утверждением также полностью нельзя согласиться, особенно в отношении потерь немецких самолетов. Советские летчики и зенитчики, хоть и не имели достаточно боевого опыта, тем не менее, нанесли армейской группе «Вейхс» серьезные потери. Так, обороняя Воронеж, отважно сражалась 3-я дивизия ПВО (полковник Н.С. Ситников), имевшая на вооружении 142 зенитных орудия калибра от 23 до 85 мм. Во взаимодействии со стрелковыми частями гарнизона, танковым батальоном (прибыл из 40-й армии на усиление) и 101-й истребительной авиационной дивизией (генерал-майор авиации И.И. Евсеев) ее войны 5—6 июля отразили 16 танковых атак противника, а также 25 воздушных налетов, в каждом из которых участвовало до 80 самолетов. За эти два дня зенитчики 3-й дивизии сбили около 40 вражеских самолетов. Особенно отличились войны 183-го и 254-го зенитных артиллерийских полков, проявившие исключительное мужество, отвагу и стойкость⁹⁷.

В фондах Центрального архива Министерства обороны РФ находится «Отчет о боевой работе 2-й ВА за июль 1942 г.», в котором дается информация о потерях немецких и советских самолетов в июле 1942 года. В нем отмечалось, что «за отчетный период действиями бомбардировочной, штурмовой и истребительной авиации 2-й ВА было уничтожено и повреждено всего (по наблюдениям и докладам экипажей): самолетов — 397, из них 107 уничтожено на земле». Что касается потерь 2-й воздушной армии, то они составили «315 самолетов, из них 283 самолета боевые потери и 32 самолета небоевые потери»⁹⁸.

Нельзя обойти вниманием и людские потери. По данным Вейхса, армейская группа «Вейхс» в период с 28 июня по 7 июля 1942 г. «захватила или уничтожила 23 664 пленных (не считая 38 000 пленных в 29-м армейском корпусе, взятых в районе Старый Оскол и юго-западнее). За это же время армейская группа понесла следующие потери: убито — 109 офицеров и 2437 рядовых; пропали без вести — 5 офицеров и 405 рядовых; ранены — 449 офицеров и 12 180 рядовых»⁹⁹. Мы не располагаем данными о советских потерях за указанный период, поэтому приведем людские потери Брянского фронта с 28 июня по 24 июля, то есть за весь период Воронежско-Ворошиловоградской оборонительной операции: безвозвратные — 36 883 чел. и санитарные

— 29 329. Всего 66 212 человек . Здесь, конечно, необходимо учитывать, что в полосе наступления армейской группы «Вейхс» оборонялись и части Юго-Западного фронта, безвозвратные и санитарные потери которых составили 232 741 человек ¹⁰⁰. Но против этих же частей наступала и 6-я немецкая полевая армия генерал-полковника Ф. Паулюса. Так что четко разграничить потери, нанесенные советским войскам армейской группой «Вейхс» и 6-й немецкой полевой армией, довольно сложно. В любом случае, следует отметить, что и здесь германский вермахт не достиг намеченных результатов.

Это признавали и сами немцы. Оценивая летнее наступление, подполковник Б. Мюллер-Гиллебранд писал, что «поскольку русские не пытались остановить наступление на южном участке фронта, а начали с боями планомерный отход, то немецкой стороне, если не считать быстрого захвата вражеской территории, не удалось одержать больших успехов. Противник не был втянут в сражение и не мог быть уничтожен, на что указывало отсутствие большого числа пленных. Недостаток боеприпасов и горючего вновь заметно сковывал проведение операций» ¹⁰¹. Кроме того, как отмечал один из приближенных Гитлера Г. Пикер, «явлений, подобных тем, которые происходили во время первой мировой войны, в 1916—1917 годах, когда русские в окопах втыкали штыки в землю и уходили с позиций, нигде не наблюдается» ¹⁰². Английский исследователь М. Говард высоко оценил стратегию советских военачальников, которые «извлекли уроки из кампании 1941 года и, хотя масштабы и направление летнего наступления немцев явились для них неожиданностью, они уже не допускали окружения своих армий и своевременно отводили их на новые позиции. Таким образом, Гитлер потерпел неудачу в своих намерениях разгромить русские армии западнее Доña» ¹⁰³.

Действительно, в обороне, под воздействием сильного и мобильного противника русские стремились не дать себя окружить и, изменив тактику, в буквальном смысле рассыпались. Вместо больших котлов немцы получали много мелких, против которых необходимо было разворачивать части и соединения, а это сбивало темпы наступления, давало возможность советскому командованию выигрывать время и постоянно выдвигать на опасные направления свежие резервы.

В ходе сражений на воронежском и ворошиловоградском направлениях стало совершенно очевидно, что свои основные ударные группировки вермахт развернул на юге. Поэтому советское командование за счет резервов Ставки начало спешно разворачивать Воронежский и Сталинградский фронты. Однако мероприятия по усилению этого направления в мае-июне проводились медленно. Ограниченные, к тому же недостаточно подготовленные резервы прибывали с опозданием, вводились в сражение поспешно и неорганизованно.

Отступая, сражаясь в окружении, пробиваясь с боями к своим, советские войска вынуждали противника распылять силы. Вольно и невольно немецкое командование направляло свои армии именно туда, куда отходили соединения Красной Армии. Переоценив собственные успехи в мае-июне и недооценив возможности противной стороны, командование вермахта под нажимом Гитлера начало менять свои первоначальные планы. Так, 4-я танковая армия была переброшена со сталинградского направления на кавказское, а 11-я ар-

мия — перенацелена с кавказского на ленинградское направление. Все это было на руку советскому командованию. А самое основное — Гитлер заставил вермахт наступать по двум расходящимся направлениям, при этом главный удар постепенно перемещался с Кавказа в сторону Сталинграда. Для такого наступления у немцев было явно ограниченное количество сил и средств. Несмотря на временный успех, они устремились к своей собственной катастрофе¹⁰⁴.

Как вспоминал генерал-полковник А.М. Василевский, «при всех неудачах советских войск летом 1942 года в событиях того периода главное состояло в том, что Красная Армия вела активные маневренные оборонительные действия, которые подготовили условия для срыва второго “генерального” наступления гитлеровцев на советско-германском фронте»¹⁰⁵. Сражения, развернувшиеся в ходе Воронежско-Ворошиловградской операции показали, что, несмотря на утрату Красной Армией стратегической инициативы, успехи врага на Юге были временными, непрочными. Они не могли стать решающим фактором, определяющим судьбу кампании. Последующая борьба под Сталинградом и на Кавказе свидетельствовала о возраставшей боевой мощи Советских Вооруженных Сил¹⁰⁶.

Но это было еще впереди, а в середине июля 1942 г. Вейхс, так же как и большая часть германского генералитета, слепо верил в гений своего фюрера и испытывал эйфорию от временных успехов. Генерал достиг своей цели, сделав еще один шаг в блестящей карьере. Как отмечалось в отчете, «14.7.1942 г. командующему армейской группой генерал-полковнику Вейхсу от фюрера и верховного главнокомандующего вооруженными силами поручено командование группой армий “Б”». В тот же день в изданном приказе Вейхс попрощался «с солдатами своей армейской группы, с которыми он во 2-й армии почти три года успешно воевал во Франции, Югославии и на Востоке»¹⁰⁷. Тогда же в командование армейской группой вступил генерал Г. фон Зальмут.

Заканчивая анализ боевого отчета Вейхса, необходимо признать, что этот документ, несмотря на вышеуказанные недостатки, является серьезным источником по изучению истории боевых действий на воронежском направлении и в районе Воронежа. Как справедливо заметил историк С.И. Филоненко, «достаточно полно картину событий периода войны можно восстановить, обращаясь к документам всех воюющих армий. Сравнительный анализ позволяет приблизиться к истине или познать ее»¹⁰⁸. Это утверждение, на наш взгляд, сложно оспорить.

Примечания

1. ЗАЛЕССКИЙ К. Вермахт. М. 2005, с. 81—83.
2. Центральный архив Министерства Обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), ф. 500, оп. 12462, д. 710, л. 39.
3. Там же, д. 246, л. 1—2.
4. МЮЛЛЕР В. Я нашел подлинную родину. Записки немецкого генерала. М. 1974, с. 294.
5. Великая Отечественная война (1941—1945). М. 1973, с. 123.

6. КАРЕЛЛ П. Дорога в никуда: вермахт и Восточный фронт в 1942 г. Смоленск. 2003, с. 226.
7. КЕЙТЕЛЬ В. Взгляд в прошлое накануне смертного приговора. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. Смоленск. 2000, с. 374.
8. ШИРЕР У. Взлет и падение третьего рейха. Т. 2. М. 1991, с. 300.
9. ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 246, л. 2.
10. ФИЛОНЕНКО С.И., ФИЛОНЕНКО А.С. Острогожско-Россошанская операция — «Сталинград на Верхнем Дону». Воронеж. 2005, с. 18.
11. ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 246, л. 8.
12. ГАЛЬДЕР Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. Смоленск. 2004. с. 308.
13. ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 246, л. 11.
14. Там же, л. 16.
15. ГАЛЬДЕР Ф. Ук. соч., с. 251.
16. ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 246, л. 17.
17. ФИЛОНЕНКО С.И., ФИЛОНЕНКО А.С. Ук. соч., с. 18.
18. Там же.
19. КРАСОВСКИЙ С.А. Жизнь в авиации. М. 1968, с. 144.
20. КЕЙТЕЛЬ В. Ук. соч., с. 375.
21. ФИЛОНЕНКО С.И., ФИЛОНЕНКО А.С. Ук. соч., с. 17.
22. ВАСИЛЕВСКИЙ А.М. Дело всей жизни. М. 2002, с. 187.
23. ШТЕМЕНКО С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М. 1981, с. 57.
24. ГАЛЬДЕР Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. Смоленск. 2004, с. 306.
25. ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 246, л. 19.
26. Там же, л. 19—20, 27.
27. Там же, л. 31.
28. КРАСОВСКИЙ С.А. Ук. соч., с. 146.
29. ЦАМО РФ, ф. 395, оп. 9136, д. 43, л. 367.
30. Там же, ф. 500, оп. 12462, д. 246, л. 31.
31. Там же, л. 40.
32. Там же, л. 35, 43.
33. КОЛОМИЕЦ М., СМИРНОВ А. Бои в излучине Дона. М. 2002, с. 28.
34. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М. 2009, с. 346.
35. ЦАМО РФ, ф. 18 ТК, оп. 1, д. 22, л. 89—91.
36. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): справочник. Минск. 2007, с. 173.
37. КАТУКОВ М.Е. На острие главного удара. М. 1985, с. 57.
38. КОЛОМИЕЦ М., СМИРНОВ А. Ук. соч., с. 7.
39. ЦАМО РФ, ф. 18 ТК, оп. 1, д. 22, л. 90.
40. КАТУКОВ М.Е. Ук. соч., с. 48.
41. КОЛОМИЕЦ М., СМИРНОВ А. Ук. соч., с. 34.
42. Там же, с. 10.
43. МОЛЛО Э. Вооруженные силы Второй мировой. Структура. Униформа. Знаки различия. Полная иллюстрированная энциклопедия. М. 2004, с. 168.
44. КАВАЛЕРЧИК Б.К. Еще раз о Т-34. — Военно-исторический архив. 2006, №1(73), с. 151.
45. ЦАМО РФ, ф. 18 ТК, оп. 1, д. 22, л. 91.
46. КОЛОМИЕЦ М., СМИРНОВ А. Ук. соч., с. 32.
47. ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 682524, д. 1003, л. 95—95об.
48. ТОЛУБКО В.Ф., БАРЫШЕВ Н.И. На южном фланге. Боевой путь 4-го гвардейского механизированного корпуса (1942—1945 гг.). М. 1973, с. 23.
49. БАРЯТИНСКИЙ М. Великая танковая война 1939—1945. М. 2009, с. 254.
50. ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 246, л. 64.

51. Там же, л. 66.
52. ГОЛИКОВ Ф.И. В боях за Воронеж. В кн.: Воронежское сражение. Воронеж. 1968, с. 13.
53. ЦАМО РФ, ф. 1510, оп. 1, д. 1, л. 3; ф. 500, оп. 12462, д. 246, л. 69.
54. Там же, л. 70.
55. ФИЛОНЕНКО С.И. Сражения на воронежской земле глазами русских и оккупантов. Воронеж. 2013, с. 254—255.
56. БОК Ф. фон Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941—1945. М. 2006, с. 459—460.
57. МИТЧЕМ С., МЮЛЛЕР Дж. Командиры Третьего рейха. Смоленск. 1995, с. 76.
58. БОК Ф. фон Ук. соч., с. 464.
59. ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 246, л. 71—72.
60. Там же, л. 72.
61. Там же, л. 75.
62. МЕЛЛЕНТИН Ф. Бронированный кулак вермахта. Смоленск. 1999, с. 236.
63. Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. первая, с. 342.
64. БИРЮЛИН И.Ф. Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне. Партийно-политическая работа в войсках и прифронтовых районах (июнь 1942 г. — март 1943 г.). Воронеж. 1970, с. 39.
65. ГРИНЬКО А.И. В боях за Воронеж (Хроника героической обороны города). Воронеж. 1985, с. 24—25.
66. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год, т. 16, с. 289, 291.
67. ГОЛИКОВ Ф.И. Ук. соч., с. 14.
68. ЦАМО РФ, ф. 203, оп. 2843, д. 14, л. 5об. — 6.
69. Там же, ф. 500, оп. 12462, д. 246, л. 76.
70. Историческая роль и место города Воронежа в разгроме фашистских войск в годы Великой Отечественной войны. Материалы городской научно-практической конференции, посвященной 60-летию разгрома фашистских войск под Воронежем. 17 января 2003 г. Воронеж. 2003, с. 12.
71. СТАЛИН И.В. Сочинения. Т.15. М. 2010, ч. 1, с. 527.
72. ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 246, л. 83, 86—87.
73. Там же, л. 89.
74. Там же, л. 91.
75. Там же, л. 92.
76. Очерки истории Воронежской организации КПСС. Воронеж. 1979, с. 373.
77. БРОНТМАН Л.К. Военный дневник корреспондента «Правды». Встречи. События. Судьбы. 1942—1945. М. 2007, с. 47.
78. Воронежский фронт: история, люди, победы. Историко-монографическое исследование. Воронеж. 2005, с. 40.
79. Очерки истории Воронежской организации КПСС, с. 369—370.
80. ШАМРАЙ В.А. Воронежская область в годы Великой Отечественной войны. Очерки военной, политической и экономической истории. Воронеж. 2011, с. 38.
81. Очерки истории Воронежской организации КПСС, с. 370.
82. Во имя победы. Сб. документов и материалов. Воронеж. 1975, с. 121.
83. ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 246, л. 91.
84. КАТУКОВ М.Е. Ук. соч., с. 165—166.
85. ГАЛЬДЕР Ф. Ук. соч., с. 317.
86. ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 246, л. 92.
87. Там же.
88. Там же, ф. 18 ТК, оп. 1, д. 17, л. 60.
89. Там же, ф. 203, оп. 2843, д. 14, л. 14.
90. КУЗЬМИН А.В., КРАСНОВ И.И. Кантемировцы. Военно-исторический очерк о боевом пути 4-го гвардейского танкового корпуса. М. 1971, с. 24—25.

91. DIMT P. Flammender Kaukasus. Tagebuch eines artilleristen vom Sommerfeldzug 1942. Berg am See. 1984, S. 140.
92. ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 246, л. 93.
93. ФИЛОНЕНКО С.И. Ук. соч., с. 11.
94. Там же, с. 11—12.
95. РАЙЗФЕЛЬД А. Гамбургский счет. Потери Германии во Второй мировой войне — мифы и реальность. <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=artictt&sid-56175>.
96. ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 246, л. 93.
97. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. М. 2003, с. 102.
98. ЦАМО РФ, ф. 302, оп. 4196, д. 9, л. 4—4об.
99. Там же, ф. 500, оп. 12462, д. 246, л. 93.
100. Великая Отечественная без грифа секретности, с. 106.
101. МЮЛЛЕР-ГИЛЛЕБРАНД Б. Сухопутная армия Германии, 1933—1945. Т. 3. М. 1976, с. 95.
102. ПИКЕР Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск. 1993, с. 392.
103. ГОВАРД М. Большая стратегия. М. 1980, с. 36.
104. Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. М. 1998, с. 346.
105. ВАСИЛЕВСКИЙ А.М. Ук. соч., с. 203.
106. История второй мировой войны 1939—1945. Т. 5. М. 1975, с. 154.
107. ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 246, л. 94.
108. ФИЛОНЕНКО С.И. Ук. соч., с. 11.

Франция и начало гражданской войны в Испании в 1936 г.

А.А. Вершинин

Отказ французского правительства Народного фронта во главе с Леоном Блюмом от поддержки республиканской Испании в гражданской войне 1936—1939 гг. стал одним из наиболее противоречивых эпизодов в истории предвоенной Европы. Об испанской революции и последующей борьбе сторонников генерала Франко с республиканцами написано невероятно много, однако каждый новый автор неизбежно вновь останавливается на этом сюжете.

Это неудивительно. Очень долго позиция западных демократий в отношении Республики рассматривалась едва ли не как главная причина победы франкистов. В частности, эту мысль в своей работе отразил один из крупнейших исследователей гражданской войны Хью Томас¹. Лидер испанских коммунистов Долорес Ибаррури, непосредственно участвовавшая в событиях гражданской войны, так писала о позиции Франции в испанском вопросе: «Наиболее гнусную роль в проведении политики, обрекавшей на рабство героический народ Испании и облегчавшей фашистскую агрессию против других стран, играл Леон Блюм»².

В результате, в богатой литературе об испанской гражданской войне французское правительство Народного фронта и его глава Леон Блюм изображались, как правило, в темном цвете. Особо закрепилась эта оценка в отечественной историографии. Со времен первых крупных русскоязычных исследований истории Испанской революции³, советские и российские специалисты⁴ считают правительство Блюма морально ответственным за поражение республиканцев. Общим местом в данном случае является мнение о том, что французская политика невмешательства шла в фарватере курса британского правительства, и решение Блюма отказать испанцам в помощи целиком продиктовано зависимостью внешнеполитического курса Парижа от Лондона⁵.

Вершинин Александр Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения кризисного общества при отделении общественных наук РАН.

Не оспаривая сложившуюся оценку роли Франции в испанских событиях, отметим, что в российской историографии она лишь частично обоснована. История принятия французским правительством решения о нейтралитете до сих пор не являлась предметом специального исследования отечественных специалистов. Если внешнеполитический аспект этой проблемы в большей или меньшей степени затрагивался в общих работах по истории гражданской войны, то место внутривластного фактора, заставившего кабинет Блюма взять курс на невмешательство, практически не показано. Это тем более удивительно, что проблема «удельного веса» внешних и внутренних причин решения Блюма воздержаться от участия в гражданской войне по ту сторону Пиренеев является одним из наиболее острых сюжетов, поднимавшихся в мемуаристике и специальной зарубежной литературе ⁶.

Данная работа не имеет своей целью дать ответ на вопрос о том, внешние или внутренние обстоятельства обусловили невмешательство Франции в ход гражданской войны на Пиренейском полуострове. Она, в первую очередь, призвана частично заполнить пробел, имеющийся в отечественной научной литературе, посвященной гражданской войне в Испании и деятельности французского Народного фронта. Ее задача — показать, как французским правительством летом 1936 г. принималось решение об отказе от прямого вмешательства в гражданскую войну на Пиренеях. Акцент предполагается сделать на внутривластных обстоятельствах, которые, тем не менее, неотделимы от внешних факторов.

Помимо материалов прессы, стенограмм парламентских дебатов и мемуаров, интерес представляют французские дипломатические документы ⁷, материалы созданной после окончания второй мировой войны комиссии по расследованию событий, произошедших во Франции в 1933—1945 гг. ⁸, а также некоторые документы из так называемых перемещенных фондов, хранящиеся в Российском государственном военном архиве.

В ночь на 20 июля 1936 г. в отеле Матиньон, резиденции председателя Совета министров Франции, была получена срочная телеграмма из Мадрида. В ней говорилось: «Застигнуты врасплох опасным мятежом военных. Просим вас немедленно помочь нам оружием и авиацией». Внизу стояла подпись премьер-министра Испании Хосе Хиралья. Новость о военном мятеже под руководством генерала Франсиско Франко в Париже узнали за два дня до этого, поэтому запрос испанского руководства никого не удивил. Содержание телеграммы по телефону тут же сообщили председателю Совета министров Франции Леону Блюму. Его реакция была четкой и незамедлительной: республиканской Испании необходимо помочь.

Такой ответ можно было предвидеть. И не только потому, что между Францией и Испанией в 1935 г. было заключено торговое соглашение, которое предусматривало возможность военных поставок. Более важной была идейная и политическая близость испанского республиканского правительства и французского кабинета Народного фронта, который после победы коалиции левых партий на парламентских выборах 3 мая 1936 г. возглавил лидер социалистической партии Леон Блюм.

Не последнее место занимали и внешнеполитические интересы Франции. Вот как в разговоре с генеральным секретарем Совета министров Жюлем Моком мотивировал свое намерение сам Блюм: «Законное правительство дружественной страны, учрежденное по итогам законных выборов, взывает к помощи. У нас есть моральный долг поставить ему оружие. Эта обязанность совпадает с интересами Франции, которые, очевидно, состоят в том, чтобы не допустить прихода к власти у ее юго-западных границ разновидности фашизма, который, в лице Муссолини и Гитлера, уже восторжествовал на востоке и юго-востоке»⁹.

22 июля французское правительство обсудило список военных материалов и техники, запрошенных Испанией. На следующее утро Блюм, полный решимости довести начатое до конца, отправился в Лондон на переговоры с британским правительством. Однако за два дня его отсутствия в Париже произошли события, которые во многом обусловили выбор французским правительством курса на невмешательство в испанские события.

Для того, чтобы понять, с какими трудностями в испанском вопросе столкнулся кабинет Блюма, необходимо вспомнить, что в социально-политическом отношении представляла собой Франция второй половины 1930-х годов. В это время страна находилась в состоянии серьезнейшего внутреннего кризиса. III Республика, пережившая впечатляющий взлет в «прекрасную эпоху» начала XX в., клонилась к упадку. Ее парламентская система, некогда успешно решившая задачу политической консолидации государства, оказалась неадекватна наступившей эпохе острых социальных конфликтов. Великая депрессия, обрушившаяся на Францию в 1931 г., быстро положила конец надеждам на возвращение довоенного благополучия.

На фоне экономического кризиса начался процесс интенсивной поляризации общества. Слева активизировалась Французская коммунистическая партия (ФКП), чья тактика «класс против класса» оказалась востребована в период социально-экономической нестабильности. На правом фланге возникли многочисленные правонационалистические группировки. Первую скрипку среди них играли «Аксьон франсэз», которую возглавлял патриарх французского национализма Шарль Моррас, и «Боевые кресты» — военизированная организация бывших фронтовиков. Правые активно спекулировали на внешнеполитической проблематике. Оседлав чрезвычайно популярную в межвоенной Франции тему пацифизма, они представляли себя адептами европейского мира¹⁰. В этом стремлении они дошли до фактического одобрения агрессивной политики Гитлера и Муссолини.

В обществе широко распространились антипарламентские настроения. Люди обвиняли режим в неспособности повлиять на ситуацию в стране. Наглядное представление об атмосфере, царившей во Франции в середине 1930-х гг., дает донесение французской полиции от марта 1934 г.: «Кажется, что уход Палаты на каникулы произошел вовремя. Не признавать тот факт, что депутаты сегодня сталкиваются с настоящей ненавистью со стороны парижан, было бы отступлением от истины... Десять дней назад на вокзале Орсе... пассажиры одного из поездов были вынуждены тесниться по причине нехватки вагонов. Внезапно кто-то обнаружил, что целое купе было закрыто. На нем

висела табличка «Резерв — Парламент». Этого хватило, чтобы вызвать поток проклятий в адрес парламентариев. Купе было тут же захвачено пассажирами. Даже те из них, кто расположился с комфортом, покинули свои места, чтобы занять зарезервированные кресла».¹¹

Проявления массового недовольства властью принимали форму политических выступлений. Крупнейшее из них произошло 6 февраля 1934 года. В этот день несколько тысяч сторонников правонационалистических организаций пошли на штурм Бурбонского дворца — места заседаний нижней палаты французского парламента. Полиция открыла огонь, 15 человек погибли. Угроза возможного переворота и резкий рост активности ультраправых, апеллировавших в своей деятельности к политическому опыту итальянского фашизма, привели к активизации левого фланга французского политического спектра. В 1934 г. начался процесс формирования союза левых партий — Народного объединения, впоследствии с легкой руки прессы названного Народным фронтом. Костяком нового блока стали Французская социалистическая партия (СФИО) и коммунисты, которые после решений VII Конгресса Коминтерна, объявившего борьбу с фашизмом главной задачей мирового коммунистического движения, отступили от своей тактики «класс против класса». В 1935 г. к ним присоединилась партия радикалов и радикал-социалистов, представлявшая интересы мелких собственников.

Народный фронт создавался в преддверии парламентских выборов 1936 года. Его лидеры не скрывали своего стремления одержать на них победу и сформировать правительство, которое бы занялось вопросами преодоления последствий экономического кризиса, борьбой с ультраправыми формированиями и обеспечением внешней безопасности страны. Союз левых партий, в состав которого вошли коммунисты, имевшие прочную репутацию сектантов и «пятой колонны», тут же стал объектом яростных нападок со стороны правых. «Пакт коммунистов и социалистов, — писала правоцентристская «Тан» через несколько дней после подписания совместной программы ФКП и СФИО, — проясняет политическую ситуацию, так как теперь он объединяет противников республиканской демократии и сторонников диктатуры пролетариата, то есть красного фашизма»¹². Особо неистовствовали ультраправые. Их главной мишенью стал лидер французских социалистов и один из организаторов Народного фронта Леон Блюм. Еврей и социалист, он вызывал у них чувство ненависти.

Формирование электорального блока левых партий еще больше раскололо французское общество. Правые видели в Народном фронте чуть ли не организацию, подчиненную Коминтерну. В феврале сторонники Морраса напали на машину Блюма и разбили ее. Сам лидер социалистов едва спасся от разбушевавшейся толпы. Успех левых на парламентских выборах в апреле-мае 1936 г., по итогам которых сформировалось коалиционное правительство Леона Блюма, обострил страсти до предела.

Правые считали, что страна стоит накануне катастрофы. На страницах националистической прессы выступил маршал Филипп Петен. Ветерана первой мировой войны и героя Верденского сражения активно прочили в «спасители» Франции от разложившегося парламентаризма и наступающего коммунизма¹³. В интервью одной из газет

маршал так прокомментировал успех Народного фронта: «Мы принесли его (коммунизм — *A.B.*) добрым людям нашей страны, которые до сих пор держались от него в стороне... У нас еще будет повод пожалеть об этом». Своих политических симпатий Петен также не скрывал: «"Боевые кресты" являются одной из самых здоровых организаций в стране» ¹⁴.

Победа левых партий привела к резкому всплеску социальной активности. По стране прокатилась забастовочная волна невиданных масштабов. Около 2 млн рабочих занимали заводы с требованиями улучшения условий жизни и труда. Напуганные размахом забастовок работодатели были деморализованы. Под давлением обстоятельств им пришлось пойти на ряд уступок профсоюзам, которые были оформлены в так называемых Матиньонских соглашениях, подписанных 8 июня 1936 г. при содействии кабинета Блюма. Печатный орган ассоциации металлургов Франции назвал их «крупнейшим провалом работодателей за всю описанную историю социального движения» страны ¹⁵. Правительство с ходу приступило к проведению масштабных социальных реформ. Взятый им темп вызвал негодование со стороны правых сил. Их пресса со дня на день ожидала во Франции социалистической революции. «Правительство, какими бы здравыми не казались кому-то его намерения... способствует развитию революционных настроений... Революция развивается в атмосфере хаоса, который ставит под угрозу будущее Франции», — писала «Тан» ¹⁶.

Поляризация общества достигла предела. Роспуск правительством Народного фронта крупнейших националистических лиг подлил масла в огонь. Ликвидированные «Боевые кресты» возродились в форме политической партии, еще более мощной, чем старая лига. Одновременно возникла другая сильная организация право-популистской ориентации — Французская народная партия Ж. Дорио. «Кризис мая-июня 1936 г., — писал в мемуарах начальник французского генштаба генерал Морис Гамелен, — навел ужас на большую часть французской буржуазии... Она потеряла из виду опасность со стороны установившихся в соседних странах гитлеризма и фашизма, так как за спиной "Народного фронта" ей мерещился призрак большевизма» ¹⁷.

Социально-политические преобразования левых правительств проходили во Франции и в Испании практически одновременно. Испанский Народный фронт не сходил со страниц французской прессы. Левые рассматривали его деятельность как пример для подражания. Правые акцентировали внимание на социальных издержках его преобразований. В этой ситуации известие о военном мятеже в Испании и информация о том, что Франция собирается вмешаться в ход гражданской войны произвели к северу от Пиренеев эффект разорвавшейся бомбы: обыватель видел слишком много параллелей между тем, что произошло в Испании и теми процессами, которые разворачивались во Франции.

Сведения о франко-испанских переговорах просочились в прессу через военного атташе испанского посольства в Париже, очевидно, симпатизировавшего франкистам ¹⁸. Семена упали в благодатную почву: противостоящие фланги французского общественного мнения как будто ждали информационного повода для того, чтобы начать очередной раунд политической борьбы. Правые выступили резко про-

тив помощи испанской республике. В их глазах мятеж франкистов преследовал справедливую цель противостояния коммунизму. Свою точку зрения они нарочито маскировали личиной пацифизма. «И снова Блюм-война! — восклицала «Аксьон франсэз», — Станут ли испанские дела тем поводом, посредством которого еврей Блюм втянет нас в войну?»¹⁹.

Писатель Франсуа Мориак предупреждал правительство: «Если бы было доказано, что наши лидеры активно участвуют в бойне на [Пиренейском] полуострове, тогда мы бы узнали, что Францией правят не государственные деятели, а главари банды, подчиняющиеся приказам организации, которую с полным правом можно назвать Интернационалом ненависти... Я считаю себя выразителем воли огромного числа людей, поддерживающих различные партии..., когда заявляю господину Леону Блюму, сгорающему от желания вмешаться, который, быть может, уже вмешался в эту бойню: “Поберегитесь! Мы никогда не простим Вам этого преступления”»²⁰.

Журналисты живописали ужасы испанской гражданской войны, в которую, якобы, вот-вот будет вовлечена Франция: «Толпа пьяных вооруженных лиц в штатском ворвалась в многоквартирный дом на 110 владельцев, насилая женщин и девушек. Перед тем, как уйти, они отрезали ухо у каждой из жертв»²¹. Все было направлено на то, чтобы убедить французского буржуа в том, что результаты деятельности французского Народного фронта будут аналогичны ситуации в Испании. Издания центристской ориентации в менее экспрессивной форме призывали кабинет к сдержанности. «Вмешательство любой державы в любой форме в конфликт в Испании приведет к наилучшему результату, причем сразу же»²².

Даже печатный орган Социалистической партии газета «Попюлер» заняла двусмысленную позицию. С одной стороны, она парировала все нападки правых на испанский Народный фронт, но с другой, — ни словом не высказывалась в пользу идеи о военных поставках республиканскому правительству²³. Лишь коммунистическая «Юманите» сразу призвала Блюма идти до конца²⁴.

Журналисты в буквальном смысле забрасывали Матиньонский дворец телефонными звонками²⁵. Обозреватель «Тан» был недалек от истины, когда писал: «Речь идет всего лишь о пересудах, о слухах, которые не подтверждены никаким официальным заявлением. Однако их хватило для того, чтобы французский народ содрогнулся в самых потаенных фибрах своей души, чтобы вопрос во всем своем масштабе и во всей своей остроте тут же встал перед каждым из нас»²⁶.

Общественное мнение Франции однозначно высказалось против вмешательства страны в войну на Пиренеях даже в косвенной форме. 24 июля Блюм вернулся в Париж. В Лондоне ему дали понять, что на поддержку действий Франции со стороны британского правительства рассчитывать не стоит. На родине ждали не менее удручающие известия. В аэропорту Ле Бурже премьера незапланированно встречал государственный министр Камиль Шотан. «Я хочу ввести Вас в курс дела о том, что происходит в Париже. Все тяжело», — его слова предвещали ту атмосферу непонимания и враждебности, с которой столкнулся Блюм²⁷.

Последующие встречи председателя правительства с рядом ключевых фигур французской политики подтверждали худшие опасения. «Кампания, поднятая в прессе, — писал 25 июля в Мадрид посол Испании в Париже Фернандо де Лос Риос, — приобрела этим утром такой характер, что когда господин Блюм приехал к президенту Республики, чтобы поработать с ним, он застал его взволнованным. Находясь в таком состоянии, президент заявил: “То, что Вы собираетесь сделать, отправляя оружие в Испанию, может спровоцировать европейскую войну и революцию во Франции”»²⁸.

Обе палаты парламента были похожи на растревоженный улей. Еще 23 июля в адрес французской делегации в Лондон пришла телеграмма с Кэ д’Орсэ (резиденция министра иностранных дел Франции), в которой главу МИД Ивона Дельбоса, сопровождавшего Блюма на переговорах, оповещали о «серьезной реакции» Сената на известие о французских военных поставках в Испанию²⁹. 24—25 июля Блюм сам убедился в том, насколько болезненной была эта реакция. «Как Вы могли так поступить? — накинулся на премьера спикер Сената Жюль Жанэнэ. — Здесь никто этого не понимает... Эта идея может вовлечь Вас в предприятие, последствия которого невозможно оценить». Председатель Палаты депутатов Эдуард Эррио был не менее красноречив. «Прошу тебя, голубчик, не лезь туда», — советовал он Блюму³⁰.

Еще более неприятным для премьер-министра оказался тот факт, что испанский вопрос расколол его кабинет. В числе противников помощи испанской республике оказались основные члены правительства: военный министр Эдуард Даладье, министр иностранных дел И. Дельбос и государственный министр К. Шотан. Они являлись виднейшими лидерами партии радикалов и радикал-социалистов, входившей в состав Народного фронта. Выразители интересов мелких собственников, радикалы тонко улавливали настроения рядового буржуа, дезориентированного экономическим кризисом и не желающего ввязываться в чреватые войной внешнеполитические авантюры, тем более на стороне режима, который во Франции многие представляли едва ли не как диктатуру пролетариата в действии. «Нам не следует класть пальцы на шестеренку», — говорил Ж. Моку Шотан³¹. Даладье изначально сдержанно отнесся к идее военной помощи Испании. Теперь у него был серьезный козырь в пользу политики невмешательства.

В ночь на 25 июля в квартире Блюма на набережной Бурбон в центре Парижа прошла встреча председателя правительства с Э. Даладье, Ж. Моком, министром авиации П. Котом и испанским послом лос Риосом. Утечка информации о помощи Франции правительству в Мадриде вынудила Блюма отказаться от идеи прямых поставок. Было принято решение прибегнуть к использованию каналов через третьи страны (называлась Мексика)³². Однако собравшееся на утро заседание правительства постановило еще более ограничить помощь республиканской Испании: военные самолеты, готовившиеся к отправке, было запрещено вооружать. Участие французских пилотов в их перегонке на испанские аэродромы также не допускалось. Так кабинет Блюма взял курс на сохранение нейтралитета в конфликте на Пиренеях. 26 июля Кэ д’Орсэ высту-

пил с соответствующим заявлением к осторожной радости французского общественного мнения.

Это решение далось непросто. «Нам было весьма трудно продолжать придерживаться нашей исходной линии перед лицом оппозиции части большинства (коалиции Народного фронта. — *А.В.*) и недовольства части правительства», — отмечал впоследствии Блюм³³. Лидер французского Народного фронта тяжело переживал происходящее. Испанский посол вспоминал: «У меня разрывается сердце», — говорил Блюм, убежденный, как и мы, в том, что партия, которая разыгрывается в Испании, — событие европейского значения»³⁴. Негативная реакция общественного мнения, откровенно враждебная позиция союзников по коалиции, двусмысленное молчание руководства соцпартии — все это в купе с нежеланием Великобритании поддержать французскую инициативу в испанском вопросе лишало Блюма поля для маневра. «Он и Дельбос слишком хорошо понимали, что любой другой образ действий глубоко бы расколол Францию», — писал в мемуарах глава британского МИДа Энтони Иден³⁵.

30 июля итальянский военный самолет, отправленный Муссолини на помощь франкистам, совершил аварийную посадку во французском Алжире. Весь мир получил подтверждение того, что вмешательство извне в гражданскую войну в Испании идет полным ходом. Сторонникам оказания помощи республиканскому правительству выпал новый шанс. Блюм ухватился за него как за последнюю возможность спасти лицо французского Народного фронта. «Мы почувствовали большое облегчение, — вспоминал он, — и, как следствие, несколько изменили свою тактику»³⁶.

Вызванный в Сенат премьер-министр заявил, что ввиду фактической интервенции со стороны Италии французское правительство считает себя свободным от всех предыдущих обязательств по сохранению нейтралитета в испанском вопросе. В новых обстоятельствах кабинет министров принял решение о закупке нескольких десятков боевых самолетов и их последующей отправке на Пиренеи³⁷. «Складывается впечатление, что в своем отношении к ходу гражданской войны в Испании правительство (французское. — *А.В.*) отходит от официального нейтралитета», — предупреждал свой кабинет британский посол в Париже³⁸.

Однако Блюму вновь пришлось столкнуться с непониманием со стороны общественного мнения и коллег по парламенту. Информация о поставках французских самолетов в Испанию просочилась в прессу. 31 июля «Фигаро» громогласно требовала «нейтралитета на территории от Пиренеев до Рифа». «Тан» усматривала в политике правительства непоследовательность³⁹. «Попюлер» упорно обходила молчанием тему возможной помощи испанским республиканцам. Генеральный секретарь СФИО Поль Фор все активнее выступал в качестве лидера антимилитаристского крыла Социалистической партии. Ультраправые продолжали запугивать французов ужасами, творящимися по ту сторону Пиренеев.

Французский парламент бурлил. 31 июля в присутствии министра иностранных дел в стенах Бурбонского дворца схватились сторонники и противники поставок оружия в Испанию. «Объяснитесь по поводу наличия самолетов “Потэ” на аэродроме Мондесир»⁴⁰.

Объясните по поводу использования отрядов жандармов с целью охраны самолетов. Объясните по поводу отсутствия правительственного опровержения информации, появившейся в прессе», — обращался к Дельбосу правый депутат Рене Домманж. Депутат-коммунист Поль Вайян-Кутюрье активно возражал: «Ничто не должно препятствовать нормальным торговым отношениям с братской дружеской республикой. Недопустимо, чтобы к испанской республике, защищающей свободу, применялись санкции, от которых отказались в отношении фашистской Италии, агрессора против мира»⁴¹.

1 августа в Матиньонском дворце прошло заседание правительства. Оно показало, что группа сторонников помощи республиканской Испании серьезно сократилась⁴². Видя, что его шансы переломить ситуацию сводятся к минимуму, Блюм предложил компромисс — идею о заключении международного пакта о невмешательстве в испанские дела. Соответствующие предложения тут же разослали в столицы европейских держав. Одновременно французский премьер сделал последнюю попытку договориться с англичанами о поддержке официального Мадрида. В Лондон отправился начальник штаба французского флота адмирал Дарлан с целью финального зондажа почвы в британских политических кругах.

В ожидании результата предпринятых дипломатических демаршей текущие военные поставки в Испанию практически свернули, ограничив их отправкой боевых самолетов без вооружения. Среди сторонников республиканцев в рядах французского правительства воцарилось уныние. «Это решение меня ошеломило, — вспоминал Ж. Мок. — Я был убежден в том, что в этой войне скорость поставок важнее их объема. Я сказал об этом Леону Блюму. Он ответил мне жестом разочарования»⁴³. 6 августа стало известно о провале миссии Дарлана. Собравшийся 8 августа совет правительства в этом свете решил полностью свернуть военные поставки в Испанию и сосредоточиться на проведении политики невмешательства.

Заседание проходило в драматической обстановке. Кабинет раскололся. 11 министров настаивали на продолжении поставок. Остальные колебались или были против. Констатировав наличие фундаментального раскола в правительстве, Блюм готовился подать в отставку. «Отговорили меня мои испанские друзья-социалисты, — вспоминал он впоследствии, — ими были лос Риос и Асуа⁴⁴, которые вместе управляли посольством в Париже»⁴⁵.

Таким образом, за две недели французское правительство Народного фронта в корне поменяло свой курс в отношении гражданской войны в Испании. Наряду с внешнеполитическими причинами (отказом Великобритании поддержать инициативу Франции) ключевую роль в этом сыграли внутривнутриполитические соображения — нежелание французского общества в какой-либо форме вмешиваться в войну на Пиренеях и раскол в правящей коалиции. Однако кроме этого существовало и еще одно немаловажное обстоятельство: неуверенность кабинета Блюма в прочности своих позиций в армейских кругах.

Вообще, взаимоотношения армии и политического строя, выросшего из парламентской представительной системы, являлись «одним из наиболее опасных скелетов в шкафу Третьей республики»⁴⁶. Со

времен буланжизма и дела Дрейфуса военные считались последовательными противниками «режима партий». В годы первой мировой войны это противоречие в значительной степени потеряло свою остроту, однако социальный и политический кризис 1930-х гг. вновь включил его на повестку дня.

Ряд видных военных открыто заняли критическую позицию в отношении политического строя, не способного навести порядок в стране. Среди них были выдающиеся французские военачальники — маршал Филипп Петен и генерал Максим Вейган. Полковник Шарль де Голль опасался скатывания страны «в анархию, возможно, в гражданскую войну». Офицеры массово вступали в националистические лиги, а иногда и возглавляли их. По оценкам МВД Франции, по состоянию на 1936 г. крайне правые объединения пользовались поддержкой 70 % кадровых офицеров французской армии ⁴⁷.

Приход к власти правительства Народного фронта военные восприняли неоднозначно. Высший генералитет не ждал от левых у власти ничего хорошего. Вейган открыто заявлял об «антипатриотизме» нового кабинета. Откровенно неприязненную позицию в отношении новых властей заняли и французские командующие в Северной Африке, на Ближнем Востоке и в Индокитае ⁴⁸. Блюму не забыли ни его прошлого антимилитаризма, ни его активных призывов к разоружению. Взаимодействие кабинета Народного фронта с армейскими кругами целиком и полностью зависело от начальника генерального штаба М. Гамелена, который был одним из немногих французских генералов, ставивших эффективное взаимодействие между армией и правительством выше политических вкусов.

Блюм не скрывал, что подозревал высший генералитет в нелояльности к республиканскому строю. В середине 1930-х гг. он был одним из главных противников идеи профессионализации армии, с которой, в частности, выступал де Голль. «Блюм... действовал во имя неких идеологических принципов, которые он именовал демократическими и республиканскими, и которые, по традиции, усматривали во всем, что исходило от военных, угрозу существующему режиму», — вспоминал впоследствии генерал ⁴⁹. После войны Блюм признал, что опасался повторения испанского сценария с военным переворотом во Франции ⁵⁰. Историки сегодня сходятся на том, что эта угроза была, скорее, эфемерной ⁵¹, однако в разгар конфликта на Пиренеях она казалась вполне реальной. Об опасениях Блюма многое говорит фраза, сказанная им в приватном разговоре члену Лейбористской партии Великобритании 1 августа 1936 г. в ответ на вопрос об умонастроениях французских военных в отношении испанских событий. «Я точно не знаю, — отметил Блюм, — что думают об этом в генштабе наших сухопутных войск. Я не уверен, что они до конца убеждены» ⁵².

Блюму никто не мог гарантировать, что военные не решат нанести упреждающий удар по левому правительству Народного фронта, тем более, что пример Испании был перед глазами. Как показывают недавно опубликованные дневники шефа военной разведки Франции Луи Риве, в 1936 г. круги, близкие к маршалу Петену, всерьез опасались «коммунистической революции» во Франции ⁵³. «В сердцах и умах наших солдат симпатии находились на стороне Франко», —

признавал генерал Гамелен ⁵⁴, и эта реальность всерьез тревожила Блюма. Важнейшей задачей он считал сохранение дисциплины в армии на фоне периодически циркулировавших в прессе слухов о подготовке французской интервенции на стороне республиканского правительства Испании. С этой целью Блюм, невозмутимо сносивший все нападки правой прессы на свой кабинет, рассматривал даже частичное введение цензуры, используя особую статью французского законодательства, которая допускала санкции в отношении изданий, подрывающих боевой дух вооруженных сил ⁵⁵.

События, связанные с началом гражданской войны в Испании, стали серьезным испытанием для Леона Блюма. Этому, уже немалодому человеку, с богатым политическим опытом и устоявшимися взглядами приходилось преодолевать самого себя. Долг социалиста требовал от него оказать республиканской Испании любую необходимую помощь. Однако он оказался заложником сложившейся ситуации и собственной политической нерешительности. 7 сентября 1936 г. на социалистической демонстрации в парижском Луна-парке он выступил с эмоциональной речью, в которой пытался объяснить свои действия в испанском вопросе. Блюм доказывал, что Франция объективно не могла оказать республиканскому правительству помощь в нужном объеме и своим вмешательством лишь дала бы формальное оправдание открытой интервенции Гитлера и Муссолини ⁵⁶.

Трудно сказать, насколько подобное объяснение соответствовало реальному положению дел. Судя по материалам источников, впервые этот аргумент прозвучал из уст Блюма на заседании правительства 1 августа ⁵⁷. К этому времени уже стало ясно, что даже непосредственные доказательства помощи мятежникам со стороны Италии и Германии не в силах повлиять на французское общественное мнение и политические круги, а также изменить точку зрения британского правительства. Скорее всего, французский премьер-министр хотел таким образом найти формальное объяснение смены курса в испанском вопросе, которое, хотя бы частично, смягчило бы негодование сторонников помощи республиканскому правительству в Мадриде.

Однако, если это так, то замысел Блюма не удался. Принятие европейскими державами соглашения о невмешательстве в гражданскую войну на Пиренеях, оформленное в конце августа, ничуть не остудило страсти. Коммунисты развернули мощную кампанию за оказание помощи Испании. 2 сентября генеральный секретарь ФКП Морис Торез заявил, что правительство, отказываясь от поддержки испанских республиканцев, отступает от программы Народного фронта ⁵⁸. С коммунистами солидаризировались левое крыло СФИО, а также конфедерация профсоюзов. 5 сентября металлурги столичного департамента Сена, угрожая забастовкой, потребовали от Блюма снятия эмбарго на поставки оружия в Испанию.

После того, как 30 сентября испанская делегация на заседании совета Лиги наций продемонстрировала доказательства того, что Германия и Италия, участники соглашения о невмешательстве, фактически его не соблюдают, ситуация лишь обострилась. В глазах многих правительство Блюма предстало соучастником преступления. «Я знаю, — писал в личном послании Блюму Ромен Роллан, — что Вы также испытываете те муки, которые причиняет нам испанская тра-

гедия и что, будучи ближе знакомым с рисками, которыми она чревата, Вы разрываетесь между противоположными стремлениями, истощая самого себя в попытках их примирить... Но то, что мы не можем допустить и извинить, — это бессилие Франции заставить других уважать тот пакт, условиям которого мы вынуждены были подчиниться. Она позволяла и до сих пор позволяет фашистским режимам вооружать испанский фашизм. Она помогает врагу победить»⁵⁹.

Отношения с коммунистами оказались безнадежно испорчены. На заседании палаты депутатов 6 декабря 1936 г., в ходе которого обсуждалась внешняя политика кабинета Народного фронта, произошел открытый конфликт. «Вы не устранили ни одной из трудностей и угроз, которые стоят перед Испанией, Францией и делом мира, — упрекал Блюма Торез, — Вы их лишь умножили. Вы сделали их опаснее». Премьер-министр парировал нападки слева, ставя себе в заслугу спасение мира в Европе: «В чем нас можно упрекнуть? ... В том, что мы чересчур много сделали для сохранения мира? Хорошо! Мы можем принять этот упрек. Если нужно выбрать, мы предпочитаем переоценить риск войны, чем недооценить его»⁶⁰.

Проигрывая оппонентам по силе доводов, Блюм не нашел ничего лучше, кроме как прикрыться пацифистскими лозунгами. Это был эффективный, но не самый честный прием. Принимая решение о невмешательстве в конфликт на Пиренеях, кабинет Блюма, по-видимому, никогда всерьез не рассматривал варианта с началом европейской войны из-за Испании. Однако в конце 1936 г. крыть карту коммунистов было больше нечем. В ходе итогового голосования фракция ФКП воздержалась от поддержки кабинета. В коалиции Народного фронта образовалась первая серьезная трещина. Сразу после заседания палаты, 6 декабря Блюм решил подать в отставку, однако, в конце концов, передумал⁶¹.

Решение французского правительства о невмешательстве в испанский конфликт не было окончательным и бесповоротным. Убедившись в том, что Германия и Италия продолжают оказывать поддержку франкистам, кабинет Блюма перешел к политике так называемого «облегченного» невмешательства. Французы начали помогать в переброске на Пиренеи советского вооружения и материалов, предназначенных республиканцам. Французское МВД закрыло глаза на отправку в Испанию тысяч добровольцев, желавших сражаться за республику, а также на «полуофициальную контрабанду» оружия⁶².

Тем не менее, Блюму пришлось до конца жизни оправдываться за свою политику в испанском вопросе. Из раза в раз он ссылался на опасность европейской войны, которая разразилась бы в случае вмешательства Франции в гражданскую войну на Пиренеях. Однако истинные причины лежали глубже. У правительства Народного фронта не хватило политических ресурсов и воли для принятия решения о помощи Испании. Другой вопрос, было ли это в принципе возможно в условиях 1936 года. Но в любом случае, последствия испанской политики кабинета Блюма оказались губительны как для французского Народного фронта, который через 2 года прекратил свое существование, так и для республиканской Испании, в 1939 г. поверженной мятежниками.

Примечания

1. ТОМАС Х. Гражданская война в Испании. 1931—1939. М. 2003, с. 562.
2. ИБАРРУРИ Д. Национально-революционная война испанского народа против итало-германских интервентов и фашистских мятежников (1936—1939). — Вопросы истории. 1953, № 11, с. 36.
3. См. например: ОВИННИКОВ Р.С. За кулисами политики «невмешательства». М. 1959.
4. ПЛАТОШКИН Н.Н. Гражданская война в Испании. 1936—1939 гг. М. 2004; ШУБИН А.В. Великая испанская революция. М. 2011.
5. МАЛАЙ В.В. Гражданская война в Испании 1936—1939 годов и Европа. Международные аспекты конфликта. М. 2011.
6. См.: СОТ Р. Triumph of Treason. N.Y.-Chicago. 1944; EDEN A. Facing the Dictators: The Memoirs of Anthony Eden, Earl of Avon. Boston. 1962; CARLTON D. Eden, Blum, and the Origins of Non-Intervention. — Journal of Contemporary History. Vol. 6, 1971, p. 40—55; STONE G. Britain, Non-Intervention and the Spanish Civil War. — European History Quarterly. Vol. 9, 1979, p. 129—149; LACOUTURE J. Léon Blum. P. 1977; LEFEUVRE D., MARGAIRAZ M., TARTAKOVSKI D. Histoire du Front populaire. P. 2006; BERSTEIN S. Léon Blum. P. 2006.
7. Documents diplomatiques français. 1932—1939. 2e série (1936—1939). T. IV. P. 1967; т. III. P. 1966.
8. Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945 par M. Charles Serre, rapporteur général, député. Annexes. T. 1. P. 1951.
9. МОСН J. Rencontres avec Léon Blum. P. 1970, p. 191.
10. RÉMOND R. Le pacifisme en France au 20e siècle. — Autre Temps. 1984, n°1.
11. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 1к, оп. 27, д. 8372, л. 57—57а.
12. Le Temps. 30.VII.1934.
13. L'Ami du peuple. 9.III.1936; Le Figaro. 9.III.1936.
14. Le Journal. 30.IV.1936.
15. KOLBOOM I. Patron et patronat. Histoire sociale du concept de patronat en France au 19e et 20e siècle. — Mots. 1984, octobre, n°9, p. 101.
16. Le Temps. 15.VI.1936.
17. GAMELIN M. Servir. V. 2. Le prologue du drame (1930 — août 1939). P. 1946, p. 219.
18. Rapport sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, p. 217.
19. L'Action française. 24.VII.1936.
20. Le Figaro. 25.VII.1936.
21. L'Action française. 28.VII.1936.
22. Le Temps. 27.VII.1936.
23. Le Populaire. 28.VII.1936.
24. L'Humanité. 25.VII.1936.
25. МОСН J. Le Front Populaire, grande espérance. P. 1971, p. 232.
26. Le Temps. 27.VII.1936.
27. Rapport sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, p. 216.
28. Documents diplomatiques français, p. 201—202.
29. Ibid., т. III, p. 37.
30. Rapport sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, p. 217.
31. МОСН J. Op.cit., p. 232.
32. Ibid., p. 233.
33. Rapport sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, p. 217.
34. Цит. по: BERSTEIN S. Op.cit., p. 518.
35. EDEN A. Op.cit., p. 451.
36. Rapport sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, p. 217.
37. Ibid., p. 219.
38. Documents on British foreign policy, 1919—1939, ser. 2, vol. 17. L. 1979, p. 47.
39. Le Temps. 3.VIII.1936.
40. Французские бомбардировщики фирмы «Потэ» готовились к отправке в Испанию.

41. Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés: compte rendu in-extenso. 1.VIII.1936, p. 2335.
42. MOCH J. Rencontres avec Léon Blum, p. 196.
43. Ibidem.
44. Хименес де Асуа — испанский политик и дипломат республиканской ориентации.
45. Rapport sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, p. 219.
46. ALEXANDER M.S. The Republic in Danger. General Maurice Gamelin and the Politics of French Defense, 1933—1940. Cambridge. 1992, p. 101.
47. РГВА, ф. 46к, оп. 4, д. 72, л. 19.
48. ALEXANDER M.S. Op.cit., p. 85.
49. ГОЛЛЬ Ш. де. Военные мемуары. Т. 1. М. 2003, с. 42.
50. L' uvre de Léon Blum. V. 6-2. P. 1965, p. 418.
51. ALEXANDER M.S. Op. cit., p. 81.
52. Rapport sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, p. 218.
53. RIVET L. Carnets du chef des services secret. 1936—1944. P. 2010, p. 89.
54. Цит. по: ALEXANDER M.S. Op.cit., p. 101.
55. РГВА, ф. 46к, оп.1, д. 8, л. 8.
56. L' uvre de Léon Blum, v. 6-2, p. 391—392.
57. MOCH J. Le Front Populaire, grande espérance, p. 234.
58. L'Humanité. 3.IX.1936.
59. РГВА, ф. 46к, оп. 2, д. 176, л. 1, 3.
60. Journal officiel de la République française. 6.XII.1936, p. 3366, 3371.
61. MOCH J. Rencontres avec Léon Blum, p. 209.
62. L' uvre de Léon Blum, v. 6-2, p. 417.

Образ Эдуарда IV в трудах Доминика Манчини и кройлендского анонима

В.В. Кудряков

Доминик Манчини, создавший труд «De Occupatione Regni Anglie», более известный как «Узурпация Ричарда III» и анонимный автор «Historiae Croylandensis continuatio», классифицированной Кингсфордом как «Второе продолжение Кройлендской хроники», оставили очень разноплановые описания Эдуарда IV. Их механическое соединение абсолютно невозможно. Но вместе с тем, столь непохожие взгляды на личность основателя Йоркской династии позволяют увидеть его в совершенно различных ракурсах, не только в качестве олицетворения королевского величия, но и в образе живого человека, успехи, неудачи и характер которого более 20 лет играли ключевую роль в истории Англии.

Мы также не вправе забывать о серьезных различиях в биографиях и целевых аудиториях авторов. К сожалению, не представляется возможным полностью восстановить жизненный путь Доминика Манчини или кройлендского летописца, но даже немногие известные факты указывают на несхожесть их судеб. Доминик Манчини — выходец из старинной римской семьи, клирик, вероятно, принадлежавший к бенедиктинскому или августинскому ордену ¹. Как создателю стихотворных сочинений на латыни, ему удалось приобрести некоторую известность в академических кругах Парижа в царствование Людовика XI ². Появлялся он и при французском дворе, а в круг его знакомых входили канцлер королевства Гильом де Рошфор и архиепископ Вьеннский Анджело Като ³. Именно по просьбе этого высокопоставленного клирика Доминик Манчини составил свой труд «De Occupatione Regni Anglie», выразив в предисловии надежду, что его сочинение также будет представлено бывшему неаполитанскому королю Фредерику II ⁴.

Об авторе продолжения кройлендской хроники нам известно еще меньше. Он был клириком, имел степень доктора канонического права

Кудряков Василий Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент Московского педагогического государственного университета.

и ранг советника при Эдуарде IV ⁵. Сохранились свидетельства о его дипломатической работе. Административная карьера будущего хрониста протекала в королевской канцелярии или в службе Малой печати ⁶. По крайней мере, часть жизни он провел в Лондоне, а свою лепту в кодекс Кройлендского аббатства внес, стремясь, по его собственным словам, рассказать о бедствиях, обрушившихся на английское королевство в период усобиц, предваривших царствование Генриха VII ⁷.

Во «Втором продолжении Кройлендской хроники» Эдуард впервые упоминается еще и как граф Марч, когда речь идет о событиях, разыгравшихся осенью 1459 года. Тогда, восстав против Генриха VI, сторонники Йоркского дома, в свою очередь, столкнулись с изменой со стороны Эндрю Троллопа, командовавшего крупным контингентом наемников. Видя неспособность предводителей мятежа мобилизовать необходимые для успеха силы, он переметнулся на сторону короля ⁸. В результате лидеры повстанцев обратились в бегство, бросив свои штандарты и сохранявшие им верность войска ⁹. Анонимный автор стыдливо умолчал об этом, заметив лишь, что «войско герцога распалось», а Эдуард покинул Англию и переправился в Кале вместе с графами Солсбери и Уориком. Зато далее граф Марч представлен летописцем в качестве одного из победителей сражения при Нортгемптоне (10.07.1460) ¹⁰. В нем йоркисты смогли взять верх благодаря предательству одного из командующих армией Генриха VI лорда Грея Ратинского, который пропустил силы мятежников в укрепленный лагерь королевских войск, что повлекло за собой полное поражение ланкастерцев ¹¹. Эти подробности также ускользнули от внимания кройлендского летописца. Напротив, хронист акцентирует внимание на внешнем проявлении лояльности Генриху VI со стороны лидеров йоркистов, захвативших его в плен в результате битвы ¹². Автор рисует Эдуарда в качестве верноподданного на Вестминстерском парламенте, состоявшемся 7—31 октября 1460 г. и повлекшем публичное соглашение между королем Генрихом VI, с одной стороны, и Ричардом Йоркским и его сыновьями — графом Марчем и графом Ратлендом — с другой ¹³. В соответствии с ним, государь сохранял корону до конца жизни, но признавал своим наследником не принца Уэльского, а герцога Йоркского и его потомков ¹⁴. При этом Эдуард, граф Марч, лично поклялся королю в верности. Последующее нарушение им клятвы кройлендский летописец объясняет действиями Генриха VI, который объединился с убийцами его отца — Ричарда Йоркского. Описывая вступление графа Марча на престол, хронист торжественно заявляет, что Эдуард «победу и корону со славой заслужил и принял», прозрачно намекая на сражение при Мортимер-Кроссе (22.02.1461), где он, разгромив валлийских приверженцев Ланкастерского дома, одержал «над ними славную победу» ¹⁵.

Доминик Манчини, касаясь этих событий, лишь вскользь упоминает, что Эдуард завоевал престол и изгнал из страны прежнего короля ¹⁶. Последнее утверждение не совсем верно, поскольку период с 1465 по 1470 гг. Генрих VI провел в Тауэре ¹⁷. Гораздо больше итальянского автора заинтересовала весьма нестандартная для монарха личная жизнь Эдуарда IV. Он отметил, что этот государь обращал свое внимание на замужних и незамужних женщин, равно как

на знатных и простолюдинок. В общении с ними он предпочитал апеллировать к могуществу денег и различным обещаниям, нежели к угрозам и силе ¹⁸. Впрочем, Доминик Манчини с большим удовольствием рассказывает об одном исключении. Несмотря на многочисленные дары и посулы короля, бедная вдова очень скромного происхождения Елизавета Грей не побоялась отвергнуть все притязания Эдуарда IV. Тогда во время одной из встреч суверен выхватил кинжал и приставил его к ее горлу. И даже в столь кризисной ситуации она сохранила полную невозмутимость. Поэтому ради достижения своих целей Эдуард решил жениться на ней ¹⁹. Подобный мезальянс вызвал взрыв негодования в семье монарха. Доминик Манчини всерьез уверяет читателей, что, узнав об этом, мать короля Сесилия Невилль впала в настоящее бешенство и публично заявила, будто Эдуард был зачат в результате адюльтера и не является сыном Ричарда Йоркского, а потому не достоин своего положения. Стоит отметить, что в данном случае Доминик Манчини обращается к весьма популярной сплетне о незаконном происхождении Эдуарда. Ее отзвуки можно встретить в «Мемуарах» Филиппа де Коммина при описании французской экспедиции английского короля, однако наиболее широкое хождение она приобрела уже после смерти основателя Йоркской династии ²⁰. Скорее всего, основой для этой легенды послужил тот факт, что будущий монарх появился на свет в Руане, когда Ричард, герцог Йорк, исполнял обязанности генерал-лейтенанта Нормандии.

Следующий по старшинству сын Сесилии Невилль, по словам Доминика Манчини, также осудил подобный брак и публично поносил темное происхождение семьи Елизаветы. Не осталась в стороне и английская аристократия, в среде которой это супружество возродило враждебность к Эдуарду и оживило надежды среди сторонников Генриха VI. Важнейшую роль в подобном развитии событий сыграли скандальные брачные союзы братьев и сестер королевы, ставившие целью быстрее обогатить клан Вудвиллей, а также их стремление оттеснить Невиллей от управления государством ²¹. Впрочем, эти подробности ускользнули от внимания итальянского автора, ограничившегося упоминанием о новой вспышке междоусобной войны, завершившейся полным ниспровержением ланкастерской партии. Драматические перипетии борьбы 1469—1471 гг. Доминик Манчини также проигнорировал.

Для продолжателя Кройлендской хроники характерен совершенно иной взгляд на развитие событий. Он ничего не сообщил о бурных страстях, кипевших вокруг личной жизни короля, ограничившись упоминанием о том, что его брак совершился «после некоторого неудовольствия графа» Уорика. Зато последствия женитьбы Эдуарда IV освещены им гораздо более подробно. Он не упускает из виду политических разногласий между Ричардом Невиллем, графом Уориком, и родней Елизаветы Вудвилль, которые вызвали новый период войн Роз ²², а также отмечает основные вехи противостояния Эдуарда IV с Невиллями и силами, стремившимися к восстановлению династии Ланкастеров. Причем король и его действия, отнюдь не всегда успешные, неизменно предстают в выигрышном свете. Ярким примером, иллюстрирующим эту тенденцию, выступает повествование о битве при Эджкоте (26.07.1469), которая завершилась пол-

ной победой повстанческой армии, поддерживавшей графа Уорика. Эдуард не только не успел к битве, но и своевременно не получил известий о разгроме своих сил, что повлекло его пленение три дня спустя ²³. Однако планам Ричарда Невилля править самостоятельно от имени короля не суждено было сбыться. Даже в этой, далеко не блистательной для монарха ситуации, анонимный автор смог оттенить популярность государя, повлекшую нежелание его подданных подавлять вспыхнувший в августе 1469 г. ланкастерский мятеж до тех пор, пока Эдуард не обрел свободы ²⁴. Лишь освободив короля и публично появившись с ним в Йорке после десятого сентября, граф Уорик смог собрать необходимые войска и ликвидировать мятеж. Характеризуя Линкольнширское восстание, разразившееся в марте 1470 г. и в значительной степени спровоцированное самим Эдуардом, летописец представляет его в роли победоносного и милостивого государя, который, легко взяв верх над повстанцами, казнил лишь зачинщиков мятежа и «даровал пощаду невежественной и неповинной черни» ²⁵. В сентябре того же года Эдуард IV из-за измены своих войск едва не был захвачен в плен графом Уориком. Описывая это, кройлендский хронист склонен подчеркивать усердие тайного соглядатая и распорядительность короля, позволившие монарху вовремя узнать о грозящей опасности и спастись, бежав на континент. Автор ни словом не упрекнул Эдуарда за излишнее доверие к родному брату Уорика Иоанну Невиллю, маркизу Монтегю ²⁶, упомянув лишь, что, когда последний «узнал о высадке своего брата, его верность королю Эдуарду обратилась в измену» ²⁷.

Кампания 1471 г., позволившая главе Йоркского дома вернуть престол, освещена наиболее подробно. Автор не пожалел похвал в адрес побед, одержанных государем при Барнете (14.04.1471), где тому посчастливилось разбить армию графа Уорика, и подле аббатства Тьюксбери (04.05.1471), где его силами были уничтожены войска приверженцев королевы Маргариты ²⁸. Хронист также уделяет большое внимание подавлению мятежа бастарда Фокенберга в мае того же года. В свете этих успехов король представлен осмотрительным, бесстрашным и прозорливым полководцем, опирающимся на волю провидения. Успехи Эдуарда IV позволили автору охарактеризовать монарха как «блистательного победителя... превозносимого за столь славные подвиги столь быстро, столь легко совершенные [и] прогремевшие по всем землям» ²⁹.

Следующее крупное военное предприятие Эдуарда — поход во Францию в 1475 г. — завершилось без серьезных баталий, зато, как известно, весьма обогатило его. Кройлендский летописец ни словом не обмолвился о сомнительном характере сделки между Эдуардом IV и Людовиком XI, обусловившей отбытие английских войск из Франции, но гордо объявил о том, что французы согласились на ежегодную выплату дани, после чего король смог вернуться «в Англию с почетными условиями мира» ³⁰. Самым скандальным соглашением между монархами стал договор о ежегодной пожизненной пенсии в размере 10 тыс. фунтов, которую Людовик XI обязался выплачивать Эдуарду IV ³¹. Хотя этот документ носил самый притягательный характер для английского суверена, он все же воздержался от того, чтобы подписать его, вероятно, предвидя реакцию своих подданных. Ведь,

как отметил летописец, «нет ничего столь незыблемого или достойного, что не может быть искажено злоречием». Однако некоторые все же принялись осуждать условия заключенного мира, «за какую-то дерзость свою понесли достойное наказание».

Описывая последующие события, аноним предпочел добавить к портрету Эдуарда черты сурового и справедливого судьи, готового казнить даже собственных слуг, если это необходимо для предотвращения новых смут и обеспечения безопасности в королевстве ³². Действительно, по возвращении из Франции, находясь в графствах Хемпшир и Уилшир в ноябре 1485 г., король предпринял энергичные меры для наказания уголовных преступников, но в данном случае им двигало скорее опасение возможных беспорядков в период роспуска армии, нежели стремление к правосудию. В целом, он боролся за соблюдение закона не более, чем это соответствовало его интересам, предпочитая оставлять без внимания многие преступления, если в них были замешаны люди, связанные с магнатами, в лояльности которых монарх реально нуждался ³³.

Однако при описании последних лет царствования Эдуарда IV в прежде панегирический тон повествования начинают проникать нотки осуждения государя. Кройлендский летописец порицает его за личное участие в организации международных торговых операций, ибо он действовал «словно один из людей, живущих благодаря торговле». Хронист не скрывает своего неудовольствия по случаю продажи сувереном епископских вакансий и обременительных пеней, которыми монарх облагал наследников, своевременно не оформивших свои права ³⁴.

Доминик Манчини также обратил внимание читателей на жадность Эдуарда и постоянно возрастающую любовь короля к деньгам: под предлогом военных расходов он просил субсидии у парламента, властно требовал якобы необходимые ему средства у частных лиц, а также получал выплаты от Людовика XI и ради них бросил без помощи своих союзников на континенте. Наконец, собрав к концу царствования огромные сокровища, он не только не сделался более щедрым, но, наоборот, действовал как человек, крайне стесненный в средствах, так, что его алчность приобрела всеобщую известность ³⁵.

Несмотря на некоторые критические замечания, во «Втором продолжении...» образ основателя Йоркской династии продолжал пополняться парадными чертами. Хронист утверждал, что в области покупки предметов роскоши и масштабах строительства «никто из... предшественников по размаху дел не мог бы сравниться с ним» ³⁶. Несмотря на некоторую гиперболу, Эдуарда IV действительно стоит признать королем, не жалевшим средств на поддержание величия своего двора, а его расходы на строительство Виндзорского дворца и других шедевров английской готики могут быть справедливо сопоставлены с аналогичными тратами Эдуарда III ³⁷.

Повествуя о процессе, который суверен организовал против собственного родного брата герцога Кларенса, кройлендский летописец осуждает обоих. Он не идеализирует Джорджа Йоркского и не скрывает факты его измен королю еще в 1470—1471 гг., а также отмечает их раздоры в последующие годы, вызванные изъятием у герцога Кларенса многих имений и действиями Эдуарда, стремившегося расстро-

ить брак между братом и Марией Бургундской³⁸. Несмотря на эти события, организация судебного процесса над Джорджем Йоркским и тайная расправа с ним в лондонском Тауэре вызывает полное неприятие автора. Хронист полагал, что «после этого поступка многие покинули короля», а сам государь «про себя... очень часто сожалел о случившемся, однако впредь он столь величаво осуществлял свои полномочия, что казалось, будто его страшатся все соотечественники, а сам он не боится никого»³⁹.

Совершенно иначе эта история представлена у Доминика Манчини. По его мнению, родной брат суверена поплатился головой вследствие интриг жены Эдуарда IV, которая не могла простить герцогу Кларенсу оскорбительных высказываний в адрес своей семьи. Кроме того, Елизавета Вудвилль опасалась, что из-за сомнений в законности ее второго брака после смерти монарха его дети будут устранены от наследования, а престол может перейти к герцогу Кларенсу, как к следующему по старшинству представителю Йоркской династии. В этом она убедила Эдуарда, что и вызвало знаменитый скандальный процесс, в ходе которого против Джорджа Йоркского были выдвинуты обвинения в использовании магии для посягательства на жизнь государя. В результате герцога Кларенса приговорили к смертной казни и, по данным Доминика Манчини, утопили в бочке сладкого вина⁴⁰. Здесь же он приводит рассказ о том, что Ричард Глостер испытал глубокую скорбь по случаю расправы с Джорджем и будто бы поклялся отомстить за смерть брата. К сожалению, столь яркая история противоречит тому факту, что их отношения окончательно испортились еще в период 1472—1475 гг., когда герцоги Кларенс и Глостер с большим трудом и лишь после вмешательства самого государя смогли поделить наследство графа Уорика, на которое они претендовали как мужья его дочерей.

Ретроспективный анализ взаимоотношений Эдуарда IV и герцога Кларенса выявляет множество причин, повлиявших на эскалацию их конфликта, и оставляет мало шансов на то, что ключевую роль в организации процесса 1478 г. сыграла жена суверена. Обвинения в ее адрес скорее представляются отражением непопулярности Вудвиллей во время создания Домиником Манчини своей «Истории»⁴¹. В целом, запечатленная им картина падения герцога Кларенса являет собой прекрасный образец ренессансной драматургии, но едва ли может рассматриваться в качестве достойного доверия источника.

При описании заключительной части царствования Эдуарда IV, анонимный автор восхищается роскошью двора. По его мнению, в праздничные дни Рождества 1483 г. Вестминстерский дворец был наполнен «не иначе как [и] подобало блистательнейшему царствованию богатствами [и] людьми почти всех народов», а сам король выступал в роли законодателя мод⁴². Кройлендский летописец с удовольствием описывает богатство царского гардероба, а Доминик Манчини отмечает склонность монарха позировать перед теми, кто стремился его видеть. Переходя от одежд к самому государю, автор «Второго продолжения...» не постеснялся заявить, что Эдуард IV изяществом и статью превосходил всех⁴³. Последнее свидетельство находится в резком противоречии с оценками других современников, в том числе и Доминика Манчини, который, описывая привычки Эдуарда, поведал сво-

им читателям о склонности английского короля к обжорству ⁴⁴. Естественным следствием этого явилась заметная тучность Эдуарда, «хотя и не до точки деформации» ⁴⁵. Впрочем, не стоит считать, будто Доминик Манчини видел исключительно отрицательные черты в образе основателя Йоркской династии. Он отмечает его доступность не только для друзей, но и для самых скромных просителей, простоту и добродушие в общении, а также благоволение к иностранцам, посещавшим Англию по торговым и иным делам ⁴⁶.

Оба автора склонялись к мысли, что на судьбе Эдуарда IV самым пагубным образом отразились политические события 1482—1483 годов. Доминик Манчини напрямую связывает фатальный недуг короля с заключением Аррасского мира между Францией и Бургундией (23.12.1482). Этот договор позволил Людовику XI добиться соглашения о браке между дофином и Маргаритой Австрийской, приобрести Артуа и Франш-Конте, а также покончить с угрозой вмешательства Англии в военные действия на континенте. Однако самое печальное для Эдуарда IV, пожалуй, заключалось в том, что, подписав этот мир, Людовик XI освободился от необходимости выплачивать ему ежегодную пенсию. Подобное развитие событий спровоцировало болезнь английского монарха, оказавшуюся для него роковой ⁴⁷.

Мысль кройлендского хрониста, связывая внешнюю политику и кончину короля, проделала гораздо более витиеватый путь. «Тогда мужественный государь весьма мучился тревогой, [и], наконец, увидел, что он обманут королем Людовиком, который не только уклонился [от уплаты] обещанной дани, но и... [вместе с] гентскими союзниками расстроил все дела в землях» союзников Эдуарда «и испробовал любые возможные виды злодейств, с помощью которых он... мог бы изничтожить это королевство на суше и на море». Тогда, созвав парламент, суверен при полном одобрении общин получил возможность начать подготовку к предстоящему столкновению с Францией. Фатальным же для него явилось стремление приобрести часть денег на предстоящую кампанию за счет церковных десятин. Это, как очень тонко намекает кройлендский летописец, повлияло на волю божественного промысла и сыграло роковую роль в судьбах Йоркской династии ⁴⁸.

Тем не менее, завершая повествование о царствовании почившего короля, хронист вновь находит для него немало теплых слов. К числу достоинств Эдуарда IV он относит набожность, прекрасную память, склонность к покровительству ученым и клирикам, а также неумолимое преследование еретиков. В числе отрицательных качеств монарха анонимный автор упоминает приверженность к праздной жизни, обжорству, роскоши, страстям и различным недобросовестным сделкам. Несмотря на это, кройлендский летописец выражает надежду, что «самому [Эдуарду] не будет несправедливо отказано в воздаянии вечного вознаграждения» ⁴⁹.

Подводя итоги, можно сказать, что мы столкнулись с двумя совершенно различными концепциями репрезентации образа Эдуарда IV. Доминик Манчини, итальянец, связанный с французскими придворными кругами, стремился представить английского государя в качестве обычного человека, наделенного как положительными, так и отрицательными чертами, причем приоритет оставался именно за его

пороками. Это видение, в первую очередь, явилось следствием предпочтений аудитории, на которую Доминик Манчини ориентировал свою работу, поскольку на континенте повествование о различных слабостях и недостойных поступках враждебного монарха оказывалось востребовано более, чем перечисление его побед и добродетелей. Кроме того, французы и итальянцы, ставшие современниками многочисленных английских смут, были расположены видеть события, происходившие на туманном Альбионе, в самых черных красках. Именно такой аудитории Доминик Манчини стремился объяснить причины переворота 1483 года. Эта цель прекрасно достигалась, если наряду с демоническим образом Ричарда III на престоле возникал карикатурный силуэт его старшего брата.

Кройлендский хронист представлял собой совершенно иную фигуру. Человек, посвятивший свою жизнь службе английской короне, преследовал абсолютно иные цели и ориентировался на совершенно иную аудиторию. Он не мог отрицать тех бедствий, что обрушились на королевство в период войн Роз, но даже на их фоне хронист желал представить соотечественникам парадный образ монарха своей эпохи. В нем должны были воплотиться величие и мощь государства. Поэтому в освещении личности основателя Йоркской династии преобладали черты победоносного полководца, мудрого политика и выдающегося созидателя, затмевавшего своих предшественников. Однако, стремясь заслужить доверие читателей, автор не мог полностью проигнорировать события, неблагоприятные для Эдуарда IV. Некоторые из них нашли отражение на страницах хроники для придания видимости объективности общей исторической панораме.

В результате, оба автора оставили яркие наброски портрета Эдуарда IV, но они не более близки к реальности, чем стремление их читателей беспристрастно взглянуть на фигуру основателя Йоркского дома.

Примечания

1. MANCINUS D. The Usurpation of Richard the Third. L. 1936, p. 1, 7—9.
2. Ibid., p. 2.
3. Ibid., p. 15.
4. Ibid., p. 68—69.
5. CLIVE M. This Son of York. A Biography of Edward IV. L.-Macmillan. 1973, p. 18.
6. HICKS M. The Second Anonymous Continuation of the Crowland Chronicle 1459—86 Revisited. — The English Historical Review. Vol CXXII, № 496, 2007, p. 349.
7. HICKS M. Crowland's World: A Westminster View of the Yorkist Age. — History. Vol. 90, № 298, 2005, p. 177; The Crowland Chronicle Continuations: 1459—1486. L. 1986, p. 108—109.
8. The Crowland Chronicle..., p. 108—111.
9. GOODMAN A. The Wars of the Roses. Military Activity and English Society, 1452—1497. L.-Boston-Henley. 1981, p. 30—31.
10. Ibid., p. 110—111.
11. KENDALL P.M. Warwick the Kingmaker. Sphere Books LTD. L. 1972, p. 64—65.
12. The Crowland Chronicle..., p. 110—111.
13. GRIFFITS R.A. The Reign of King Henry VI. The Exercise of Royal Authority, 1422—1461. L.-Kent, p. 867—869.
14. The Crowland Chronicle..., p. 110—113.

15. Ibid., p. 112—113.
16. MANCINUS D. Op. cit., p. 74—75.
17. POLLARD A.J. The Wars of the Roses. Basingstoke-Hampshire-L. 1988, p. 28.
18. MANCINUS D. Op. cit., p. 82—83.
19. Ibid., p. 74—75.
20. КОММИН Ф. де. Мемуары. М. 1986, с. 143; Chronology of Events. The Coronation of Richard III the Extant Documents. Gloucester. 1983, p. 24.
21. LANDER J.R. The Wars of the Roses. L.-Secker-Warburg. 1965, p. 124—125; MANCINUS D. Op. cit., p. 76—77.
22. The Crowland Chronicle..., p. 114—115.
23. GOODMAN A. Op. cit., p. 69.
24. The Crowland Chronicle..., p. 116—117.
25. Ibid., p. 120—121; ROSS CH. The Wars of the Roses. A Concise History. L.-Thames-Hudson. 1976, p. 135, 138—140.
26. ЛАНДЕР ДЖ.Р. Войны Роз. СПб. 2013, с. 148.
27. The Crowland Chronicle..., p. 122—123.
28. Ibid., p. 124—127.
29. Ibid., p. 126—129.
30. Ibid., p. 136—137.
31. SCOFIELD C.L. The Life and Reign of Edward the Fourth, King of England and of France and Lord of Ireland. Vol. 2. L. 1923, p. 141—143.
32. The Crowland Chronicle..., p. 136—137.
33. ROSS CH. Op. cit., p. 388, 401, 406—407.
34. The Crowland Chronicle..., p. 138—139.
35. MANCINUS D. Op. cit., p. 80—81.
36. The Crowland Chronicle..., p. 138—139.
37. ROSS CH. Op. cit., p. 257, 276.
38. The Crowland Chronicle..., p. 142—143.
39. Ibid., p. 144—147.
40. MANCINUS D. Op. cit., p. 76—77.
41. ROSS CH. Op. cit., p. 244.
42. The Crowland Chronicle..., p. 148—149.
43. Ibid., p. 148—149.
44. MANCINUS D. Op. cit., p. 80—83.
45. Ibid., p. 72—73.
46. Ibid., p. 79—82.
47. Ibid., p. 71—74.
48. The Crowland Chronicle..., p. 148—151.
49. Ibid., p. 150—153.

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

Отношения Израиля и Египта в контексте арабо-израильского конфликта

С.М. Гасратян

В настоящее время Египет является одним из самых важных партнеров Израиля на Ближнем Востоке. Взаимоотношения этих двух стран прошли долгий путь от конфронтации до заключения мирного договора 1979 г., который на протяжении более 30 лет остается в силе.

Война за независимость Израиля с арабскими странами, продолжавшаяся с ноября 1947 г. до июля 1949 г., распадается на два этапа. Первый начался 30 ноября 1947 г., на следующий день после того, как Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о разделе Палестины (резолюция ООН от 29.11.1947), и завершился 15 мая 1948 г. в последний день британского мандатного правления.

14 мая 1948 г. в Тель-Авивском музее состоялось заседание Национального Совета, принявшее Декларацию о независимости, провозгласившую создание государства Израиль. В ночь с 14 на 15 мая египетские самолеты бомбили Тель-Авив. Так начался второй этап войны за независимость, когда на территорию только что образованного государства вторглись регулярные армии пяти соседних арабских государств. С севера, востока и юга на Израиль обрушились войска Ливана, Сирии, Ирака, Трансиордании и Египта (Саудовская Аравия направила воинское подразделение, которое участвовало в войне под египетским командованием, Йемен также объявил войну Израилю, но не направил своих войск) ¹.

Война продолжалась более 18 месяцев. Израилю пришлось заплатить за победу дорогой ценой: погибли 4 тыс. военнослужащих и 2 тыс. мирных жителей. Материальный ущерб также был велик. Тем не менее, еврейское государство выстояло, его территория составляла около 20 тыс. кв. км (16 тыс. кв. км было отведено ему по плану раздела Палестины).

Война завершилась подписанием серии соглашений между Израилем и соседними государствами: Египтом (Родос, февраль 1949 г.),

---

Гасратян Светлана Манвеловна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Ливаном (Рош ха-Никра, март 1949 г.), Иорданией (Родос, апрель 1949 г.) и Сирией (Механаим, июль 1949 г.).

Переговоры между делегациями Египта и Израиля начались на Родосе в январе 1949 г., с представителями Ливана и Иордании — в марте 1949 г., а с представителями Сирии — в апреле 1949 года. Все переговоры завершились официальным подписанием соглашений о перемирии. Согласно этим соглашениям:

- Израиль оставил за собой весь Негев, вплоть до границы с Синаем;
- Египет удержал контроль над полосой Газы, а на остальных участках отвел свои войска на ранее существовавшие границы;
- израильские войска отошли с оккупированной ими территории Ливана, и демаркационная линия прошла по прежней границе;
- Иордания удержала контроль над густо населенной областью Иудеи и Самарии (после аннексии Трансиорданией она получила название Западного берега), включая Старый город Иерусалима.

Сирийские войска отошли к международной сирийско-палестинской границе.

Израиль рассматривал соглашения о перемирии как пакты о предотвращении агрессии между сторонами. Правительства арабских стран, напротив, считали их промежуточной стадией, не отменявшей прав сторон на ведение военных действий ².

Арабо-израильские отношения после завершения Палестинской войны 1948—1949 гг. оставались напряженными. Арабо-израильский конфликт, периодически обострявшийся во второй половине XX в., постоянно тлел, и в середине 1950-х гг. опять обострился. После первой стадии арабо-израильского конфликта Египет закрыл Суэцкий канал для прохода израильских судов, а также для судов других стран, перевозящих грузы в Израиль или из Израиля. Резолюция 95 Совета безопасности ООН от 1 сентября 1951 г., призывавшая к отказу от подобной практики, была Египтом проигнорирована.

В дальнейшем египетские вооруженные силы блокировали Тиранский залив, что негативно сказалось на экономическом развитии израильского порта Эйлат. После Июльской революции в Египте 1952 г. отношения между странами не улучшились. В апреле 1955 г. египетская контрразведка организовала отряды так называемых федаинов, куда вербовались палестинские беженцы. Федаины базировались в секторе Газа и совершали вылазки на территорию Израиля, где убивали мирных жителей и военнослужащих, организовывали диверсии, минировали дороги. Как отмечал израильский посол в ООН Абба Эбан, непосредственно в ходе Суэцкой войны, с момента заключения соглашения о прекращении огня в 1949 г., зафиксировано 435 случаев незаконного проникновения в Израиль с территории Египта и 172 случая саботажа, что привело к гибели 101 и ранению 364 израильтян ³.

В 1950—1960-е гг. отношения между Израилем и Египтом оставались «враждебными», что не удивительно, учитывая ориентацию Египта на СССР, а Израиля на США. Внутренняя и внешняя политика президента Египта Г.А. Насера, направленная на создание сильного и независимого Египта, сотрудничество с СССР и другими социалистическими странами, поддержка национально-патриотических сил в других арабских странах, вызывали озабоченность западных

держав, стремившихся подчинить процессы развития на Ближнем Востоке своим целям.

Международный авторитет Египта стремительно рос. Вчерашняя полуколония, политика которой долгое время направлялась западными державами, оказалась в центре мировых событий, причем не как пассивный объект дипломатической игры, а как суверенное государство, смело прокладывающее независимый курс.

Египетская революция 1952 г. положила начало качественно новому периоду в новейшей истории Египта и других арабских стран.

В Египте проходили демонстрации, требовавшие ухода англичан из зоны Суэцкого канала. Великобритания была вынуждена начать переговоры с Египтом о выводе своих войск. Проведение мирных переговоров также поддерживалось США, главным союзником Великобритании. Складывавшаяся геополитическая ситуация была невыгодна Израилю, так как в случае вывода войск из зоны Суэцкого канала он лишился бы «буфера» из британских сил, стоявших между ним и Египтом. Израиль также полагал, что вывод военных сил из зоны Суэцкого канала может усилить амбиции президента Насера. Израиль пытался повлиять на ситуацию, используя дипломатию, но безуспешно.

В июле 1954 г. израильская военная разведка АМАН спланировала диверсионную операцию «Сусанна». Идея заключалась в том, чтобы с помощью подпольной сети, состоявшей из завербованных Израилем египетских евреев, устроить в Каире и Александрии серию террористических актов против американских и английских учреждений таким образом, чтобы подозрения пали на исламистскую группу «Братья-мусульмане», коммунистов или националистические группировки. Этим самым Израиль надеялся сорвать переговоры Египта с Великобританией о выводе британских войск из зоны Суэцкого канала ⁴.

Однако операцию пресекли египетские спецслужбы, организаторы теракта были арестованы, преданы египетскому суду и осуждены. Операция вызвала политический скандал в Израиле, который получил название «Дело Левона», а саму операцию окрестили именем «Позорное дело».

С самого начала израильские власти отрицали свою причастность к организации диверсии. Моше Шарет назвал египетские обвинения «презренной клеветой, призванной опорочить евреев в Египте». После того как выяснилось, что обвинения не вымысел, в Израиле разразился политический скандал. В ходе расследования начальник военной разведки Биньямин Гибли и министр обороны Пинхас Лавон обвиняли друг друга в ответственности за провал операции. Гибли утверждал, что действовал по приказу Лавона, а Лавон говорил, что приказа не было, и Гибли действовал за его спиной. 2 января 1955 г. Лавон подал в отставку, а Гибли 7 марта 1955 г. был уволен. Относительно степени ответственности каждого из них существуют две версии. По первой из них, Гибли и Лавон действительно говорили на эту тему, и министр обороны дал однозначное разрешение на серию терактов. Согласно второй версии, Лавон положительно отнесся к предложению, однако никакого точного и ясного приказа в этой связи не отдавал.

В сентябре 1955 г. израильское руководство было крайне обеспокоено фактом «чехословацкой сделки» и поставки Чехословакией вооружения Египту. Однако на тот момент прозвучавшие предложения о превентивной операции против Египта были отвергнуты, не в последнюю очередь из-за позиции Моше Шарета, хотя подготовка вооруженных сил страны к переходу на новую технику была ускорена. США и Великобритания отказались поставить Израилю оружие, которое бы компенсировало усиление Египта. Однако весной 1956 г. на это пошла Франция, заинтересованная в поддержке Израиля из-за того, что египетское руководство было на стороне алжирских повстанцев. Сделка была тайной, поставленное французское оружие уступало по своим характеристикам советскому, но позволило восстановить хотя бы количественный паритет. Тем временем, в июне 1956 г. Египет покинули последние британские войска. В июле США и Великобритания отказались от своих обещаний спонсировать постройку Асуанской плотины. В ответ на это Насер 26 июля объявил о национализации Суэцкого канала, сразу став героем арабского мира. Реакция Великобритании была крайне жесткой: в тот же день на совещании у британского премьер-министра Энтони Идена был поставлен вопрос о военной операции для восстановления контроля над каналом. Было принято решение в пользу совместной военной операции с Францией, чьи интересы тоже оказались затронуты в результате национализации. Для планирования этой операции 8 августа в Лондоне был создан англо-французский штаб.

1 сентября французская сторона предложила привлечь к участию в операции Израиль. После событий 1945—1947 гг. англо-израильские отношения были крайне натянутыми, и Франции пришлось выступить в качестве посредника между сторонами. Финальный план, получивший кодовое название «Мушкетер», предусматривал, что израильская армия совершит сухопутное вторжение в Египет, после чего Великобритания в соответствии с англо-египетским договором 1954 г. выступит в роли гаранта безопасности судоходства по каналу и предложит воюющим сторонам отвести свои войска от него. Подразумевалось, что Египет отклонит предложение и тем самым даст повод для начала интервенции. Сложнее всего оказалось уговорить Израиль. Секретные трехсторонние переговоры проходили в Севре 22—24 октября. Израильская делегация во главе с премьер-министром Давидом Бен Гурионом подозревала Великобританию в двойной игре и намерении выставить Израиль агрессором. Тем не менее, соглашение было достигнуто. Одним из его условий было размещение французской авиации в Израиле для усиления ПВО страны. Израиль стремился в ходе своего участия в операции уничтожить базы феодалов в полосе Газы и на границе с Синаем; предотвратить египетское нападение на Израиль путем разрушения египетских коммуникаций и аэродромов в Синае и открыть Эйлатский (Акабский) залив для израильского судоходства.

Время для проведения операции было выбрано удачно, США стояли на пороге очередных президентских выборов, а СССР был занят венгерскими событиями. Союзники отправили к берегам Египта крупную военно-морскую группировку. Им противостояла египетская дивизия на Синае и палестинская в секторе Газа, кроме того, одна египетская дивизия находилась в районе Суэцкого канала ⁵.

Израильское вторжение в Египет (операция «Кадеш») началось 29 октября 1956 г. выброской батальона парашютно-десантной бригады на стратегически важном перевале Митла (Джебель-Хейтан) в глубине Синайского полуострова. Высадка десанта на перевале давала повод британцам вмешаться в события, так как перевал находился недалеко от Суэцкого канала. Кроме того, согласно плану начальника израильского генштаба Моше Даяна, высадка всего одного батальона выглядела как очередной карательный рейд израильской армии, что позволило бы ввести египтян в заблуждение относительно истинного размаха операции, а также быстро вывести войска с Синая в случае подвоха со стороны британцев. Десантники подверглись ударам египетской авиации, а затем отразили атаку наземных сил противника. Подразделения бригады совершили 28-часовой марш от иорданской границы до Митлы, по пути захватив несколько мелких укрепленных пунктов, и соединились с батальоном. После этого бригада должна была ожидать подхода основных сил. Вечером 30 октября Великобритания и Франция предъявили ультиматум воюющим сторонам, потребовав прекратить боевые действия и отвести войска на 16 км от Суэцкого канала. Египту также предлагалось разблокировать канал для израильских судов и допустить в район канала англо-французские войска. Египет проигнорировал ультиматум и 31 октября подвергся бомбовым ударам авиации союзников. Перед лицом тройственной агрессии египетское командование 1 ноября приняло решение об отводе войск с Синая для усиления обороны дельты Нила на случай сухопутного вторжения.

Основной израильский удар на Синае был нанесен преждевременно, по инициативе командующего Южным фронтом Ури Симхони. Израильтяне окружили египетскую пехотную бригаду в районе Ум-Катеф, однако не сумели выбить противника с позиций. 1 ноября израильские войска взяли Рафах, блокировав палестинскую дивизию в секторе Газа. В течение 2—3 ноября в ходе тяжелых боев был установлен контроль над сектором, а двигавшиеся от Рафаха вдоль средиземноморского побережья войска вышли к запретной 16-километровой зоне вдоль канала. Под египетским контролем оставался лишь юг полуострова. 5 ноября взятием Шарм-аш-Шейха Израиль завершил Синайскую кампанию.

Британская и французская авиация имела полное господство в воздухе над Египтом. Утром 6 ноября началась высадка британского морского десанта в Порт-Саиде.

Однако военный успех союзников был сведен на нет политическим провалом вторжения. 5 ноября председатель СМ СССР Николай Булганин отправил дипломатические ноты трем странам, участвовавшим в интервенции. США пригрозили Великобритании выбросить на рынок свои резервы британских фунтов для обвала курса валюты. В арабских странах, в частности в Кувейте, Ираке и на Бахрейне, прошли массовые демонстрации, перешедшие в нападения на объекты, связанные с британцами и французами. Под международным нажимом в полночь 7 ноября англо-французские силы прекратили боевые действия. К концу декабря они покинули Египет. Израильские войска были выведены с Синая в марте 1957 г. и заменены международными силами в ходе первой в истории ООН миротворческой операции.

Итогом войны стала моральная победа Египта при серьезном военном поражении. Тем не менее, Израиль в результате войны добился разблокирования Тиранского залива, прекращения рейдов федаинов, а также получил время для перевооружения ⁶.

Синайская кампания продолжалась восемь дней, с 29 октября по 5 ноября 1956 года. К 5 ноября Синайский полуостров, полоса Газы и Шарм аш-Шейх были завоеваны израильской армией, под командованием Моше Даяна. Потери составляли 171 чел. убитыми, несколько сот ранеными, 4 израильтянина были взяты в плен. Египетские потери исчислялись несколькими тысячами убитых и раненых и 6000 пленных ⁷.

Однако в результате длительной политической борьбы, в ходе которой и США и СССР оказывали давление на Израиль, израильские войска были выведены с Синайского полуострова и полосы Газы, где разместились силы ООН, которые должны были обеспечить предотвращение рейдов федаинов и гарантировать проход израильских судов через Тиранский пролив. Израиль добился существенного ослабления напряженности на своей юго-западной границе и свободного морского пути в Эйлат. Эти достижения оставались в силе до 1967 года.

В январе 1965 г. была основана Организация освобождения Палестины, диверсионную деятельность против Израиля проводила новая палестинская террористическая организация Ал-Фатх. Небольшие группы боевиков засылались в Израиль с баз Сирии, Ливана и Иордании. 4 ноября 1966 г. Сирия и Египет подписали пакт о взаимопомощи. В апреле 1967 г. сирийцы усилили операции, которые мешали ведению сельского хозяйства в демилитаризованных зонах на озере Киннерет, а также артиллерийский обстрел израильских поселений. Потеряв шесть самолетов в результате воздушного боя, сирийское руководство обратилось к Египту с просьбой о помощи, опасаясь угрозы израильского нападения ⁸.

Президент Насер интенсивно готовился к очередной войне против Израиля. Она должна была положить конец существованию «сионистского образования» на Ближнем Востоке. Значительное место в программе подготовки к войне занимала разработка новейших видов оружия. Естественно, в Израиле внимательно следили за происходившими весьма опасными событиями.

За пять лет до начала Шестидневной войны 1967 г. израильская разведка получила информацию о том, что Египет начал активно и успешно разрабатывать собственную ракетную программу. Причем, все говорило о том, что арабы явно опережали в этом Израиль. Хотя первое испытание израильской ракеты «Шевет» было проведено несколько раньше, Египет осуществил подряд целых четыре успешных пуска ракет «Аз-Зафир» и «Аль-Кахир» с дальностью полета 250 и 450 километров.

Руководство «Моссад» начало собирать сведения о египетских ракетах. Вскоре выяснилось, что над разработками ракет типа «земля-земля» в Каире трудятся несколько десятков ученых и инженеров из ФРГ. Мало того, австрийский физик Йоклик, симпатизировавший Израилю, сообщил о том, что кроме ракет Египет активно разрабатывает химические и бактериологические боеголовки к ним. Он же пе-

редал «Моссад» информацию о том, что в Египте при поддержке немецких специалистов приступили к разработке дешевого ядерного оружия — кобальтовой бомбы ⁹.

Необходимо было действовать. Тогдашний глава «Моссад» Исер Харэль прибег к крайним мерам. Операция получила кодовое название «Дамоклов меч».

В 1962 г. инженер Вольфганг Лентц, специалист по ракетным двигателям, работавший в египетском исследовательском центре, получил бандероль из Германии ¹⁰. Когда он вскрыл ее, прогремел взрыв. От инженера и его кабинета ничего не осталось. Спустя некоторое время раздался еще один взрыв — аналогичный пакет вскрыл коллега Лентца, также специалист из Германии, приглашенный президентом Египта для разработки новых видов оружия ¹¹. Были жертвы среди персонала фирм. Стало очевидным, что взрывы — дело рук израильтян.

Напряженность на границе Израиля и Египта усиливалась. 22 мая 1967 г. Египет сообщил о закрытии Тиранского пролива для судов Израиля и других государств, перевозивших стратегические материалы в Израиль. В ответ на это 23 мая премьер-министр Л. Эшкол заявил в Кнесете, что закрытие Тиранского пролива Израиль будет расценивать как повод к войне. В арабских странах усилилась антиизраильская кампания. Некоторые лидеры арабского мира делали заявления о необходимости уничтожения Израиля. 26 мая Насер заявил, что если вспыхнет война, она будет тотальной, а ее цель — «уничтожение Израиля». Глава ООП А. Шукейри сказал, что после арабской победы уцелевшие евреи получают возможность вернуться в страны, где они родились, и добавил: «Мне кажется, что никто не уцелеет» ¹².

Цепь событий мая и начала июня 1967 г., привела к тому, что 5 июня 1967 г. вспыхнула Шестидневная война.

Утром 5 июня израильские ВВС нанесли превентивный удар с целью уничтожения арабской авиации и аэродромов. Менее чем за три часа эта задача была выполнена. В то же утро силы Южного округа армии обороны Израиля были введены на Синай. К концу четвертого дня война на Синае была окончена. Израиль захватил весь полуостров и полосу Газы. Тиранский пролив был открыт.

Утром 5 июня Израиль известил короля Хусейна о том, что если его войска не начнут военных действий, Иордания не подвергнется нападению. Тем не менее, почти сразу после этого Иордания открыла огонь по всей линии перемирия и начала артиллерийский обстрел западного Иерусалима. Центральный округ армии обороны Израиля ответил контратакой.

7 июня Старый город Иерусалим был взят израильскими парашютистами в рукопашном бою — артиллерия и авиация не использовались, чтобы не нанести ущерба Святым местам. К вечеру вся Иудея и Самария (Западный берег) были в руках израильтян ¹³.

На севере сирийцы вели артобстрел израильских городов и сельских поселений с укрепленных позиций на Голанских высотах. К 10 июня армия обороны Израиля захватила Голанские высоты, ликвидировав тем самым угрозу обстрела израильских поселений.

После подписания соглашения о прекращении огня Шестидневная война завершилась. Потери Израиля составили 777 убитыми и 2586 ранеными. Арабские армии потеряли около 15 тыс. человек.

В результате Шестидневной войны Израиль захватил Синайский полуостров, парализовав функционирование Суэцкого канала. Тем не менее, вскоре египетские и сирийские войска стали периодически открывать огонь по израильским позициям вдоль линии прекращения огня. Подразделения Ал-Фатх и другие террористические группы, прошедшие подготовку в Сирии, пытались перейти реку Иордан, чтобы осуществить диверсии на территории Израйля ¹⁴.

Наиболее серьезную военную угрозу представлял Египет. 10 апреля 1968 г. Насер заявил, что Египет «решил идти по пути борьбы и войны». В сентябре-октябре египетская армия подвергла израильские позиции на Суэцком канале массированной бомбардировке. Израильтяне соорудили цепь фортификационных сооружений, известную под названием «линии Бар-Лева». 30 марта Насер объявил, что Египет более не считает себя связанным соглашением о прекращении огня.

Так началась война на истощение. Египтяне постоянно бомбили «линию Бар-Лева». В ответ Израиль возобновил удары по египетским зенитным батареям. В 1970 г. израильские ВВС усилили атаки на лагерь египетской армии вдоль Нила. Война подошла к концу в августе 1970 г., когда Израиль и Египет согласились на прекращение огня.

Поражение египетской армии в 1967 г. и связанное с ним ухудшение экономического положения в стране не прошли бесследно и заметно ослабили левое руководство ¹⁵. Тем не менее, опираясь на поддержку Советского Союза, Египту удалось восстановить боеспособность своей армии, значительно повысить ее потенциал, техническую оснащенность и боеспособность.

Тысячи египетских военных специалистов были подготовлены в СССР или в советских центрах обучения в Египте. В результате Египту удалось создать весьма развитую сеть противовоздушной обороны к Западу от Суэцкого канала. Было сооружено надежное воздушное прикрытие для египетских войск и гражданских объектов.

В течение трех последовавших после войны 1967 г. лет египетские вооруженные силы достигли основной цели — завершили подготовку к войне за освобождение оккупированной египетской территории.

После смерти Насера президентом Египта в сентябре 1970 г. стал Анвар Садат. Насер занимал принципиальную позицию, постоянно подчеркивая необходимость ликвидации последствий Шестидневной войны 1967 года. Им был выдвинут лозунг — «взятое силой может быть возвращено только силой» ¹⁶. Садат не мог быть более «умеренным». Вскоре после прихода к власти он провозгласил, что 1971 г. станет решающим в деле урегулирования ближневосточного кризиса, и объявил себя «военным правителем Египта».

Садат сделал существенный шаг в сторону сближения с США. 17 июля 1972 г. он принял неожиданное для многих решение о прекращении миссии советских военных советников и специалистов в Египте. Официально это объяснялось тем, что предстоящая война с Израилем должна иметь чисто египетский характер, а наличие на территории Египта советских специалистов дает Израилю лишний предлог для того, чтобы заручиться поддержкой США и Запада.

США и Израиль в начале 1970-х гг. стремились оказать давление на Египет в деле урегулирования ближневосточного конфликта. Воз-

ник план соглашения Израиля с Египтом на базе сепаратного урегулирования ближневосточного конфликта, учитывая прозападную ориентацию нового египетского руководства по многим вопросам и сотрудничество с умеренными арабскими режимами, прежде всего с Саудовской Аравией, сыгравшей большую роль в переориентации Каира на Вашингтон ¹⁷.

В начале 1970-х гг. закончился срок действия соглашения о временном прекращении огня между Израилем и арабскими странами, и стороны, прямо или косвенно участвовавшие в ближневосточном конфликте, должны были определить свои позиции.

В апреле 1971 г. между Египтом и Израилем при посредничестве Вашингтона шел «торг» вокруг «частичного урегулирования», США призывали Израиль проявить «уступчивость». С этой целью американцы объявили о поставках Израилю дополнительно к запланированному 12 самолетов «Фантом». Американцы полагали, что в ответ Египет пойдет на ослабление присутствия в регионе Советского Союза ¹⁸.

Израиль категорически возражал против подписания общего соглашения, которое предусматривало вывод израильских войск со всех захваченных в 1967 г. арабских территорий. США направили усилия на подготовку сепаратного израильско-египетского соглашения.

К 1973 г. в Египте заметно активизировались оппозиционные режиму течения. При всем различии политических интересов и целей, их объединяло недовольство пассивностью руководства в деле ликвидации последствий войны 1967 года. Оппозиция высказывала опасение, что Садат может пойти на частичное урегулирование проблемы. Продолжение израильской оккупации в условиях прекращения огня, то есть состояние «ни войны, ни мира» неизбежно привело бы к осложнению отношений между Египтом и остальными странами арабского мира. «Сохранение положения “ни войны, ни мира” — самое лучшее, что можно придумать для Израиля, — писал М.Х. Хейкал. — Покончить с этим состоянием любыми путями — крайняя необходимость для арабов, если им не нравится то, чего хочет Израиль» ¹⁹.

Недовольство египтян усилилось, когда в 1972 г. Израиль приступил к созданию поселений на оккупированном Синае, и особенно в январе 1973 г. после убийства в Бейруте видных палестинских лидеров — Юсуфа Аднана и Камалья Насера — израильскими спецслужбами ²⁰.

В ходе состоявшегося еще в мае 1971 г. визита В. Роджерса в страны Ближнего Востока руководитель американского внешнеполитического ведомства пытался навязать Египту израильские условия открытия Суэцкого канала. США толкали Египет к частичному соглашению с Израилем. Использование при этом в качестве «зонтика» миссии Г. Ярринга могло бы придать такого рода договоренности международный характер. США и Израиль стремились отделить вопрос об открытии канала и заключение промежуточного соглашения от главной проблемы — полного вывода войск Израиля со всех оккупированных территорий.

В октябре 1973 г. вспыхнула очередная арабо-израильская война. 6 октября 1973 г., в священный для евреев Судный день, Израиль был внезапно атакован на всех фронтах — от Суэцкого канала до Голанских высот развернулось крупнейшее сражение.

Е. Примаков писал: «...можно утверждать, что Садат не информировал Москву о часе X начала широкомасштабных военных действий против Израиля. Это подтверждается и тем, что в первых сообщениях о начале военных действий, поступивших из Каира и Дамаска... утверждалось, будто военные действия начаты Израилем. Видимо, Садат опасался, что СССР, будучи незаинтересованным быть втянутым в острую кризисную ситуацию на Ближнем Востоке, может попытаться заблокировать запланированную военную операцию. А. Асад подчинился договоренности, ранее согласованной с Садатом, в отношении «строжайшей тайны» о подготовке операции»²¹.

Арабы объявили полный сбор исламского воинства. К Суэцкому каналу были переброшены войска из Ливии, Судана, Алжира, Туниса. На Голанских высотах на помощь Сирии были направлены иракский танковый корпус, иорданская танковая дивизия, воинские контингенты из Саудовской Аравии и Кувейта. Из Пакистана и Северной Кореи прибыли летные эскадрильи.

Арабские армии были полностью оснащены современным советским вооружением. Только за год, предшествовавший войне, Египет получил от СССР вооружения почти на 10 млрд долларов: 1260 танков Т-54/Т-55, 400 Т-62, 150 боевых машин пехоты БМП-1, 750 бронетранспортеров, сотни боевых самолетов и вертолетов.

Всего на фронте против Израиля арабы сосредоточили до 1 млн 100 тыс. солдат, около 5 тыс. танков, 1500 боевых самолетов и вертолетов и огромное количество прочей военной техники, поставленной практически бесплатно Советским Союзом²².

6 октября 1973 г. после артподготовки началось форсирование Суэцкого канала тысячами пехотинцев. В тылу израильских войск был высажен десант египетских коммандос. Когда первая волна египетских войск закрепились на израильском берегу Суэцкого канала, инженерные войска арабов навели пять понтонных переправ через канал, и к вечеру на израильском берегу уже находились войска 2-й и 3-й египетских армий, включая почти 1 тыс. танков. Попытки израильской авиации разбомбить переправы закончились неудачно²³.

Несмотря на огромное превосходство противника, израильские солдаты сумели затормозить наступление. К вечеру 6 октября египетские войска продвинулись всего на 5—6 км от канала.

Начиная с 7 октября, в войне наступил перелом, на фронт стали подходить израильские дивизии, сформированные из мобилизованных резервистов. Ключ к победе на Синае был найден на Голанских высотах. Там из-за тяжелейших потерь полностью захлебнулось сирийское наступление. В ходе ожесточенных боев сирийские войска были выбиты с ранее захваченной израильской территории. Оказавшийся в отчаянном положении сирийский президент Асад умолял египетских союзников начать наступление, чтобы ослабить израильский натиск.

Ради спасения «сирийского брата» Садат принял роковое для арабов решение атаковать израильские позиции на Синае. В завязавшемся крупнейшем со временем второй мировой войны сражении арабы понесли тяжелые потери — было уничтожено более 250 египетских танков, израильские потери составили 40 танков. Инициатива полностью перешла к израильским войскам, обладавшим огромным опытом ведения танковой войны.

К 19 октября израильские войска, уничтожая все на своем пути, глубоко проникли на египетскую территорию: они штурмовали города Суэц и Исмаилию, вышли к Порт-Саиду. Путь на Каир был открыт. У Египта уже не было войск, чтобы защитить свою столицу²⁴.

Под давлением СССР Совет Безопасности ООН 22 октября принял резолюцию № 338, предусматривавшую прекращение военных действий. Однако эта резолюция была сорвана отчаянной попыткой 3-й египетской армии вырваться из окружения. Только мощное давление на Израиль со стороны США спасло окруженную египетскую армию от полного уничтожения. Боевые действия слабой интенсивности продолжались до 18 января 1974 г., когда израильское и египетское командования подписали соглашение о разъединении войск, положившее конец войне Судного дня.

Победа Израиля на долгие годы установила статус-кво на Ближнем Востоке, продержавшийся почти 40 лет.

Положение на Ближнем Востоке стало предметом обсуждения Советом Безопасности ООН. Советский Союз считал необходимым вывод войск с оккупированных арабских территорий, тогда как США выступали лишь за прекращение огня и отвод войск на линии разграничения, существовавшие до 1973 года.

Поражение в войне ускорило принятие Египтом условий мирного урегулирования. Садат под давлением США решил пойти на сближение с Израилем. При содействии госсекретаря Г. Киссинджера в сентябре 1975 г. Израиль и Египет заключили промежуточное Синайское соглашение, по которому Израиль обязывался оставить часть оккупированной территории и отвести свои войска на 30—40 км в глубину.

Это вызвало негативную реакцию в арабском мире, особенно в Сирии и среди палестинцев, и было воспринято как выход Египта из совместного фронта борьбы против Израиля.

В середине 1977 г. к власти в Израиле пришло правительство Менахема Бегина. Министром иностранных дел стал Моше Даян. Позже Сайрус Вэнс писал, что при Менахеме Бегине стало ясно, что его коалиционное правительство блока Ликуд намеревается предъявить претензию на свой суверенитет над Западным берегом и, возможно, Газой и не согласится на вывод войск с этих территорий²⁵.

С этих позиций и начал действовать Израиль, взяв в свои руки инициативу в «игре» с Садатом, чему США не сопротивлялись. А между тем в Каир прибыл Вэнс с новой разработкой США — при сохранении израильских войск на Западном берегу осуществить переходные меры, во время которых эти территории будут находиться под контролем ООН, а затем, через несколько лет, провести плебисцит с целью определить их будущее. Эта идея «удовлетворила» Садата и израильское руководство. Так США открыли путь к израильско-египетским контактам, что для Бегина и Даяна на том этапе было самым главным.

В сентябре 1977 г. в Марокко при посредничестве короля Хасана II состоялась встреча министра иностранных дел Израиля Моше Даяна с заместителем премьера Египта Хасаном ат-Тухами, в ходе которой будущие инициативы были в основном очерчены.

Тухами считал необходимым подключить к египетско-израильскому урегулированию решение палестинской проблемы, так как в

противном случае палестинцы «откроют путь для советского проникновения в наш район». Но, главное что Даян вынес из разговора с Тухами, заключалось в том, что Садат стремился дистанцироваться от Женевской конференции и не допустить никакого участия русских в урегулировании. Что касается решения палестинской проблемы, то египетское руководство под таким решением имело в виду не создание палестинского государства, а некое согласование по палестинской проблеме для «увязывания» Западного берега с Иорданией. Но основное — это возвращение под египетский суверенитет Синая ²⁶.

Намерения Садата диктовались стремлением стать наряду с Израилем привилегированным американским партнером на Ближнем Востоке. Сотрудничество с США в деле урегулирования должно было заложить основы «особых отношений» между двумя странами. Садат был уверен, что американское посредничество — необходимое и достаточное условие для возвращения под египетский суверенитет оккупированных Израилем земель и даже для урегулирования палестинской проблемы, приемлемого для прозападных арабских режимов.

9 ноября 1977 г. Садат заявил, что ради мира он готов поехать в израильский Кнессет. Согласно официальному приглашению Бегина, 19 ноября 1977 г. Садат прибыл в Тель-Авив. Его встречали как высокого официального гостя. В речах Садата и Бегина в Кнессете фактически не содержалось ничего нового. Но факт приезда Садата в Израиль разбил психологический барьер и впервые продемонстрировал возможность открытых контактов между вовлеченными в конфликт сторонами.

С 5 по 17 сентября 1978 г. в Кэмп-Дэвиде состоялась встреча в верхах. Переговоры шли крайне трудно и неоднократно оказывались на грани срыва. До последнего момента стороны не шли на компромисс по Иерусалиму. Выход из тупика нашел Картер: он подтвердил, что США возражают против аннексии Израилем Восточного Иерусалима.

Заключенные соглашения состояли из двух документов: «Рамки мира на Ближнем Востоке» и «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем». Первый документ рассматривался как формула, способная обеспечить продолжение процесса урегулирования. В соглашение был включен план, предусматривавший создание Административного совета и введение на пять лет автономии для населения территорий. Переговоры об определении окончательного статуса Западного берега и Газы предлагалось провести между Израилем, Иорданией, Египтом и палестинцами через три года после начала переходного периода.

В соответствии со вторым документом, мирный договор с Египтом должен был быть заключен в течение трех месяцев, а его положения реализованы в период от 2-х до 3-х лет после подписания. Договор базировался на следующих принципах:

1. Вывод израильских войск с Синая, признание полного суверенитета Египта над всей территорией и демилитаризация большей части Синая.

2. Возобновление свободы навигации по Суэцкому каналу и Тиранскому проливу.

3. Полная нормализация отношений сразу после вывода израильских войск с западного Синая.

Договор был подписан 26 марта 1979 года. Он содержал также пункты, предусматривавшие тесное культурно-экономическое и политическое сотрудничество. Помимо этого, в приложениях к договору было зафиксировано обязательство Египта продавать Израилю нефть на обычных коммерческих условиях.

Таким образом, в обмен на восстановление суверенитета Египта над Синаем и обещание США выделять АРЕ 1 млрд долл. на нужды развития Садат взял на себя обязательство не препятствовать и, более того, способствовать стратегическим планам США и Израиля на Ближнем Востоке. Согласившись на мир с Израилем, Египет, фактически не мог претендовать на роль ведущей арабской державы.

В результате договора Израиль добился нейтрализации Египта и его вывода из общеарабской борьбы; внесения раскола в ряды арабских стран; признания законности существования Израиля в границах до 5 июня 1967 г.; согласия Египта не настаивать на восстановлении первоначальных границ Израиля (в соответствии с основополагающей резолюцией 181 ГА ООН 1947 г.); прорыва политико-экономической блокады Израиля со стороны арабов; признания права пользоваться Суэцким каналом и Арабским заливом.

Выход Египта из конфронтации с Израилем развязал руки израильтянам для ускорения процесса колонизации оккупированных арабских территорий посредством создания там военизированных поселений и захвата в дальнейшем новых земель.

Отношения Египта со многими арабскими странами приобрели враждебный характер, возросла зависимость страны от США в экономической и военной сферах. Надо отметить, что Кэмп-дэвидское соглашение и мирный договор Египта с Израилем фактически усилили потенциал США на Ближнем Востоке.

Политические санкции Лиги арабских государств предусматривали отзыв арабских послов из Каира, приостановку членства Египта в Лиге арабских государств, перевод штаб-квартиры Лиги из Каира в Тунис, временное исключение АРЕ из межарабских организаций и учреждений, действовавших в рамках Лиги. Было рекомендовано разорвать политические и дипломатические отношения с Египтом, добиваться его исключения из ряда международных организаций (движения неприсоединения, Организации Исламский Конгресс, Организации африканского единства) и т.д.

Но вскоре после подписания мирных соглашений стало очевидно, что Израиль не соблюдает отдельные его позиции. Так, Кнессет проголосовал за строительство новых поселений на оккупированных территориях, 30 июля 1980 г. он принял закон, объявлявший «объединенный Иерусалим» «вечной и неделимой» столицей Израиля, после чего были ускорены темпы «израилизации» восточной (арабской) части города. В декабре 1981 г. было принято решение о распространении израильских законов на район Голанских высот. Кроме того, не были реализованы положения Кэмп-дэвидского соглашения: предоставление палестинцам автономии, проведение выборов в местные органы на оккупированной территории, не был определен окончательный статус территорий Западного берега реки Иордан и сектора Газа.

Летом 1981 г., в то время, когда израильские самолеты бомбили Бейрут, Израиль и Египет в Вашингтоне подписали соглашение, по-

ложившее начало деятельности международных сил и наблюдателей на Синае. Затем произошли события, подвергшие израильско-египетские отношения серьезным испытаниям: во время военного парада 6 октября 1981 г. Садат был убит террористами. Новым президентом АРЕ был избран Мубарак ²⁷.

Наступил новый этап во взаимоотношениях Израиля с Египтом. Убийство Садата было расценено в США как серьезный удар по созданной договорной структуре. В этих условиях США, контролируя ситуацию, полагались больше на Израиль.

Одновременно наблюдалась и другая тенденция. Многие сторонники Израиля в высших эшелонах американской политической власти начинали занимать более сбалансированную позицию. Так, член палаты представителей конгресса США от штата Мичиган Д.Е. Бониор после поездки в конце 1982 г. в Ливан, Израиль, Сирию, Иорданию, Египет и Саудовскую Аравию заявил в конгрессе, что «если в прошлом я на протяжении длительного времени полностью поддерживал Израиль и голосовал за все законопроекты в его пользу, то в настоящее время я пришел к другим выводам». Вместо того, чтобы ликвидировать ООП и саму палестинскую проблему, Израиль напротив, усугубил ее разрешение и способствовал появлению многих новых сторонников палестинцев ²⁸.

Новый президент АРЕ Мубарак придерживался определенной дистанции в отношениях с Тель-Авивом. Он не принял предложение М. Бегина посетить Иерусалим, поскольку отказывался признавать его статус «столицы Израиля». Такая внешнеполитическая линия, направленная на защиту общеарабских интересов, не могла остаться незамеченной в арабских странах, что позволило Египту постепенно восстановить былой престиж в арабском мире. Египетская дипломатия настаивала на том, чтобы Израиль согласился на участие в переговорах любой палестинской организации, одобренной резолюции Совета Безопасности ООН № 242 и 338, а также вступил в контакты с умеренным крылом ООП. Израильская сторона жестко отреагировала на смену позиции Египта по ближневосточному конфликту. Бегин в «дружественных посланиях» Мубарaku неоднократно давал понять, что израильские танки могут вновь появиться у Суэцкого канала, если египетское руководство «посмеет» отойти от устраиваемого США и Израилем внешнеполитического курса, прежде всего в вопросах ближневосточного урегулирования ²⁹.

Серьезные разногласия в израильско-египетских отношениях возникли в период ливанского кризиса 1982 г., когда армия Израиля вторглась в пределы ливанской территории под предлогом обеспечения своей национальной безопасности. Используя подавляющее военное превосходство, израильская армия продвинулась далеко вглубь страны вплоть до Бейрута. Под израильской оккупацией оказалось около 40% территории Ливана.

Президент Египта потребовал от Тель-Авива немедленного прекращения военных действий и отвода войск с ливанской территории. Было решено «заморозить» отношения с израильскими властями. Переговоры по палестинской автономии были прерваны до тех пор, пока израильские войска находились в Ливане. Прекратились все контакты по линии туризма, культурных связей. Египетская печать ре-

гулярно помещала материалы с критикой политики правительства Бегина. Наконец, после резни в лагерях Сабра и Шатила в сентябре 1982 г. египетское руководство приняло решение об отзыве своего посла из Израиля, дав понять Тель-Авиву, что Каир не потерпит столь грубых нарушений прав арабских стран.

Каир выдвинул три условия «размораживания» отношений с Тель-Авивом: урегулирование вопроса о Табе; полный и безоговорочный вывод войск из Южного Ливана; согласие на полномасштабные переговоры по урегулированию палестинского вопроса с участием палестинской делегации. Эти условия были выполнены частично. Израиль пошел на уступки лишь по первому пункту. Долгое время напряженность между Египтом и Израилем вносил спор о приграничной территории Таба (площадью около 1 кв. км). По Кэмп-дэвидским соглашениям эта область должна была отойти к Египту, но израильское руководство отказывалось от ее передачи. С апреля 1982 г. по сентябрь 1986 г. состоялось четыре раунда переговоров по Табе с участием экспертов США. Однако они не привели к достижению ощутимого прогресса в урегулировании проблемы.

К тому же в октябре 1985 г. в израильско-египетских отношениях возник новый пик напряженности после двух инцидентов — убийства в Каире израильского дипломата, а также группы израильских туристов на Синае египетским пограничником. Дело о теракте было использовано египетскими фундаменталистами для раздувания антиизраильских настроений в Египте.

Хосни Мубарак направил усилия на исправление того, что было сделано его предшественником. Он стремился доказать, что Кэмп-дэвидские соглашения отнюдь не парализовали Египет. Что касается США, то отношения с ними в значительной мере были сбалансированы и стали более сдержанными. Президент неоднократно отмежевывался от США, например, после американской агрессии против Ливана в 1986 году³⁰. Вместе с тем усилия Вашингтона заставили Каир пойти на нормализацию отношений с Тель-Авивом.

Под нажимом США в сентябре 1986 г. Мубарак встретился в Александрии с премьер-министром Израиля Ш. Пересом. Это были первые контакты высшего руководства двух стран с августа 1981 года. На этой встрече стоял вопрос о Табе. Также израильский премьер-министр дал обещание обдумать вопрос о международной конференции по Ближнему Востоку, созыва которой давно добивался Каир. В ответ на это египетское руководство решило вернуть в Тель-Авив своего посла, отозванного во время ливанского кризиса 1982 года. В мае 1987 г. Израиль и Египет представили комиссии свои аргументы, доказывавшие право на владение спорной территорией. Однако достичь компромисса не удалось. Также был отвергнут американский план, по которому территория Табы становилась частью Египта, а Израиль имел бы доступ к этой зоне. Вопрос о Табе рассматривался еще около двух лет, прежде чем было найдено приемлемое решение, удовлетворившее обе стороны. 28 сентября 1988 г. были подтверждены юридические и исторические права Египта на спорную территорию. Ее окончательный переход под юрисдикцию Египта состоялся в марте 1989 года.

Одновременно Египет перешел к реальным политическим действиям. Он начал прилагать активные дипломатические усилия по

оформлению единой позиции арабских государств в отношении ближневосточного урегулирования. Позиция Египта при этом была основана на нескольких принципах. Во-первых, — на принципе международной законности, отраженном в резолюциях № 242 и 338 Совета Безопасности ООН. Во-вторых, — приверженности тезису «земли в обмен на мир». В-третьих, Египет считал, что палестинцы имеют право участвовать в мирных переговорах и самостоятельно определять своих представителей на них. Кроме того, строительство израильских поселений на оккупированных арабских землях должно быть прекращено.

Потеряв инициативу в связи с начавшимся диалогом США с ООП, израильское правительство поспешило выдвинуть собственные предложения по ближневосточному урегулированию, которые премьер-министр И. Шамир должен был представить Вашингтону во время визита в США в марте 1989 года. В документе, получившем наименование «план Шамира» использовалась кэмп-дэвидская модель проведения выборов на оккупированных территориях и предоставления палестинцам внутреннего самоуправления. План предусматривал следующие мероприятия: выборы десяти палестинских представителей для израильско-палестинских переговоров относительно трехлетнего промежуточного периода самоуправления; переговоры с Египтом, Иорданией и палестинцами об окончательном статусе Западного берега и Газы. План Шамира был одобрен Кнессетом 14 мая 1989 года ³¹.

Таким образом, Шамир исключал возможность участия ООП в мирных переговорах. Израильский план обходил вопрос голосования палестинцев, проживавших в Восточном Иерусалиме. В нем отсутствовало определение принципа окончательного урегулирования и установления мира в обмен на возврат захваченных арабских территорий. Шамир высказывался против создания палестинского государства, опасаясь, что оно может стать плацдармом, используемым террористами против Израиля. В то же время он говорил о приверженности Израиля резолюций 242 и 338 СБ ООН.

Отношения Израиля и Египта прошли значительную эволюцию. В конце 1970-х и 1980-х гг. их состояние можно охарактеризовать как «холодный мир». Израиль, заключив сепаратный договор с Египтом, укрепил свое положение на Ближнем Востоке. Чисто египетский национализм Садата привел к тому, что на первом этапе были резко ослаблены переговорные позиции палестинцев и сирийцев. Хотя Египет оказался в изоляции в арабском мире, тем не менее, приход к власти Мубарака и поддержка последним палестинского движения сопротивления и ООП фактически сделали Египет посредником в деле урегулирования ближневосточного конфликта. Мирное сосуществование Израиля с Египтом на протяжении нескольких десятилетий может служить примером для других арабских стран на пути признания ими Израиля как еврейского государства.

Примечания

1. <http://www.jafi.org/nr/exeres/97014ca3-2333-48bl-933f-e703f05304da>.
2. Там же.
3. <http://conflictologistnarod.ru/aris56.html>.

4. <http://www.israelion.com/history/index.shtml?44>.
5. <http://conflictologist.narod.ru/aris56.html>.
6. Там же.
7. <http://www.jafi.org/nr/exeres/97014ea3-2333-48b1-933f-e703f05304da>.
8. Там же.
9. <http://chekist.ru/article/1025>.
10. Там же.
11. <http://www.eleven.co.il/article/14808>.
12. Там же.
13. Там же.
14. <http://www.jafi.org/nr/exeres/97014ea3-2333-48b1-933f-e703f05304da>.
15. СУЛТАНОВ Г.Н. Советско-египетские политические отношения и проблема урегулирования ближневосточного конфликта в 70-е годы. Дисс. канд. ист. наук. М. 1989, с. 30—31.
16. КНЯЗЕВ А.Т. Египет после Насера. 1970—1981 М. 1986, с. 53
17. СУЛТАНОВ Г.Н. Ук. соч., с. 44.
18. Там же, с. 63.
19. КНЯЗЕВ А.Т. Ук. соч., с. 56.
20. Там же, с. 57.
21. ПРИМАКОВ Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). М. 2012, с. 151—152.
22. ШУЛЬМАН А. Война Судного дня. Победа, навсегда изменившая Ближний Восток. — Алеф. 8.IV.2011, с. 18.
23. Там же, с. 19
24. Алеф. 9.V.2014, с. 19.
25. Цит. по: ПРИМАКОВ Е.М. Ук. соч., с. 173.
26. Там же, с. 177.
27. http://knowledge.allbest.ru/inter-national/2c0b65625b2ad78b5d53b88521316c37_0.html.
28. СЫЧЁВ В. США и мусульманский мир. Душанбе. 1989, с. 75.
29. http://knowledge.allbest.ru/international/2c0b65625b2ad78b5d53b88521316c37_0.html.
30. Arabi;/Paris, September 1990.
31. ПАНКРАТЪЕВ В.П. Арабо-израильские отношения в контексте ближневосточного конфликта в 1980—1990-е годы. М. 2009, ч. 1, с. 57.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Нижегородская центральная пересыльная тюрьма в 1860—1880-х гг.

Л.Ю. Варенцова, С.Ю. Варенцов

Понятие «тюрьма», «острог» в представлении общества влечет за собой и понятие «наказание» — возмездие за совершенные преступления и проступки ¹. Заключение в острог — тяжелая кара для свободного человека, потому что острог отнимает у него свободу, обезличивает его и подводит под общий термин «арестанта». Испокон веку народ боялся тюрьмы, сторонился этих прочных зданий с их железными решетками, каменными оградами, часовыми и цепями ².

В некоторых крупных городах Российской империи создавались пересыльные тюрьмы ³. Они относились к числу центральных, наряду с каторжными и арестантскими отделениями ⁴. Карательные мероприятия, направленные против революционеров в 1860—1880-х гг., вызвали потребность в создании крупных тюрем, находившихся в центральном подчинении, в ведении Министерства внутренних дел — «централов» ⁵.

В конце 1860-х гг. в России насчитывалось 7 центральных пересыльных тюрем. Их подразделяли на две категории: 1) с численностью арестантов свыше 1000 человек; 2) менее 1000 осужденных. К первой категории относились пересыльные тюрьмы в Москве и Томске ⁶. Крупнейшей из которых называли Бутырскую в Москве ⁷. Ко второй категории относились тюрьмы в Нижнем Новгороде, Орле, Казани, Перми и Тюмени ⁸.

К 1879 г. в России открылись пересыльные тюрьмы в Харькове, Санкт-Петербурге, Вильно, Красноярске, Иркутске, всего — 12 ⁹. Они создавались для размещения пересылаемых по разным путям арестантов, главным образом, в Сибирь. В губернском городе Нижнем Новгороде — крупном промышленном центре, торговой столице России, расположенном на слиянии рек Оки и Волги, являвшем собой начало Нижегородско-Тюменского ссыльного тракта, а в связи с открытием Московско-Нижегородской железной дороги в 1862 г. — и железнодорожном узле, безусловно, предполагалось наличие пересыльной тюрьмы.

Пересыльная тюрьма во многом отличалась от тюремного замка. Для нее были характерны многочисленность и переменность состава арестантов. В ней

Варенцова Лариса Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент Нижегородской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; *Варенцов Сергей Юрьевич* — сотрудник уголовно-исполнительной системы.

еще меньше удобств, чем в обычной тюрьме, еще больше скученности и тесноты. Широкие дворы и огромные палаты наполнены отвратительным кандалным лязгом со стороны каторжников и ссыльных, собранных со всех концов России. В «семейных камерах» — обширных общих палатах с нарами посередине и узкими проходами по бочкам, помещались женщины и дети. Это были пересыльные семьи, которые следовали за своими отцами, мужьями, братьями. Здесь были дети всех возрастов — от грудных младенцев до подростков¹⁰.

По мнению П.А. Кропоткина, побывавшего в российских и европейских тюрьмах в конце XIX столетия, «тюремное заключение в российских тюрьмах, особенно в центральных, было самым страшным». «Чтобы еще больше привести молодежь в отчаяние, осужденных на каторгу не отправляли прямо в Сибирь, их держали по нескольку лет в “центральных” тюрьмах, в сравнении с которыми даже сибирские рудники казались завидными»¹¹.

Здание центральной пересыльной тюрьмы в Нижнем Новгороде размещалось за Казанской заставой¹². При Нижегородском «центrale» имелось 6 будок для защиты часовых военного ведомства¹³. Над воротами висела небольшая черная табличка: «Пересыльный замок»¹⁴.

Согласно указу императора Александра II от 18 октября 1868 г., во все пересыльные тюрьмы полагалось по одному смотрителю. В наиболее крупных пересыльных тюрьмах смотритель имел годовой оклад 750 руб. (X класс должности), а в тюрьмах второй категории — 500 руб. (XII класс). Они определялись и увольнялись по усмотрению начальников губернии¹⁵. В 1880 г. на службе в Нижегородском «центrale» состояло 14 чел.: смотритель и 13 надзирателей. Смотрителю тюрьмы капитану Е.А. Мурашкинскому платили 500 руб. в год.

На каждые 30 арестантов пересыльной тюрьмы приходилось по одному надзирателю. На каждый десяток надзирателей — по одному старшему надзирателю. Они набирались из числа отставных нижних воинских чинов, а в случае недостатка — из других лиц, но обязательно начальниками губерний, по представлению смотрителей тюрем. Обязанности и ответственность по службе смотрителей и надзирателей определялись теми же правилами, что и служащих городских тюрем. Отчетность по содержанию арестантов, письмоводство вели грамотные надзиратели. Надзирателю пересыльной тюрьмы устанавливалось годовое содержание в 100, а старшему надзирателю — в 120 рублей¹⁶. В 1880 г. старшими надзирателями в Нижегородском центrale были Д. Перепеловский и Д. Григорьев. Ежегодно штат Нижегородской центральной пересыльной тюрьмы обходился государству в 1840 рублей¹⁷.

В фонде 388 «Нижегородская центральная пересыльная тюрьма» ЦАНО сохранилась делопроизводственная документация за 1864—1880 гг., всего 29 дел. Это статейные списки политических заключенных, в том числе подсудимых польских мятежников, отчеты администрации об израсходовании средств на довольствие ссыльных и пересыльных арестантов.

В отчетах значится, что заключенные делились на представителей привилегированного сословия, иноверцев и «довольствующихся из котла» — всех остальных¹⁸.

Питание среднестатистического заключенного стоило 6 коп. в день, в то время как кормовое довольствие заключенных в обычных тюрьмах Нижегородской губернии составляло 10 копеек¹⁹. Только иноверцам и малолетним детям выделялось по 10 коп. на питание ежедневно. Лицам привилегированного сословия полагалось по 15 коп. в день. Нередко кроме пищи им доплачивались и деньги. В отчете за 1875 г. читаем: «Выдано на руки одному дворянину вдобавок порции 5 копеек»²⁰. Верующих арестантов в дни Великого поста отправляли в Нижегородский тюремный замок для говенья²¹.

В пересыльной тюрьме предусматривалась постоянная текучесть арестантов. Неслучайно ее называли «этапный дом»²². В 1860—1880-е гг. одновременно в стенах Нижегородской центральной пересыльной тюрьмы находилось от 30 до 340 человек. В январе 1876 г. здесь зафиксировано 266 чел., из них 243 — ссыльных, 23 — пересыльных. Прибывали арестанты из Москвы и Санкт-Петербурга. Доставлялись они из таких губерний как Московская и Санкт-Петербургская, Волынская, Витебская, Костромская, Вологодская, Архангельская, Ярославская²³.

Среди политических преступников в Нижегородскую центральную пересыльную тюрьму прибывали участники польского мятежа 1863 года.

Одним из проявлений революционной борьбы в России было усиление национально-освободительного движения в Польше. В ходе восстания определились две основные политические силы: во-первых, демократические элементы (буржуазия и шляхта, часть дворянской интеллигенции, рабочие, ремесленники), настроения которых выражала партия «красных», во-вторых, польская аристократия (земельные магнаты и крупная буржуазия) — партия «белых». «Красные» опирались на революционно настроенную городскую молодежь и ставили своей целью связать борьбу за освобождение Польши с борьбой за интересы крестьянства. Они же требовали восстановить Польшу в границах 1772 г., вернуть в состав независимой Польши Литву, Белоруссию, Правобережную Украину — области, населенные другими народами. Партия «белых», относившаяся враждебно к постановке крестьянского вопроса, связывала восстановление независимой Польши не с всенародным движением, а с различными дипломатическими комбинациями. «Белые» надеялись на помощь Франции и Англии, стремясь использовать «польский вопрос» для собственных политических целей, главным образом, для ослабления России.

Правительство России бросило на подавление восстания в Польше до 100 тыс. чел. и подавило мятежников. Репрессиями и уступками Россия пыталась навести порядок в бунтующих районах. В указе правительствующего сената 1863 г. значилось: «Мятеж, давно уже скрыто подготавливавшийся, и, наконец, вспыхнувший в Царстве Польском, повлек за собою беспорядки и в некоторых частях Западного края империи. Тайные руководители возбуждаемого против нашего Правительства движения, упорно противодействуя осуществлению благих намерений наших по устройству дел Царства, стремились увеличить встречаемые нами в том затруднения посредством расширения преступных замыслов и своего зловредного влияния. В этих видах они давно усиливались поколебать в обывателях Западных губерний верноподданнической нам преданности»²⁴.

В статейных тюремных списках Нижегородской центральной пересыльной тюрьмы значатся те, кто непосредственно с оружием в руках действовал против российских войск, либо содействовал мятежникам, либо был членом мятежнических шаек. Каждому из них дается краткая характеристика. Например: «Политический преступник Станислав Ранковский, выслан из Варшавы в Нижегородскую арестантскую роту гражданского ведомства в 57 партии ссыльных 1.07.1865 года. Из Люблинской губернии, из дворян, за участие в мятеже. Снабжен казенной одеждой — пальто, шаровары, 2 рубахи, сапоги, фуражка, ранец»²⁵. Некоторые польские мятежники осуждались по Высочайшему повелению в г. Владимире комиссией военного суда, затем ссылались в Казанскую, Пензенскую, Нижегородскую арестантские роты на срок от 2 до 4 лет. В зимнее время до Нижнего Новгорода их препровождали по снежной дороге. В Нижегородской центральной пересыльной тюрьме они получали временную передышку, а затем следовали этапным порядком. Часть из них отправлялась на государственные работы на железную дорогу²⁶.

Согласно распоряжению инспектора Нижегородско-Тюменского ссыльного тракта от 30 марта 1878 г., арестантов привозили и по железной дороге. Партии поставлялись в Нижний Новгород каждый вторник, а отправлялись из Нижегородской пересыльной тюрьмы по средам. Арестантские партии покидали Нижегородский «централ» не ранее 12 час. пополудни, перед отправлением получали горячую пищу²⁷.

Из Нижегородской губернии преступники, осужденные к ссылке в отдаленные места, кроме сибирских, ссылались, как правило, в Самарскую губернию. По особому расписанию они пополняли арестантские партии из Бессарабской области, Волынской и Екатеринославской, Киевской и Курской, Харьковской и Пензенской, Олонецкой и Подольской, Воронежской и Калужской, Тамбовской и Черниговской губерний²⁸.

В 1869 г. расходы Министерства внутренних дел только на территории Нижегородской губернии по препровождению преступников по главным путям империи составили 15 854 руб. 2 ... копейки. Из этой суммы на наем помещений ушло 269 руб. 85 коп., на расходы по этапам — 4053 руб. 74 коп., на содержание подвод при этапах и по перевозке арестантов — 6384 руб., на содержание тюремных помещений и офицерского корпуса — 5146 руб. 43 ... копейки²⁹.

В 1877 г. смотритель Нижегородской центральной пересыльной тюрьмы подал в Нижегородское губернское правление рапорт, согласно которому, на ремонт тюремного здания требовалось приблизительно 650 рублей. Нижегородское губернское правление объявило торги по поводу взятия подряда на ремонт здания Нижегородского «централя» по смете на сумму 545 руб. 47 копек. Участники торгов приглашались в день торга 18 июля 1877 г. к 11 час. в губернское правление. «Потребные для работ рабочие люди должны быть здорового и сильного телосложения, опытные, и совершенно сведущие в своем ремесле»³⁰, — говорилось в кондициях. Тщательно подбирались и строительные материалы для ремонта: «красный кирпич, узаконенной меры, правильной формы, с прямыми необломанными углами, свежегашеная известь, чистый песок, глина для кладки печей, не очень жирная, бревна и прочие лесные материалы сосновые». Подрядчиком стал купец И.И. Гноушев³¹. В его распоряжении находилась артель рабочих из семи человек, среди которых имелись профессиональные каменщики, мостовщики, печники, плотники, столяры, кровельщики, кузнецы и маляры.

18 октября 1883 г. Государственный совет постановил упразднить Нижегородскую и Орловскую пересыльные тюрьмы³². Их здания отдавались местным тюрьмам. Для заведования данными помещениями учредили две должности помощников смотрителя, назначив соответствующее жалование, служебные права и преимущества, существующие по закону. Смотрителей данных учреждений, если они не получали других назначений, оставляли за штатом. В связи с упразднением пересыльных тюрем в Нижнем Новгороде и Орле, усиливалась нагрузка на губернские тюрьмы. В каждую из них дополнительно назначалось по 2 старших и 12 младших надзирателей³³.

Таким образом, в 1860—1880-е гг. Нижегородская центральная пересыльная тюрьма являлась важной составляющей пенитенциарной системы России, осуществляя карательные функции по отношению к политическим преступникам.

Примечания

1. РЕВА И.М. Русская тюрьма и ее жизнь. — Юридический вестник. Т. XIX. М. 1885, кн. 1, с. 120.
2. Там же, с. 120.

3. ЕРОШКИН Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.1983, с. 177.
4. ГОГЕЛЬ С.К. Арестантский труд в русских и иностранных тюрьмах. М. 1897, с. 44.
5. ЕРОШКИН Н.П. Ук. соч., с. 230.
6. ПСЗРИ. Собр. 2-е, т. 43, отд. 3-е, 1868, приложения. СПб. 1873, с. 861.
7. ЕРОШКИН Н.П. Ук. соч., с. 177.
8. ПСЗРИ, с. 861.
9. Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления 1879—1889 гг. СПб. 1890, с. 85.
10. МУРАВЬЁВ Н.В. Наши тюрьмы и тюремный вопрос. — Русский вестник. М. 1878, апрель (№ 4), т. 134, с. 513.
11. ИСАЕВА Т.Б. Пётр Кропоткин о тюремном наказании. — Российский следователь. 2008, № 4, с. 39.
12. Сборник статистических и справочных сведений по Нижегородской губернии 1880 г. Издание Нижегородского губернского статистического комитета. Н. Новгород. 1880, с. 7.
13. Центральный архив Нижегородской области (ЦА НО), ф. 5, оп. 1, д. 656, л. 1.
14. ЛИНЁВ Д.А. В пересыльной тюрьме. СПб. 1880, с. 1.
15. ПСЗРИ, с. 861.
16. Там же.
17. ЦА НО, ф. 388, оп. 1, д. 28, л. 4.
18. Там же, д. 18, л. 1об.
19. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 455, л. 104.
20. Там же, ф. 388, оп. 1, д. 18, л. 9об.
21. Там же, д. 21, л. 32об.
22. ДАВЫДОВ А.И. Из истории Нижегородского острога (в связи с его реставрацией). — Записки краеведов. Горький. 1988, с. 135.
23. ЦА НО, ф. 5, оп. 1, д. 595, л. 1—1об.
24. Указы Правительствующего Сената. О Всемилостивейшем даровании полного и совершенного прощения тем обывателям Западных губерний, вовлеченных в возникшие в них беспорядки, которые не подлежат ответственности за иные уголовные преступления, возвратятся к долгу повиновения до 1 мая 1863 г. — Нижегородские губернские ведомости. Часть официальная, 1863, № 17, с. 95—96.
25. ЦА НО, ф. 388, оп. 1, д. 2, л. 15—15об.
26. Там же, д. 1, л. 3об.
27. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 662, л. 214об.
28. Там же, д. 455, л. 15, 48.
29. Там же, д. 656, л. 3.
30. Там же, л. 45.
31. Там же, л. 45, 80.
32. ПСЗРИ. Собр. 3-е. 1883. Т. 3. СПб. 1886, с. 420.
33. Там же, с. 420—421.

Рабочие российских губерний на строительстве Кронштадта

Н.Р. Славнитский

Как известно, в начале 1712 г. у Петра I появилась идея перенести столицу на остров Котлин, где к тому времени уже были возведены укрепления — форт Кроншлот, батареи, крепость святого Александра. Кроме того, Кронштадт являлся основной базой Балтийского флота и становился главным морским портом страны. Поэтому неизбежно вставал вопрос о возведении новых гаваней и укреплений, а также постройке жилых домов для офицеров флота и мастеров.

Поручено это было британскому капитану Э. Лейну. Английский посланник Ч. Витворт писал в то время: «Я не раз упоминал об острове Рычарде или Котлине. В нем около пяти английских миль в длину, в ширину же, в большинстве мест, две или три мили; он расположен в углу Финского залива и узлах в трех от материка в каждую сторону. Пролив между островом и финским берегом довольно глубок; но подводные камни в нем так часты, что в него не решается войти ни одно судно; широкий пролив, омывающий ингерманландский берег, имеет почти повсеместно от семи до 8 фут глубины, самое же глубокое его место достигает 14 фут; он выходит к Кроншлоту, стоящему не менее чем в английской миле от острова, образуя узкий канал, достаточно глубокий даже для прохода военных кораблей. Многие пункты острова снабжены батареями для защиты этого прохода и на треть его, на глубине 24 фута, выдвинут широкий мол, который предложено хорошо снабдить пушками; он ляжет в основание гавани, предназначенной для русского флота. Заведывание этими работами поручено капитану Лейну, англичанину, преподававшему навигацию на “Вульвиче” и оставленному в России несколько лет тому назад. Прочие же сведения, нужные для построек такого рода, он приобрел, вероятно, уже здесь. Для укрепления свай он употребляет большие ящики, наполненные камнем и говорил мне, что работы хватит еще лет на семь и больше. А так как таскать корабли ежегодно взад и вперед в косе в устье реки неудобно, он пока устраивает временную стоянку за молотом, где корабли могли бы укрыться от ветра, льда и внезапных нападений неприятеля, и думает окончить ее уже к будущей зиме»¹.

Славнитский Николай Равильевич — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Государственного музея истории СПб.

Для реализации столь масштабного проекта, разумеется, нужны были люди, и 16 января 1712 г. появился указ царя: «Для строения на Котлине острове фортеций и жилья положить на все губернии ныне 3000 человек и чтоб губернаторы здесь держали по 2 человека непрременных надзирателей, и чтоб сию работу начать во имя господне сего лета; сим работникам быть 3000 летом, а зимою вполы.

Объявить шляхетским 1000 домам, купецким лучшим 500, средним же 500, рукомышленных всяких дел 1000 домам (из которых половина те, которые заводы имеют, яко кожевники и прочие), что им жить на Котлине острове по скончании сей войны, и даны им будут дворы готовые за их деньги, а шляхетству дворы и земли под деревни (последнее без денег) и кой час будет даст бог мир, тотчас будут переведены, и для того сказывают заранее, чтобы никто неведением не отговаривался; и для того кто хочет чтобы на первый приезд в Петербург строили себе некоторое строение и сей выбор людям надлежит без поманки выдать под потерянием живота, чести и пожитков кто недостойных в сей перевод напишет»².

Этот указ хорошо известен в отечественной историографии, но хотелось бы обратить внимание на существенную деталь, которой не всегда уделяется должное внимание (отметим, что на нее обратил внимание Е.В. Анисимов³). Как видно из второго абзаца, переселение купцов и ремесленников предполагалось после заключения мира со Швецией (переговоры в то время велись, и надежды на скорое окончание войны были вполне обоснованными), однако война продолжалась еще 9 лет, и именно это, скорее всего, и похоронило идею Петра I о переносе столицы.

А вот возведение новых укреплений и гаваней было безотлагательным делом, поэтому царь и потребовал прислать на Котлин столь большое количество людей. И снова необходимо обратить внимание, что работники присылались не столько для строительства Санкт-Петербурга, сколько для возведения укреплений Кронштадта. Именно их в то время строила, по сути дела, вся страна.

Однако следует иметь в виду, что с присылкой работников дело затянулось. В частности, К.И. Крюйс отмечал в донесении к Ф.М. Апраксину, что «Государь обещал дать 2000 рабочих, а их больше 1200 и не было, а многие из посохи (крестьян) и арестантов умирают и их не заменяют»⁴. Участие работников, присланных из губерний, фиксируется только с 1715—1716 годов.

Причем, как видно из письма Крюйса, задействованы были не только рабочие, но и арестанты. Это подтверждается и другими документами. Более того, в источниках зафиксировано, что для работы были привлечены солдаты полка Чемесова и Белозерского полка, а также каторжники. Использовались они, естественно, на таких работах, где не было необходимости в квалифицированном труде.

Из донесений Лейна за 1714 г. видно, что они выполняли следующее: «перенесено и положено в новые в 202 сваи, и опущено в воду а имянно в 5 струбов 106 венцов, да на те же старые струбыв нарублено вновь прошлых недель 19 венцов да нынешней недели перенесенные досталные 12 венцов, да на те же 12 венцов нарублено 4 венца; всего прошлых и нынешней недели тех венцов нарублено 23 венца, да для укрепления караблей прошлых недель каторжными неволниками и арестантами побито косых 130 свай, да нынешней недели 17, итого 147 свай, да прошлых недель полковыми и адмиралтейскими лошадми також которые взяты от поручика Пасынкова свезено з берегу камня и положен в перенесенные струбыв 58 сажен да нынешней недели досталные рязанского полку салдат 8 сажен, да нынешней недели, на тех же лошадях их вывозили на корабли для грузу с берегу балласт»⁵.

Работных людей в то время было 119 чел., из них «ходят на работу 75, больных — 44. Арестантов — 98 работающих, 130 больных, каторжных, соответственно, 73 и 109». Всего же в распоряжении Лейна было 529 чел., из которых 246 здоровых и 283 больных ⁶.

К зиме их количество, естественно, уменьшилось. В то время насчитывалось: «Работных людей — на работе 46, больных 25

Арестантов — 140/243

Каторжных — 102/76

Итого — 288/344

Всего на работе и больных 632 человека» ⁷.

А к 1715 г. были готовы и более точные планы новых укреплений. Во-первых, было принято решение перестроить форт Кроншлот, а во-вторых, построить две гавани — Военную и Купеческую (первая из них предназначалась для военных кораблей, вторая — для торговых), причем обе гавани предполагалось усилить «больверками», то есть они тоже становились частью системы обороны острова Котлин. И именно возведение гаваней легло на плечи людей, присланных из губерний.

11 марта 1715 г. Лейн доложил Ф.М. Апраксину: «Объявляю вашему сиятельству: Кроншлот как строить надлежит на берегу размерял и тычки поставил и лес к тому месту притаскан, а зачата будет работа завтрашнего числа. И при сем письме послал чертеж; где будет зачата работа на том чертеже написано желтою краскою, а к той работе надобно 400 лошадей и чтоб те лошади были присланы скорее как возможно, того ради, что камень который сбиран на груз, лежит от берегу в лесу в дальнем расстоянии, а оным лошадям работы только будет в январе и феврале месяцах, того ради что близ Кроншлота лед зело живет тонок и скоро пропадает; и чтоб та наша работа к тому числу была управлена» ⁸.

В декабре 1715 г. именным указом предписывалось «работу города Петербурга, також к Черкасскому для заводов и гавань у Кроншлота разделить на губернии по долям, а именно по 100 доль к гавани, а достальные к Черкасскому городу, а петербургские к мелочным делам, а когда гавань отделается, тогда и те 100 доль разделить к городскому делу (кроме петербургской губернии), а гавань чтоб будущею зимою, то есть в 1716 г. конечно все сделать, которого мера и с больверками» ⁹.

Столь большой объем запланированных работ был связан еще и с опасением нападения шведов на Кронштадт после того, как они потеряли всю территорию Германии. Этого тогда не произошло, но работы затянулись по другим причинам — рабочие из губерний прибыли далеко не сразу.

В декабре 1715 г. предыдущий указ царя (1712 г.) был конкретизирован. Предполагалось прислать в Кронштадт 31 486 чел. из 5 губерний: Московской, Архангелогородской, Казанской, Нижегородской и Азовской ¹⁰, а также 3114 чел. из Сибирской губернии. На самом деле людей прибыло значительно меньше.

В августе и сентябре они занимались тем, что рубили лес и добывали камни в окрестностях Санкт-Петербурга: москвичи работали на выборгской стороне, казанцы и нижегородцы — на Черной речке, а люди из Азовской губернии — непосредственно на Котлине. Архангельские рабочие рубили лес на берегах реки Сестры ¹¹. Лес также заготавливали «подрядом», но он оказался негодным.

В декабре работники Азовской губернии начали рубить срубы непосредственно на берегу, то есть началось строительство гавани ¹². При этом Лейн отмечал, что «прочих губерний в той гаванной работе еще работных людей и лесу по сие число не явилось» ¹³, но это понятно, поскольку они находились

дальше от острова, чем азовцы. Москвичи и казанцы начали привозить лес на Котлин 30 декабря, а рабочие из Нижегородской, Сибирской и Архангельской губерний включились в работу в следующем году, причем архангельские — лишь в октябре 1717 года ¹⁴.

21 января 1717 г., по донесению Лейна Ф.М. Апраксину, было задействовано: из Московской губернии — 267 чел., Казанской — 30, Азовской — 45 человек. Итого у гавани работало 342 человека ¹⁵.

К лету 1717 г. рабочие, по донесению капитана Лейна, сделали следующее: «Казанской губернии нарубают выше и камень доваживают.

Азовской губернии как зимою же срублено и ныне в том состоит и не работают.

Московской губернии оной же гавани сделано на 70 сажен и при оном ныне на работе никого нет людей, також на Котлином острове прошлой зимы рубить зачали 1 бастион и срублено 2 венца, а на Лисьем носу изготовлено оной же губернии лесу бревен с 2000.

Сибирской губернии на острове же прошлой зимы гавань дорубают 4-й венец, а лесу больше нет.

Нижегородской губернии к новой гавани на острове рубят ящики 50 человек, и лесу у них больше 70 венцов не будет.

Архангелогородской губернии при Котлином острове лес и работных людей ни чего нет.

К пристройке старой гавани по расположению от губерний с доль.

Казанской губернии лес весь в ящики срублен и камень положенное число навожен.

Азовской, нижегородской сибирской, архангельской губерний лес весь свожен и срублен в ящики.

Московской губернии лесу недовезено 896 бревен, чем надобно нарубить выше и мост намостить где будут поставлены пушки.

А камня в полное число не привезено же с помянутых губерний кроме казанской» ¹⁶.

1 августа Лейн доложил А.Д. Меншикову, что «казанской губернии определенная на их губернию гавань сделана, також азовской губернии срублено и ныне выше нарубают и камень догружают; московской только сделано на 70 сажен, а выше не нарубают и камень для грузу не возят, да на берегу зимою срублено больверка 2 венца.

Сибирской губернии срублено на берегу же 4 венца гавани. Нижегородской 6 венцов, а больше лесу у них нет. Архангельской в привозе ни одного бревна нет же.

Пушечных станков сделано 100, под оные станки сделано саней 91, а сибирской губернии не сделано саней 9-ти; оных станков оковано 62.

В гавани 2 амбара покрыты черепицею» ¹⁷.

Сохранились также сведения о том, какие работы были выполнены осенью 1717 года. Рабочие Московской губернии: «На Котлине острове и на Лисьем носу и за Сестрою рекою лесу в указную меру годного 2910 бревен; не в указную меру, ниже фута, соснового и негодного елового 7422 бревна, камня 5112 сажен.

У заготовки лесов работных людей было ноября по 12 число 328 человек, заготавливали к рубке больверка лес, а ноября с 12 по 24 число прибыло вновь работных людей 1183 человека, итого 1811 человек...».

Люди, присланные из Архангельской губернии, приготовили на реке Сестре и отправили к Кронштадту 37 156 бревен, а также набрали на Толбухиной косе 3000 сажен камней. При этом осталось невыполненным: доставка 2728 сажен камня (план по доставке бревен был выполнен полностью) ¹⁸.

Из Нижегородской губернии: «На Котлине острове в гавань ящиков срублено 8 венцов.

На Котлине острове, на реке Ине и на Лисьем носу в готовности лесу свайного 1280 бревен, 5 и 4-саженного 9180 бревен.

Камня на Котлине острове к тому гаванному делу изготовлено 1480 сажен»¹⁹.

Из Казанской губернии: «В прошлом 716 г. прислано из губернии рабочих людей с мая по август 763 человека, во вторую половину с августа по ноябрь 544 чел., оным рабочим людям давалось кормовых денег по рублю на месяц человеку, а по 3 месяцах оные рабочие люди отпускаваны в губернию. А почему оные работники с подмогою в губернии становятся, о том неведомо. И вышепомянутыми людьми изготовлено к гаванному строению лесу 1000 бревен, из того числа перевезено того ж лета 1000 бревен; да они ж рабочими людьми построено на Котлин острове 8 казарм для бытности губернских рабочих людей, да на Черной речке 2 казармы, а достальной гаванный лес 9000 бревен подрядился поставить на Котлин остров подрядчик»²⁰.

Людьми из Азовской губернии с 1716 по 1 января 1718 г. было: «срублено ящиков и опущено в воду, длиною против раскладки сполна на 167 саженях, 167 ящиков, и около оной гавани побиты сваи. И из оных ящиков нагружено камнем во исполненную мерю 46, а остаточные 126 ящиков нагружены по воду на мосты»²¹.

Последний документ интересен тем, что в нем указано количество людей, принимавших участие в работах, а также приведены общие сведения об их деятельности. В то же время необходимо учитывать, что это отчет, и в нем составители постарались изложить все гладко. А вот из приведенных выше донесений Лейна мы видим, что все было не так просто — и работники прибывали неравномерно, и с доставкой материалов возникали сложности.

Более того, из донесения коменданта Кронштадта В.И. Порошина губернатору Меншикову в феврале 1718 г. известно, что к строительным работам приходилось привлекать и солдат гарнизона²². Тогда подобное еще не являлось распространенной практикой, и Лейн стал одним из «первопроходцев» в этом.

В то же время в апреле того же года оказалось, что рабочие люди, определенные «к гаванному строению», временно оказались без дела, и их было решено на некоторое время отправить в Петергоф «к строению канала и прочих работ»²³.

Отметим, что условия труда на Котлине были, мягко говоря, не самыми хорошими. Еще в ноябре 1717 г. надзор за присланными рабочими и их содержанием был поручен сенатору М.М. Самарину (Лейн с этого времени сосредоточился на выполнении функций инженера), и царь писал ему: «Понеже я слышал, что при гаванной работе посоха без призрения, а особливо больные, что по улицам мертвые валялись, а от больных и ныне остаток вижу — милостыни просят, и понеже над сим делом велено тебе надсматривать, того ради как по первому указу трудись дело гаванное сей зимы к совершению привести всеконечно, так и сего смотри, дабы люди не были презрены, и такого бы немилосердия от презрения не было»²⁴.

К октябрю 1718 г. рабочие сделали следующее:

«Московской губернии.

Гавань 70 сажен в отделке совсем, да гавани ж на 127 саженях надлежит доделать в вышину нарубить на 8 и на 9 футов кроме брустверка, да к тому прибыть сваи.

Бастион срублено на острове 1 1/2 венца.

На Лисьем носу срублен бастион длиною на 88 саженях.

Надобно перевезть и на место поставить и нарубить сверх воды на 12 футов с половиною.

Косых свай за что корабли крепить побито 8 гнезд и связаны бурами железными, а не покрыты.

Архангелогородской.

Гавани сделано на 168 саженьях, только надобно сверх воды нарубить на 6 футов против брустверка.

Косых свай побито 7 гнезд и связаны, а не покрыты.

Нижегородской.

Гавани сделано на 150 саженьях, которой и сверх воды на 40 сажен нарублено как оной быть, а достальное надобно нарубить против того ж.

Косых свай побито 2 гнезда, а не покрыты.

Сибирской.

Гавани сделано на 100 саженьях, которой надлежит доделать сверх нарубить на 5 или 6 футов кроме бруствера и камением дополнить.

Косых свай 5 гнезд связаны и покрыты.

Воронежской.

Гавани сделано на 156 саженьях, которой нарубить сверх на 3 или на 4 фута кроме брустверка, да камением догрузить.

Косых свай 2 гнезда боутами не укреплены.

Казанской.

Гавани сделано на 111 саженьях, совсем отделана.

Косых свай 4 гнезда укреплены, а непокрыты»²⁵.

Отметим, что здесь впервые упоминаются работники, присланные из Воронежской губернии, до этого они в документах не упоминались. И из этой справки видно, что в то время присланные из губерний люди продолжали строить гавани — быстро этого сделать не получалось.

И лишь в феврале 1720 г. М.М. Самарин смог доложить царю, что «военная гавань совсем отделана» (строительство купеческой гавани продолжалось, и этим по-прежнему занимались рабочие, присланные из губерний)²⁶. Но в то время к ним присоединились плотники, нанятые «подрядом»²⁷, скорее всего, завершали работы именно те, кто был уже нанят. Речь шла, главным образом, о возведении бастионов для укрепления гаваней на случай нападения неприятеля. Это оказалось не лишним, ибо в том же году объединенная англо-шведская эскадра предприняла попытку атаковать укрепления Кронштадта, но не решилась на серьезные действия. Люди из губерний в то время в документах уже не упоминаются.

Возможно, они были переведены на строительство домов в Кронштадте — их возведение началось в июне 1720 г., и они уже тогда получили наименование «губернских»²⁸ (в отечественной историографии принято считать, что такое название было дано по причине того, что их строили люди, переведенные из губерний).

Как бы то ни было, подводя итоги, следует сказать, что именно рабочие, присланные со всей страны, и вынесли на себе всю основную нагрузку по возведению в Кронштадте гаваней — базы Балтийского флота и главного торгового порта Российской империи.

Примечания

1. Сб. РИО. Т. 61. СПб. 1888, с. 224—226.
2. Материалы для истории русского флота (МИРФ). Ч. III. СПб. 1866, с. 570.
3. АНИСИМОВ Е.В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб. 2003, с. 75.
4. ШЕЛОВ А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт. 1904, с. 101.
5. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (СПб ИИ РАН), ф. 83, оп. 1, д. 6427, л. 1.

6. Там же, л. 2.
7. Ведомость о числе работных людей на Котлине острове. МИРФ, ч. III, с. 575.
8. Там же, с. 575—576.
9. Справка о постройке гавани на острове Котлине. МИРФ, ч. III, с. 595.
10. Там же, с. 596.
11. Там же, с. 597.
12. Там же, с. 578.
13. Там же.
14. Там же, с. 578—579.
15. Там же, с. 581—582.
16. Ведомость за подписью Лейна о губернских работах при Котлине острове. МИРФ, ч. III, с. 586—587.
17. Там же, с. 588.
18. Там же, с. 590—591.
19. Там же, с. 591.
20. Там же, с. 591—592.
21. Там же, с. 592.
22. Там же, с. 594.
23. Там же, с. 595.
24. Там же, с. 589.
25. Там же, с. 600—601.
26. Там же, с. 609—610.
27. Там же, с. 619.
28. Там же, с. 627.

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

Награждение московских священнослужителей медалями Великой Отечественной войны в 1944—1946 гг.

Д.Г. Давиденко

Как известно, в годы второй мировой войны существенно изменилась политика советского государства по отношению к Русской Православной Церкви (РПЦ). Это изменение проходило в несколько этапов.

С осени 1939 г., в связи с расширением границ СССР, в стране заметно увеличилось число православных храмов, которые действовали на вновь присоединенных территориях и не закрывались в 1920-е—1930-е годы ¹.

Другим фактором изменения государственной политики в отношении Церкви явилось издание в 1942 г. книги «Правда о религии в России». Как сказано в секретной докладной записке наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову от 25 июня 1942 г., «во исполнение постановления ЦК ВКП(б) от 10 марта 1942 г. за № П 36/259 книга “Правда о религии в СССР” выпущена в издании Московской Патриархии. Книга предназначена в основном для распространения за границей» ². В самой книге указано, что она была подписана к печати только 16 июля 1942 г. и выпущена тиражом 50 тыс. экземпляров ³. Возможно, в записке Берии речь шла о каком-то пробном макете издания, название которого, к тому же, было дано не совсем точно. Книга вышла на нескольких языках в роскошном для того времени полиграфическом исполнении. И хотя она печаталась под строгим наблюдением государства и была ориентирована, в первую очередь, на читателя, проживавшего за границей или на временно оккупированной территории, с целью сформировать у него представление о веротерпимости в СССР ⁴, она все-таки доходила до некоторых советских читателей, повышала в их глазах интерес к Церкви, или, как минимум, обозначала факт ее существования ⁵.

Следующим жестом было открытие 5 января 1943 г. по личному указанию И.В. Сталина счета в Госбанке, куда должны были поступать пожертвования от духовенства и верующих на сооружение танковой колонны им. Дмитрия Донского ⁶. Как справедливо полагает историк Д.В. Поспеловский, это фактически означало признание Церкви как юридического лица ⁷.

Пожалуй, самые знаковые события произошли в начале осени 1943 года. Это — возвращение Патриаршего местоблжителя митрополита Сергия (Стра-

---

Давиденко Дмитрий Григорьевич — кандидат исторических наук. Центральный государственный архив Москвы.

городского) в Москву из принудительной эвакуации в Ульяновск, куда он в свою очередь, отправился 14 октября 1941 г.⁸, прием Сталиным в Кремле трех митрополитов: Патриаршего местоблюстителя Сергия (Страгородского), Ленинградского Алексия (Симанского), Киевского и Галицкого Николая (Ярушевича) 4 сентября 1943 г.⁹ и разрешение провести Архиерейский собор. Последний, как известно, состоялся 8 сентября 1943 г., и на нем Патриарший местоблюститель митрополит Сергий (Страгородский) был избран Патриархом¹⁰. 14 сентября 1943 г. был учрежден Совет по делам Русской Православной Церкви во главе с Г.Г. Карповым — орган при СНК СССР, который был призван на практике осуществлять связь между государством и патриархом для рассмотрения вопросов, требующих разрешения со стороны правительства¹¹. Тогда же была предоставлена возможность возобновить издание периодического печатного органа РПЦ — Журнала Московской Патриархии (с 1931 по 1935 гг. вышло 24 номера очень малыми тиражами). Первый номер этого издания (уже после возобновления) вышел как раз в сентябре 1943 г., и с тех пор журнал выходил в свет регулярно каждый месяц¹².

Возродилась и практика вручения государственных наград наиболее известным и влиятельным архиереям и священникам, имевшая место в дореволюционной России. Теперь некоторые священнослужители получали награды за личные фронтовые подвиги или помощь партизанскому движению¹³, а некоторые — по должности, когда получение наград было, скорее, проявлением уважения государственных органов по отношению к ним как к пастырям, ориентировавшим прихожан на патриотическую деятельность или иные мероприятия, способствовавшие военным успехам государства¹⁴.

Первый известный нам прецедент состоялся 11 октября 1943 г., когда видные представители церковных кругов Ленинграда во главе с митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием (Симанским), всего 12 человек, за проповеди патриотического содержания, сбор средств на оборону, участие в группах самозащиты МПВО, дежурства по обеспечению общественного порядка по поручению Президиума ВС СССР получили медаль «За оборону Ленинграда»¹⁵.

Патриарх Сергий (Страгородский) не имел ни орденов, ни медалей Советского государства, и осенью 1943 г. митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей был единственным влиятельным архиереем, удостоенным государственной награды. Таковым он оставался и к 15 мая 1944 г., то есть ко дню смерти Патриарха Сергия, когда, по решению экстренного заседания Священного Синода, он заступил на должность Патриаршего Местоблюстителя и фактически стал первым лицом в церковной иерархии. Выбор его кандидатуры в качестве Патриаршего Местоблюстителя был обусловлен завещанием Сергия (Страгородского), которое он составил осенью 1941 г. и запечатал личной сургучной печатью. Согласно его пожеланию, на случай смерти или невозможности исполнения им функций Патриаршего Местоблюстителя, таковые передавались митрополиту Алексию (Симанскому); второй кандидатурой был назван архиепископ Сергий (Гришин), скончавшийся еще ранее патриарха Сергия — 14 октября 1943 г., третьей — митрополит Николай (Ярушевич)¹⁶. Приоритет кандидатуры митрополита Алексия усиливался и тем, что он был старейшим среди русского епископата по хиротонии¹⁷. То, что в мае 1944 г. он был единственным из влиятельных архиереев, удостоенным государственной награды, вероятно, дополнительно усиливало его преимущество перед остальными архиереями (в первую очередь — митрополитом Николаем) на занятие должности Патриаршего Местоблюстителя и обеспечивало лояльность по отношению к нему Совета по делам РПЦ.

Нам известны и эпизоды группового награждения влиятельного духовенства, относящиеся к осени 1944 г. и связанные с вручением видным московс-

ким священнослужителям медали «За оборону Москвы», которая была учреждена 1 мая 1944 года¹⁸. Эти события в свое время фиксировались на страницах Журнала Московской Патриархии; недавно опубликованы документы из фонда Совета по делам РПЦ, хранящиеся в ГАРФ, дающие некоторые дополнительные сведения о предыстории награждения этой медалью.

15 сентября 1944 г. Управляющий Московской епархией митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич) обратился к председателю Совета по делам РПЦ Карпову с просьбой ходатайствовать о награждении 14 московских и 2 тульских священнослужителей медалью «За оборону Москвы», отмечая их заслуги в октябре 1941 — январе 1942 года. Из священнослужителей г. Москвы отмечены (с указанием года рождения, личного контактного адреса, национальности (все русские) и конкретного участия, обосновывающего представление к награде): архиепископ Волоколамский Алексей (Палицын) — vikарий Московской епархии (к осени 1944 г. — архиепископ Куйбышевский), настоятель Богоявленского Кафедрального Патриаршего собора в Елохове прот. Николай Колчицкий, настоятель Воскресенской церкви в Брюсовом переулке прот. Николай Бажанов, настоятель церкви Ильи Пророка в Черкизове прот. Павел Цветков, настоятель церкви Знамени в Переяславской слободе прот. Стефан Марков, настоятель церкви Петра и Павла что на Яузе прот. Аркадий Пономарев, настоятель церкви на Пятницком кладбище прот. Василий Романков, настоятель церкви Адриана и Натальи прот. Михаил Кузнецов, настоятель церкви Преображения на Преображенской площади прот. Вячеслав Соллертинский, настоятель церкви Нечаянной Радости что в Марьиной Роще прот. Петр Филонов, настоятель церкви на Даниловском кладбище прот. Павел Степанович Успенский, настоятель церкви Николы в Хамовниках прот. Павел Лепехин, настоятель церкви на Ваганьковском кладбище прот. Федор Казанский, управляющий обновленческой Московской епархией епископ Звенигородский Сергей (Ларин) (к осени 1944 г. воссоединился с Патриаршей Церковью и носил сан епископа Кировоградского, vikария Одесской епархии). В список также вошли два протоиерея из г. Тулы — Пётр Турбин и Михаил Понятский. Из московских священнослужителей туда был записан и настоятель храма Ильи Обыденного прот. Александр Толгский, не включенный в окончательную редакцию списка.

В качестве их заслуг отмечалось произнесение проповедей патриотического содержания, сбор денежных и вещевых средств на нужды обороны, участие в противопожарной охране, противовоздушной обороне, тушении зажигательных бомб, работы по обустройству укреплений и городских коммуникаций, организация бомбоубежищ в храмах. Ходатайство митрополита Николая было поддержано Карповым в тот же день. Карпов в докладной записке на имя Молотова, курировавшего со стороны Правительства Совет по делам РПЦ, писал, ссылаясь на митрополита Николая, что «духовенство московских церквей неоднократно обращалось к нему (митр. Николаю. — *Д.Д.*) с вопросом, будут ли представляться к награждению медалью “За оборону Москвы” некоторые представители духовенства, как это было сделано в Ленинграде в 1943 г.», а также от себя ходатайствовал о представлении к этой медали и самого митрополита Николая. На следующий день, 16 сентября 1944 г. Молотов наложил на докладную записку Карпова одобрительную резолюцию, и документ был направлен для исполнения к председателю Мосгорисполкома В.П. Пронину¹⁹.

Награждение состоялось в торжественной обстановке 6 октября 1944 г. в Совете по делам РПЦ, который тогда размещался в г. Москве, на ул. Кропоткина, 20²⁰, в непосредственной близости от здания Патриархии (Чистый пер., 5). На церемонии присутствовали председатель Совета по делам РПЦ Карпов, члены Совета, Патриарший Местоблюститель Митрополит Ленинградский и

Новгородский Алексей, представитель Мосгорисполкома и председатель Фрунзенского райсовета. Вручал медали представитель (секретарь) Мосгорисполкома П.В. Майоров от имени Президиума ВС СССР. На мероприятии благодарственные слова произнесли митрополит Николай (Ярушевич), получивший медаль первым, протоиерей из Тулы Михаил Понятский, московский протоиерей Павел Цветков, выступал и председатель Совета по делам РПЦ Карпов. По окончании торжества приветственное слово произнес Патриарший Местоблюститель митрополит Алексей²¹. Сведения об этом мероприятии были опубликованы в центральной печати²².

Поскольку архиепископ Алексей (Палицын) и епископ Сергей (Ларин) в этот момент находились на местах своего архипастырского служения, они не могли присутствовать на церемонии награждения. Медали им были вручены позднее — 28 ноября, также в Совете по делам РПЦ. Медали вручал его председатель Карпов в присутствии членов Совета, митрополита Крутицкого Николая (Ярушевича) и управделами Московской Патриархии протоиерея Николая Колчицкого. Поздравления и приветствия оглашали Карпов и митрополит Крутицкий Николай. Благодарственную речь произнес архиеп. Куйбышевский Алексей²³.

8 ноября 1944 г. митрополит Николай возбудил ходатайство о награждении этой медалью еще трех московских протоиереев, и 3 января 1945 г. вышло соответствующее постановление Моссовета²⁴. Наконец, 4 января 1945 г. также в Совете по делам РПЦ состоялось третье награждение этой медалью московского духовенства. Были награждены настоятель церкви Покрова на Лыщиковой горке прот. Николай Сарычев, протоиерей церкви Иоанна Воина на Якиманке Кузьма Алексеев, а также настоятель храма Николы в Кузнецях и ответственный секретарь редакции Журнала Московской Патриархии прот. Александр Смирнов. Присутствовали председатель Совета Карпов, его заместитель К.А. Зайцев, члены Совета, митрополит Крутицкий Николай и управделами Московской Патриархии прот. Николай Колчицкий. Речь произносил прот. Александр Смирнов, также прозвучали приветствия от Карпова и митрополита Николая²⁵.

Всего из московского духовенства медаль получили три архиерея и только (за единственным исключением) настоятели половины действующих московских храмов, которых во время войны в городе насчитывалось 30²⁶.

О награждении священнослужителей медалями неоднократно упоминалось в официальных газетах и в Журнале Московской Патриархии. Кроме того, участники Поместного собора, проходившего в Москве с 31 января по 2 февраля 1945 г., на заседаниях специально надевали медали, что фиксировалось в фото и кинохрониках.

Летом 1946 г. рассматривался вопрос о награждении некоторых священнослужителей медалью «За доблестный труд в Отечественной войне 1941—1945 гг.»²⁷. 30 июля 1946 г. Совет по делам РПЦ рассылал своим уполномоченным на места секретные инструктивные письма следующего содержания: «Правительство Союза ССР разрешило Совету по делам русской православной церкви... представить к награждению медалями “За доблестный труд в Отечественной войне 1941—45 гг.» правящих архиереев и тех священников, которые особо отличились в проведении церковно-патриотической работы в период войны и, в частности, получили за это благодарственные телеграммы или письма товарища Сталина. В соответствии с этим Совет поставил в известность Московскую Патриархию, которая 29 июля с.г. рассылает всем правящим архиереям в епархиях циркулярное письмо с предложением составить списки духовенства епархий, наиболее отличившегося в церковно-патриотической работе в дни Великой Отечественной войны, и представить эти списки Уполномоченному Сове-

та... по республике, области, краю. Совет сообщает, что уполномоченным... на местах следует эти списки тщательно изучить, оставив в них только тех, которые действительно в дни Отечественной войны проводили патриотическую работу в церквах (патриотические воззвания, проповеди, сбор продовольственных и денежных средств, помощь партизанским отрядам и т.д.). Из списков следует исключить лиц, которые с политической и моральной стороны скомпрометированы, а также находившихся на оккупированной территории и не проводивших там патриотической работы. Церковный актив (старосты, казначеи и т.д.) в списки включать не следует. Представление к награждению указанной медалью Вам следует провести в соответствии с Инструкцией, через Обл/гор/исполкомы. После вручения медалей вышлите в Совет копию списка награжденных лиц. Настоящее письмо доложите Председателю Облисполкома»²⁸.

Изложенные предписания в целом соответствовали специфике государственной политики в отношении Церкви в тот период. Интерес представляет пункт, запрещающий включать старост и казначеев в списки лиц, представленных к награде. Дело в том, что 31 января 1945 г. на Поместном Соборе было принято «Положение об управлении Русской Православной Церковью», одобренное СНК СССР, которое существенно усиливало власть священника — настоятеля на приходе. Если раньше административное и финансовое руководство приходами осуществляла община — «двадцатка», нанимавшая священника для исполнения треб, то Положение 1945 г. делало его председателем церковного совета (в состав которого, помимо настоятеля, входили староста, помощник старосты и казначей), фактическим руководителем приходской общины, причем не избираемым, а назначаемым, и ставило в зависимость только от епархиального архиерея²⁹. Очевидно, государство поддерживало такую практику централизованного церковного управления и специально давало больше шансов для получения государственных наград именно священникам-настоятелям, а не активным деятельным прихожанам. Имеются даже сведения, как уполномоченный Совета по делам РПЦ по Москве и области А.А. Трушин отслеживал разногласия между настоятелем и членами церковного совета по поводу контроля за финансами внутри прихода³⁰.

29 июля 1946 г., в тот же день, когда Совет по делам РПЦ сообщил в Патриархию о предстоящей возможности наградить медалью «За доблестный труд...» правящих архиереев и священников, туда был направлен список духовенства г. Москвы, представленного к награждению, за подписью Патриарха Алексия (Симанского)³¹. Он насчитывал 33 фамилии с указанием храма и личного контактного адреса. Некоторые из этих фамилий были вычеркнуты, вероятно, сотрудниками Совета по делам РПЦ, а одна добавлена. Среди вычеркнутых — настоятель храма Ильи Обыденного прот. Александр Толский (он же двумя годами ранее был исключен из окончательной редакции списка московских священнослужителей, представленных к медали «За оборону Москвы»), настоятель Всехсвятской церкви г. Москвы прот. Вениамин Платонов, прот. Димитрий Введенский из Всехсвятской церкви, настоятель храма Петра и Павла в Лефортове прот. Димитрий Цветков, настоятель церкви в с. Владыкино священник Рафаил Федоров. Зато в конце списка вписана фамилия протоиерея М.Ф. Голунова. Кроме того, на документе под тем же 29 июля, проставлена резолюция Карпова, предписывающая сотруднику Совета по делам РПЦ Иванову просмотреть списки вместе с уполномоченным по Москве и области А.А. Трушиным, а также перечеркнута подпись Патриарха и проставлен образец для подписи Карпова.

Одновременно в Совет по делам РПЦ поступил список представленных 4 служащих Патриархии — секретаря Л.Н. Парийского, архим. Иоанна (Разумова) и двух машинисток. И здесь перечеркнута подпись Патриарха и заменена

на образец для подписи Карпова³². 20 августа Карпов направил в исполком Моссовета уже отредактированный список архиереев, работников Патриархии и духовенства Москвы, представленных к медали. Заметим, что в сопроводительном письме к списку имеется ссылка на то, что он представляется согласно указанию зам. председателя СМ СССР Берии, вероятно, курировавшего соответствующее мероприятие со стороны правительства. Представленных было 36 человек. Это — патриарх Алексей (Симанский), архиепископ Дмитровский Виталий (Введенский), архиепископ Чешский и Пражский Елевферий (Воронцов), Л.Н. Парийский, вновь назначенный наместник только что возвращенной Троице-Сергиевой Лавры архим. Иоанн (Разумов) (в списке проходит как эконом Московской Патриархии), машинистки А.П. Сергиенко и Л.К. Попандуполо, настоятель Воскресенской церкви в Филипповском переулке прот. Александр Скворцов, настоятель церкви Иоанна Воина прот. Александр Воскресенский, настоятель Николо-Кузнецкой церкви прот. Александр Смирнов, настоятель церкви Иоанна Предтечи на Пресне прот. Димитрий Делекторский, настоятель храма Рождества Христова в Измайлово прот. Михаил Преферансов, настоятель храма Преображения в с. Богородском прот. Алексей Добросердов, настоятель церкви Преображенского кладбища прот. Димитрий Преображенский, настоятель церкви Воскресения в Сокольниках прот. Андрей Расторгуев, настоятель церкви Успения в Гончарах прот. Николай Морозов, настоятель церкви Покрова на Лышиковой горке прот. Алексей Станиславский, настоятель единоверческой церкви при Рогожском кладбище прот. Павел Васильевич Успенский, настоятель церкви Калитниковского кладбища прот. Павел Уваров, настоятель церкви Ризположения в Леонове прот. Иван Марков, настоятель Тихвинской церкви с. Алексеевского прот. Владимир Подобедов, настоятель Троицкой церкви на Воробьевых (Ленинских) горах священник Василий Баранов, священник Воскресенской церкви протоиерей Михаил Голунов, епископ Можайский Макарий (Даев), а также 12 московских настоятелей-протоиереев, ранее, 6 октября 1944 г., награжденных медалью «За оборону Москвы»³³. Постановление исполкома Моссовета о награждении московских священнослужителей медалью «За доблестный труд...» было принято 27 августа 1946 года³⁴.

Вручение награды состоялось в субботу, 31 августа 1946 года. Первым ее получил Патриарх Алексей в Патриархии, а почти все остальные — в Совете по делам РПЦ в присутствии секретаря Моссовета (Мосгорисполкома) И.М. Соколова, председателя Совета по делам РПЦ Карпова и членов Совета³⁵. На церемонии от духовенства выступал протопресвитер (до 1945 г. — протоиерей) Николай Колчицкий, от работников Патриархии — Л.Н. Парийский, короткий тост произнес Карпов³⁶. 13 сентября состоялось вручение той же медали духовенству Московской области, также в Совете по делам РПЦ. Было награждено 53 священника³⁷.

Эту медаль получили в два раза больше московских священнослужителей, чем двумя годами ранее медаль «За оборону Москвы». Вероятно, это было связано с большей ее распространенностью. Так, если медаль «За оборону Москвы» получило немногим более 1 млн человек, то медалью «За доблестный труд...» было награждено свыше 16 млн человек³⁸. При этом в обоих случаях почти все награжденные (помимо архиереев и, во втором случае, работников Патриархии) были настоятелями храмов города в сане протоиерея. До вторых священников московских храмов эти награды почти не доходили.

Более показательным жестом наградной политики государства по отношению к РПЦ было вручение орденов. При этом первым архиереем-орденоносцем стал все тот же Алексей (Симанский), который еще будучи митрополитом, оказался первым влиятельным архиереем, получившим государственную ме-

даль. На этот раз он получил орден Трудового Красного знамени, будучи Патриархом Московским и всея Руси.

Незадолго до постановления исполкома Моссовета о награждении московского духовенства медалью «За доблестный труд...», 16 августа 1946 г., указом Президиума ВС СССР он был награжден названным орденом за выдающиеся заслуги в деле организации «патриотической работы в период Великой Отечественной войны». Вручение состоялось 23 августа в торжественной обстановке в Кремле³⁹. Награждение в августе 1946 г. Патриарха орденом, а священников медалями фактически явилось показателем не только государственного внимания к церковной организации, но и признания и уважения государством внутренней субординации и кадровой политики Московской Патриархии.

За свою жизнь патриарх Алексей (Симанский) награждался орденом Трудового Красного знамени четыре раза. Кавалерами этого ордена были и два следующих Патриарха, заступившие на высшую церковную должность при Советской власти — Пимен (Извеков) (1971—1990) и Алексей (Ридигер) (1990—2008)⁴⁰. С середины XX в., вплоть до 1980-х гг. видные священнослужители иногда получали государственные награды, как связанные, так и не связанные с войной, но не вызывавшие явные ленинские и революционные ассоциации. Уважаемых архиереев обычно удостоивали орденами Трудового Красного знамени и Дружбы народов, а некоторых священников — медалями.

Впрочем, государственные награды, которые получало духовенство, были сравнительно распространенными и не относились к разряду высших.

Попутно отметим, что практика награждения духовенства РПЦ государством в послереволюционный период почти на пятнадцать лет опередила появление собственно церковных внебогослужебных наград, первой из которых по времени создания стал орден Святого Равноапостольного князя Владимира, учрежденный в 1957 году⁴¹.

В годы Великой Отечественной войны возродилась практика награждения видных представителей духовенства государственными медалями, связанная с общим смягчением политики Советского государства по отношению к нему. Сначала видные деятели церкви удостоивались медалей Великой Отечественной войны, а потом им стали вручать ордена и медали и за мирный труд. Отбор государством священнослужителей для присуждения им наград во многом был связан со статусом и степенью их должностного влияния внутри Церкви, что свидетельствует о поддержке со стороны государства кадровых назначений в Патриархии. Возможно под влиянием получения священнослужителями именно государственных наград, внутри РПЦ во второй половине XX в. возникла идея создания внебогослужебных наград — собственно церковных орденов и медалей.

Примечания

1. ПОСПЕЛОВСКИЙ Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. 1995, с. 183; ЦЫПИН В.А. История Русской Церкви. 1917—1997. М. 1997, с. 260—261.
2. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов. М. 2009, с. 180, № 72.
3. Правда о религии в России. Московская Патриархия. 1942, с. 458.
4. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны, с. 650, комм. 3; ПОСПЕЛОВСКИЙ Д.В. Ук. соч., с. 185.
5. К концу лета 1942 г. книга была уже напечатана. Московский книжный график и библиофил Н.Н. Вышеславцев в своем дневнике в записи от 22 августа 1942 г. изложил впечатление от увиденного экземпляра: «Видел сигнальный экземпляр книги, которая вероятно в продаже не будет — “Правда о русской церкви”. Пре-

- красно изданный том с многочисленными портретами патриарха Сергия и других иерархов церкви сегодняшнего дня. Текст делится на два раздела — исторический, показывающий церковь как всегдашнюю защитницу отечества и полемический, против гитлеровской политики в отношении церкви» (Центральный государственный архив Москвы (ЦГА М), ф. Л-208, оп. 1, д. 66, л. 70). Название книги и титул Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия даны не вполне корректно. К 1 декабря 1942 г. книга уже распространялась в церковных кругах. См.: Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны, с. 55, № 10.
6. Там же, с. 60—61, № 14—15.
  7. ПОСПЕЛОВСКИЙ Д.В. Ук. соч., с. 187. Позднее, 24 августа 1944 г., было принято распоряжение СНК СССР № 17350 «Об открытии в госбанке текущих счетов Московской патриархии, епархиальным управлениям и церковным приходам». ЦГА МО, ф. 7383, оп. 1, д. 1, л. 9—10.
  8. СМИРНОВ А.П., прот. Москва в Ульяновске. В кн.: Патриарх Сергий и его духовное наследство. М. 1947, с. 238.
  9. Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1943, № 1, с. 5; Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны, с. 194—203, № 81.
  10. 12 сентября состоялась его патриаршая интронизация. Церковное торжество в Москве 12 сентября 1943 г. — ЖМП. 1943, № 1, с. 21.
  11. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны, с. 653, комм. 19.
  12. Во второй половине 1943 г. еще вышла книга «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сб. церковных документов» (М. 1943), также в дорогом полиграфическом исполнении. Позднейшие документы, которые там опубликованы, относятся к 22 июня 1943 г. (с. 48—50). К 27 сентября 1943 г. уже вышла из печати и вручалась делегации Англиканской церкви. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны, с. 242, № 94.
  13. Примеры см.: Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны, с. 58, № 12; с. 110, № 47; с. 292—293, № 116; с. 298—299, № 120—121; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6991, оп. 2, д. 53, л. 17—20. По некоторым сведениям Пимен (Извеков) (1910—1990), будущий Патриарх Московский и всея Руси, приняв к началу 1930-х гг. монашество и священство, во время Великой Отечественной войны призывался в действующую армию, тем самым, естественно, временно отложил пастырские обязанности, а затем снова продолжил пастырское служение (ЦЫПИН В.А. Ук. соч., с. 477—478).
  14. Ситуации, когда лицо, ранее не имевшее отношение к клиру, участвовало в Великой Отечественной войне и получило соответствующие государственные награды, по ее окончании пошло на путь пастырского служения, здесь не рассматриваются.
  15. АРХАНГЕЛЬСКИЙ М. Патриотизм Православного духовенства. — ЖМП. 1944, № 1, с. 23; ЛОМАКИН Н., прот. За оборону Ленинграда — за нашу Советскую Родину (Из церковных воспоминаний). — ЖМП. 1945, № 4, с. 28. Через четыре месяца, 9 февраля 1944 г., на заседании исполкома Парголово-райсовета было решено войти с ходатайством в Ленинградский областной совет о представлении к награде медалью «За оборону Ленинграда» настоятеля Спасо-Парголово-церкви А.И. Мошинского, регента К.М. Фёдорова и председателя двадцатки Т.Г. Чернову за проделанную работу по сбору средств на оборону страны (Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны, с. 281, № 106). Медаль учреждена указом Президиума ВС СССР от 22 декабря 1942 г. (Сб. законодательных актов о государственных наградах СССР. М. 1984, с. 125). Всего ею было награждено ок. 1,5 млн человек. КОЛЕСНИКОВ Г.А., РОЖКОВ А.М. Ордена и медали СССР. М. 1974, с. 127.
  16. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны, с. 296, № 119; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 11, л. 4—5; СУРКОВ С.А. Митрополит Николай (Ярушевич). М. 2012, с. 321; ЖМП. 1944, № 5, с. 4.
  17. ПОСПЕЛОВСКИЙ Д.В. Ук. соч., с. 197.
  18. Сборник законодательных актов, с. 129.

19. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны, с. 139—144, № 56; с. 345, № 136. См. также: ТЕРЕШИНА О.В. Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. — Вопросы истории. 2014, № 6, с. 155—156.
20. Помещение предоставлено распоряжением СНК СССР от 23 сентября 1943 г. за № 18321-р. См.: ЦГА М, ф. Р-150, оп. 24, д. 12, л. 103.
21. НИКОЛАЙ, митр. Речь после вручения медали «За оборону Москвы». — ЖМП. 1944, № 10, с. 8; ШАПОВАЛОВА А. Родина оценила из заслуги. — Там же, с. 17—21.
22. Вручение медалей «За оборону Москвы» митрополиту Николаю и другим служителям Русской Православной Церкви. — Правда. 9.X.1944, № 243, с. 2.
23. Вручение медалей «За оборону Москвы». ЖМП. 1944, № 12, с. 23—24.
24. СУРКОВ С.А. Ук. соч., с. 320.
25. Вручение медалей «За оборону Москвы». — ЖМП. 1945, № 1, с. 14—15.
26. Это число действующих храмов названо в докладной записке начальника УНКВД г. Москвы и Московской области М.И. Журавлёва В.Н. Меркулову, А.С. Щербаккову и Н.Д. Горлинскому «О прохождении службы в церквях в связи с религиозным праздником Пасхи по г. Москве и Московской области» (апрель 1942 г.). — Москва Военная. 1941/45. Мемуары и архивные документы. М. 1995, с. 215; По данным на 1 апреля 1945 г., приложенным к докладной записке Уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и области А.А. Трушина председателю Совета по делам РПЦ Карпову, на этот период в Москве насчитывалось 30 патриарших и 1 обновленческая действующая церковь и 134 недействующих церковных здания. ЦГА МО, ф. 7383, оп. 1. д. 5, л. 7—8.
27. Учреждена 6 июня 1945 г. Сб. законодательных актов, с. 147.
28. ЦГАМО, ф. 7383, оп. 1, д. 7, л. 22—23. Экземпляр адресован уполномоченному Совету по г. Москве и области Трушину, который, судя по знаку входящей регистрации, получил его 2 августа.
29. Положение об управлении РПЦ 1945 г., ст. 35—36, 40—41, 44—48; ПОСПЕЛОВСКИЙ Д.В. Ук. соч., с. 199; ЦЫПИН В.А. Ук. соч., с. 326.
30. Секретная докладная Уполномоченного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А.А. Трушина председателю СД РПЦ Г.Г. Карпову «О введении в жизнь нового “Положения” об управлении Русской Православной Церковью» от 29 июня 1945 г. ЦГА МО, ф. 7383, оп. 1, д. 5, л. 27—28.
31. Избран Патриархом на Поместном соборе 2 февраля 1945 года.
32. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 53, л. 1—4.
33. Там же, л. 27—29.
34. ШАПОВАЛОВА А. Награждение московского духовенства Русской Православной Церкви медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». — ЖМП. 1946, № 9, с. 19.
35. Там же, с. 19. «Несколько ранее в Кремле медаль “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.” т. Шверником была вручена митрополиту Крутицкому Николаю». Там же, с. 20.
36. Там же, с. 20—21; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 53, л. 23—24.
37. ЗЕРНОВ М., свящ. Вручение медали «За доблестный труд» Московскому областному духовенству. — ЖМП. 1946, № 10, с. 57.
38. КОЛЕСНИКОВ Г.А., РОЖКОВ А.М. Ук. соч., с. 131, 185.
39. ЖМП. 1946, № 8, с. 3; № 9, с. 4.
40. Патриарх Пимен (Извеков) награждался этим орденом трижды. Алексей (Ридигер) получил его еще до восшествия на Патриарший престол как Митрополит Ленинградский и Новгородский наряду с другими иерархами (в том числе и Патриархом Пименом) по указу Президиума ВС СССР от 3 июня 1988 г. № 9057-ХІ «за активную миротворческую деятельность и в связи с 1000-летием крещения Руси». — Ведомости ВС СССР. 1988, № 23, 8 июня, с. 451, ст. 388.
41. МАРК, еп. Егорьевский. Церковный протокол. М. 2007, с. 34.

Русскоязычная коранистика досоветского периода

П.В. Густерин

Знакомство с Кораном в досоветской России проходило по пяти направлениям. Во-первых, — путем сбора сведений о Коране для нужд правительства. Сюда можно отнести первые переводы Корана, которые лишь приблизительно передавали содержание Священного Писания мусульман. Это относится ко всем опубликованным в России переводам — П.В. Постникова ¹ (1716) ², М.И. Верёвкина ³ (1790) и А.В. Колмакова ⁴ (1792) — вплоть до появления в 1864 г. перевода К. Николаева с французского перевода А. Казимирского ⁵. Что касается собственно корановедческих материалов на русском языке, то впервые они появились в 1722 г. в сочинении «Книга Систима, или Состояние мухаммеданская религии» Д.К. Кантемира ⁶, куда он поместил целый раздел «О Коране», состоящий из шести глав. Его начинание в российском научном исламоведении было продолжено лишь спустя почти полтора столетия А.К. Казем-беком ⁷, И.Ф. Готвальдом ⁸, В.Ф. Гиргасом ⁹ и А.Е. Крымским ¹⁰.

Во-вторых, — во второй половине XVIII в. в России в развлекательных и образовательных журналах стали появляться популярные заметки о Коране. Статья П. Богдановича ¹¹ «Магомет с Алкораном» в виде отдельной брошюры была издана трижды — в 1774, 1786 и 1792 годах. Появлялись и публикации, не имевшие непосредственного отношения к Корану, но подогревавшие к нему интерес у читающей публики в связи с происходившими на политической арене событиями. Среди них можно отметить: «Прозрение на будущее, или Собрание предсказаний некоторых писателей, в разные времена изданных и в Алкоране Магометовом находящихся, о падении Турецкого царства» (М. 1828) и «Собрание любопытных предсказаний пророка Магомета, основателя веры мусульманской о упадке Турецкой империи и религии магометанской в Алкоране находящихся, и содержащих в себе: его пророчество о взятии Константинополя и Иерусалима христианами, изгнании турок из Европы и при каком турецком султани сие случиться должно, и проч.» (М. 1828), изданные в год начала очередной русско-турецкой войны.

В-третьих, — в России в XIX — начале XX в. произошел всплеск интереса к Востоку в творчестве виднейших поэтов — Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, М.Ю. Лермонтова, а также К.Д. Бальмонта, И.А. Бунина, А.Ф. Вельтмана, М.Л. Михайлова, А.Н. Муравьёва, П.Г. Ободовского, Я.П. Полонского, В.К. Шилейко, А.А. Шишкова и Л.А. Якубовича. Наиболее ярким про-

---

Густерин Павел Вячеславович — научный сотрудник Российского института стратегических исследований.

изведением, написанным по мотивам Корана, стали «Подражания Корану»¹² Пушкина, сочиненные в 1824 году¹³.

В-четвертых, — глубоким изучением ислама и, прежде всего, Корана во второй половине XIX в. стали заниматься в Казанской духовной академии преподаватели и студенты миссионерского противомусульманского отделения.

В-пятых, — активное проникновение в XIX в. Российской империи в мусульманские регионы — Кавказ и Среднюю Азию — дало толчок военному востоковедению, представители которого выполняли, в том числе, и дипломатические функции. Военные востоковеды обогатили российскую науку о Востоке благодаря тем возможностям, которые предоставляла причастность к деятельности военной разведки, а также увлеченности, если не сказать подвижничеству российских офицеров, радеющих и за государеву службу и за просвещение российского общества. Примером может служить деятельность замечательного переводчика Корана Д.Н. Богуславского¹⁴, чей перевод, выполненный в 1871 г., впервые был издан лишь в 1995 году.

При императрице Екатерине II (1762—1796) помимо переводов Корана на русский язык было предпринято издание так называемого «Петербургского Корана» на арабском языке, переизданного с 1789 по 1798 г. пять раз. 21 декабря 1797 г. император Павел I (1796—1801) указал «напечатанные в казенной Азиатской типографии 3600 экземпляров Алкорана на Арабском языке разослать для продажи в те Губернии, где населены народы Магометанского исповедания...»¹⁵. Как известно, Павел недолюбливал государственные начинания своей матери-императрицы, тем примечательнее выглядит его приверженность и последовательность в деле распространения мусульманского просвещения, прежде всего, через Коран.

После передачи в 1801 г. арабского шрифта в Казань, там с 1801 по 1859 г. текст «Петербургского Корана», высоко оцененный европейскими востоковедами, выдержал несколько изданий общим тиражом до 150 тыс. экземпляров. Так называемые «Казанские Кораны» получили широкое распространение в России и за рубежом и даже перепечатывались в некоторых странах Востока.

Несомненно, выдающимся корановедом в рассматриваемый период являлся А.К. Казем-бек, известный своей склонностью к практическому востоковедению. В 1859 г. в Петербурге был издан «Полный конкорданс Корана, или Ключ ко всем словам и выражениям его текстов для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги», работа над которым продолжалась около четверти века. «Конкордансии, — как называл их А.Е. Крымский, — алфавитный словарь всех слов и форм, встречающихся в св. книге, с отметкой, где именно встречается данное слово в данной форме»¹⁶. Трудно согласиться с А.Е. Резваном, утверждающим, что «появление данной работы стало свидетельством преодоления отечественным исламоведением многовекового отрыва от западной ориенталистики»¹⁷. Действительно, подобные работы за рубежом появились несколько раньше. Например, «Noodjoom-ool Foorkan. An Arabic Index to the Koran», изданный в Калькутте в 1811 г., или «Concordantiae Corani arabicae, ad literarum ordinem et verborum radicem» Г. Флюгеля¹⁸, напечатанный в Лейпциге в 1842 году. Однако здесь вряд ли можно говорить даже об одном столетии подобного «отрыва».

Продолжением начинания Казем-бека стал «Опыт словаря на Коран, семь муаллак¹⁹ и стихотворения Имрулькейса²⁰», изданный в Казани в 1861 г. в «Ученых записках Казанского университета» и в 1863 г. отдельным оттиском. Автором словаря является профессор И.Ф. Готвальд, возглавлявший кафедру арабского и персидского языков на Историко-филологическом факультете Казанского университета. Как отмечал академик Крачковский²¹, это был «первый большой словарь на русском языке, важный тем, что он систематически дает ссылки, так что и теперь может заменить конкорданс к соответствующим произведениям»²². «Задуманный как пособие для чтения учебных текстов, он приобрел самостоятельное значение и проложил путь прославленному словарю В.Ф. Гиргаса»²³.

Речь идет о «Словаре к Арабской хрестоматии и Корану»²⁴, изданном в 1881 г. в Казани под наблюдением Готвальда. Этот «словарь вполне удовлетво-

рлял свои задачи и для учебных целей служил надежным руководством»²⁵. Сам Гиргас в Предисловии отметил, что изучение Корана необходимо для арабистов. «...По тщательности передачи грамматических форм, четкости разграничения общих и конкретных значений слов, всегда сопровождаемых примерами, он (словарь. — П.Г.) был... образцовым...»²⁶. «Словарь» Гиргаса был переиздан в 2006 г. в Москве под названием «Арабско-русский словарь к Корану и хадисам».

Комплексное исследование Корана на русском языке впервые после Кантемира выполнил А.Е. Крымский, включив его в свою книгу «История мусульманства», изданную в Москве в 1904 году. В качестве приложения к данной книге Крымский издал в 1905 г. записи своих лекций, прочитанных им в Лазаревском институте восточных языков, под названием «Суры старейшего периода: перевод с объяснениями».

В 1912 г. в сборнике «Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков» увидел свет труд Крымского «История арабов и арабской литературы, светской и духовной (Корана, фыкха, сунны и пр.)», в который в переработанном виде был включен материал из «Истории мусульманства», касающийся Корана.

Наиболее значимый вклад в российскую досоветскую коранистику внес преподаватель Казанской духовной академии Гордий Семенович Саблуков²⁷. Его перевод Корана, ставший первым опубликованным переводом на русский язык с языка оригинала, был издан в 1878 и переиздан в 1894 году. Это был лишь текст на русском языке, без арабского текста, предисловия и каких-либо комментариев (параллельный арабский текст появился в издании 1907 года)²⁸. В 1879 г. автор перевода издал «Приложения к переводу Корана». Эта работа, переизданная в 1898 г., представляет собой «нечто вроде развернутого предметного или систематического указателя к Корану с русским переводом и выдерживает сравнение к своей выгоде с вышедшей в том же году французской работой Жюля Ля Бом²⁹»³⁰.

Что же касается комментариев, то, очевидно, в соответствии с авторским замыслом, Саблуков также в Казани в 1884 г. издал свою работу «Сведения о Коране, законоположительной книге мухаммеданского вероучения». В этом труде подробнейшим образом излагается все, что связано с мусульманским Священным Писанием — от названия до «рассмотрения вчутренних качеств Корана». Здесь Саблуков, будучи преподавателем миссионерского противомусульманского отделения, выступает с критикой Корана, однако это несколько не умаляет ценность предоставляемых им сведений, подтверждением чему является статья «О Коране. (По Саблукову)», изданная в Центральной типографии Казани в 1909 г. в виде отдельного оттиска из «Известий по Казанской Епархии».

Саблуков посвятил всю свою жизнь изучению Корана, выйдя в 1862 г. в отставку с должности преподавателя. «Ученый рассматривал Священную книгу мусульман как важнейший первоисточник по истории ислама, как основной сборник догматов мусульманского вероучения и как древнейший памятник арабской литературы, написанный рифмованной прозой. Такой подход представлял примечательное явление в отечественной историографии. Основным приемом Саблукова стало сопоставление Священной книги ислама с доисламской и современной Мухаммеду поэтической традицией»³¹.

Казанский исламовед Р.В. Валеев отмечал, что слабым звеном методики разработки проблем корановедения у Саблукова было «некритическое следование за поздними тафсирами». Заслугой же ученого он считал то, что «использование оригинальных текстов Корана, изданных в западноевропейском и отечественном исламоведении, позволило исследователю (Саблукову. — П.Г.) развить ценную традицию казанской школы востоковедов»³².

Благодаря глубокому лингвистическому анализу, выполненному Саблуковым, его работы сохраняют научную ценность до сих пор.

Коранистика в Казанской духовной академии развивалась в духе межконфессиональной полемики. Основой для дискуссий стал «Миссионерский противомусульманский сборник», вышедший с 1873 г. объемными томами. Про-

тив «Сборника» выступил ведущий петербургский арабист В.Р. Розен³³, объявивший его антинаучным фактором³⁴. Тем не менее, нельзя не признать, что публикации «Сборника» стимулировали интерес российского общества к вопросам исламоведения, в том числе коранистики.

Одной из первых подобных публикаций стала работа Ф. Кудеевского «Главные мысли и дух Корана», напечатанная в VI выпуске «Сборника» за 1875 год. Интерес вызывает изложение мусульманской этики, коранических предписаний, в том числе о молитве, закяте, посте и хадже. Рассматривается Коран и как источник права, в том числе уголовного, а также учение Корана о войне с неверными³⁵.

Работа Александра Забаровского «Мысли Аль-Корана, заимствованные из христианства», вышедшая в свет в VII выпуске «Сборника» также в 1875 г., являет собой пример сближения священных текстов двух религий в миссионерских целях, в частности, в вопросах о Евангелии, Иисусе Христе и грехе. Кроме того, Забаровским рассматривается учение Корана о Боге, ветхозаветных праведниках, воскресении и загробной жизни, сотворении человека, его первобытном состоянии и грехопадении.

В том же году в VIII выпуске «Сборника» была опубликована работа Андрея Светлакова «История иудейства в Аравии и влияние его на учение Корана». Автор отмечает ряд религиозных вопросов, в которых прослеживается влияние иудаизма на ислам, таких как учения о единобожии, предопределении и воскресении из мертвых и т.д.

Пожалуй, самым серьезным исследователем ислама из числа выпускников Казанской духовной академии можно назвать Николая Петровича Остроумова³⁶. «В Казани под влиянием своих учителей (Г.С. Саблукова и Н.И. Ильминского³⁷. — П.Г.) у него появляются особые научные методы исследования, которыми он воспользуется впоследствии, уже будучи в Ташкенте³⁸»³⁹. Высокую оценку среднеазиатскому периоду деятельности Остроумова дал академик Крачковский: «На первом месте в дореволюционной эпохе здесь (в Средней Азии. — П.Г.) стоял Н.П. Остроумов, считающийся в центре иногда как бы представителем всего среднеазиатского востоковедения»⁴⁰. Тем не менее, работы Остроумова по коранистике носят популяризаторский характер, большинство из них было написано как учебные пособия для преподавания исламоведческих дисциплин.

В 1883 г. в Ташкенте отдельной брошюрой⁴¹ была издана научно-популярная статья Остроумова «Что такое Коран?», в которой автор рассмотрел «внешний вид Корана», изложил «краткую историю текста Корана», рассказал об «уважении мухаммедан к Корану и его употреблению», а также осветил «учение Корана».

В 1899 г. в Казани вышла работа Остроумова «Аравия и Коран. Происхождение и характер ислама», в которой автор рассматривает Коран с точки зрения влияния на него иудейских и христианских сект, а также с лингвистической точки зрения, подчеркивая, что языком мусульманского Писания является именно арабский язык.

Наиболее обстоятельной работой Остроумова является изданный в 1901 г. в Ташкенте труд под названием «Коран и прогресс. По поводу умственного пробуждения современных российских мусульман». Столь подробного освещения Корана в российском исламоведении до тех пор не было: автор разбирает предмет своего исследования от определения «что такое Коран» до его роли в современной жизни российских мусульман.

В 1912 г. также в Ташкенте в рамках серии книг Остроумова под общим названием «Исламоведение» была опубликована работа «Коран. Религиозно-законодательный кодекс мусульман». По сути, это был тот же труд «Коран и прогресс», однако существенно дополненный и переработанный, а также снабженный иллюстрациями. Здесь автор коснулся, в том числе, таких вопросов, как «разные названия Корана», «особенности издания разных текстов Корана», «собрание разных глав⁴² Корана и редакция сборника», «хронологический распорядок глав Корана», «толкования и переводы Корана на азиатские и евро-

пейские языки», «назначение Корана и применение его к разным случаям в жизни мусульман».

В 1915 г. в журнале «Православный Благовестник» была опубликована работа Остроумова «Догматы Корана», переизданная в 1916 г. в Москве в серии «Исламоведение» в виде отдельной книги. Обосновывая необходимость изучения писания, Остроумов утверждал, что «Коран имеет полное право на серьезное внимание к нему, всех образованных людей России и особенно администраторов, находящихся в непосредственном соприкосновении с подчиненными им мусульманами... Независимо от чисто практического значения Корана в государственной жизни России, за ним остается и огромное научное значение, объясняющее неослабевающий к этому произведению арабского гения интерес, с каким ученые ориенталисты и просвещенные европейцы до сих пор занимаются изучением его»⁴³.

Некоторые корановеды специализировались на внешней критике рукописей. Так, ученик Розена дипломат Алексей Фёдорович Шебунин (1867—1937) провел исследование так называемого «Корана Османа», написанного шрифтом куфи⁴⁴, в Петербургской публичной библиотеке⁴⁵ и опубликовал его результаты под названием «Куфический Коран Имп. СПб. Публичной Библиотеки» (СПб. 1891), а годом позже — в «Записках Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества» (т. VI. СПб. 1892).

Через десять лет Шебунин исследовал похожий манускрипт Корана, хранившегося в Каире, и издал его под названием «Куфический Коран Хедивской⁴⁶ Библиотеки в Каире».

Академик Крачковский также занимался палеографическими работами в начале своей научной карьеры. Результатом его усилий стала публикация «Описания собрания коранов, привезенных из Трапезунта⁴⁷ академиком Ф.И. Успенским⁴⁸» (Пг. 1917). Это собрание представляло собой 15 коранов XVII—XIX веков.

Итогом русскоязычной досоветской коранистики можно назвать вторую часть («Коран») первого тома («Мухаммед и Коран») фундаментального труда военного востоковеда П.П. Цветкова⁴⁹ «Исламизм», вышедшего в свет в 1912—1913 гг.⁵⁰ в Ашхабаде⁵¹, поскольку «сведения об учении ислама и теориях мусульманских богословов впервые с такой полнотой [были] собраны на русском языке»⁵².

С одной стороны, примечательно, что автор, помимо рассмотрения Корана «с теологической точки зрения», пытается объяснить его содержание «личной жизнью Мухаммеда», а также как источник права. С другой стороны, у этого труда есть ряд существенных недостатков, вскрытых академиком В.В. Бартольд⁵³ в его обстоятельной рецензии. Главной причиной этих недостатков, несомненно, является то, что «автор не ознакомился с Кораном в той степени, в какой это было необходимо для его труда»⁵⁴. С выводами Бартольда в целом согласен и Крачковский, подчеркивающий, что «история — самое слабое место в труде П. Цветкова, и в этом отношении труд безнадежно отстал от передовых сочинений о мусульманстве»⁵⁵.

Примечания

1. Постников Пётр Васильевич (1666 — ок. 1702) — российский ученый, переводчик. Окончил Славяно-греко-латинскую академию и Падуанский университет. Автор первого перевода Корана на русский язык.
2. Собственно перевод был выполнен гораздо раньше, предположительно, к началу Карловицкого конгресса, то есть к 1698 году.
3. Верёвкин Михаил Иванович (1732—1795) — переводчик при Кабинете Ее Величества Екатерины II. В 1782 г. был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук по предложению ее президента княгини Е.Р. Дашковой.
4. Колмаков Алексей Васильевич (?—1804) — российский литератор, переводчик Адмиралтейств-коллегии.
5. Биберстайн-Казимирский Альберт Феликс Игнац (Казимирский-Биберстайн Войцех) (1808—1887) — французский дипломат и востоковед польского происхождения.

6. Кантемир Дмитрий Константинович (1673—1723) — первый российский востоковед. Молдавский историк, писатель, философ. Господарь Молдавии (1710—1711). Академик Берлинской АН (1714). В 1711 г. эмигрировал в Россию, где стал советником Петра I по делам Востока.
7. Казем-Бек Александр Касимович (Мирза Мухаммед Али) (1802—1870) — российский востоковед. Член-корреспондент Петербургской АН (1835). Выходец из Персии. Автор работ по истории Кавказа, Персии, Средней Азии и Крыма, истории ислама, иранским и тюркским языкам.
8. Готвальд Иосиф Фёдорович (1813—1897) — российский востоковед. Окончил Бреславльский университет. В России с 1838 года. Работал библиотекарем в отделении восточных книг и рукописей Публичной библиотеки; с 1849 г. — профессор арабского и персидского языков в Казанском университете. Позже был библиотекарем университетской библиотеки, преподавателем английского языка и начальником университетской типографии.
9. Гиргас Владимир Фёдорович (1835—1887) — российский арабист. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1858). Профессор Петербургского университета (1874). Автор многочисленных работ по арабской литературе и языку, переводов.
10. Крымский Агафангел Ефимович (1871—1942) — отечественный востоковед, писатель. Окончил Лазаревский институт восточных языков (1892), историко-филологический факультет Московского университета (1896). Академик АН Украины (1919). Автор более 1500 работ по истории и культуре народов Востока, вопросам ислама, коранистике, грамматике украинского языка и литературных произведений.
11. Богданович Пётр Фёдорович (Иванович) — российский писатель и переводчик второй половины XVIII века.
12. Иногда встречается название «Подражание Корану».
13. Советский исламовед К.С. Кашталёва пришла к выводу, что Пушкин познакомился с Кораном по названному переводу Верёвкина. См.: КАШТАЛЁВА К.С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник. В кн.: Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. V. Л. 1930.
14. Богуславский Дмитрий Николаевич (1826—1893) — российский военный востоковед. Окончил артиллерийское училище (1846), являлся вольнослушателем Факультета восточных языков Петербургского университета. В 1847—1861 гг. служил в российской армии, в 1862—1870 гг. работал в Азиатском департаменте МИД (переводчик Российской миссии в Константинополе), с 1870 г. — в Военном министерстве.
15. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. 24. СПб. 1830, с. 852, № 18287.
16. КРЫМСКИЙ А.Е. История мусульманства. М. 2003, с. 198.
17. РЕЗВАН А.Е. Коран и его мир. СПб. 2001, с. 409.
18. ФЛЮГЕЛЬ Густав Леберехт (1802—1870) — немецкий арабист и корановед.
19. Муаллаки (араб. «привешенные», или «нанизанные») — семь знаменитых поэтических сочинений доисламской Аравии (VI в.).
20. Имру-уль-Кайс (первая половина VI в.) — арабский поэт доисламской эпохи.
21. Крачковский Игнатий Юлианович (1883—1951) — отечественный востоковед, историк науки. Один из создателей школы советской арабистики. Окончил Факультет восточных языков Петербургского университета (1905). С 1921 г. — академик РАН. Автор около 500 работ, переводов, в том числе Корана.
22. КРАЧКОВСКИЙ И.Ю. Избранные сочинения. Т. V. М.-Л. 1958, с. 123.
23. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М. 1997, с. 161.
24. В 1876 г. в Казани была издана «Арабская хрестоматия», составленная В.Ф. Гиргасом и В.Р. Розеном. Она содержала тексты для студентов полного курса обучения арабскому языку.
25. КРАЧКОВСКИЙ И.Ю. Ук. соч., с. 141.
26. История отечественного востоковедения..., с. 169.
27. Саблуков Гордий Семёнович (1804—1880) — российский востоковед. Окончил Оренбургскую духовную семинарию (1826), Московскую духовную академию (1830). Преподаватель Казанской духовной академии. Автор работ по археологии, истории, нумизматике и этнографии народов Поволжья и полонцев, истории Золотой Орды, первого изданного русского перевода Корана с арабского языка.
28. 3-е издание перевода Саблукова, то есть с параллельным арабским текстом, часто переиздается и в наше время, начиная с 1990 года.

29. JULES la BEAUME. Le Coran analyse d'après la traduction de M. Kazimirsky. P. 1878. Еще в 1868 г. в журнале «Revue Africaine» (Т. 12, № 67) была издана его же статья «Le Coran analysé d'après la traduction de M. Kazimirski et les observations».
30. КРАЧКОВСКИЙ И.Ю. Ук. соч., с. 128.
31. История отечественного востоковедения..., с. 36.
32. ВАЛЕЕВ Р.М. Из истории казанского востоковедения середины — второй половины XIX в.: Гордый Семёнович Саблуков — тюрколог и исламовед. Казань. 1993, с. 89.
33. Розен Виктор Романович (1849—1908) — российский востоковед. Окончил Факультет восточных языков Петербургского университета (1870). Академик (1890). Директор Азиатского музея Петербургской АН (1881—1882). Автор работ по духовному наследию арабских народов, истории арабских стран. Изучал и издавал арабские источники по истории России.
34. КРАЧКОВСКИЙ И.Ю. Ук. соч., с. 130—131.
35. Как равнозначный термину «неверные» автор использует термин «неверующие», обнаруживая непонимание отношения мусульман к неверующим как таковым, то есть атеистам (крайне негативного) и к людям другой веры, то есть неверным (весьма терпимого).
36. Остроумов Николай Петрович (1846—1930) — отечественный востоковед, просветитель. Окончил Казанскую духовную академию (1870). С 1877 г. жил и работал в Ташкенте.
37. Ильминский Николай Иванович (1822—1891) — российский востоковед. Окончил Казанскую духовную академию (1846). Преподаватель Казанского университета (1861—1872) и Казанской духовной академии (1863—1870). Автор работ по живым и мертвым тюркским языкам, переводов.
38. Остроумов переехал в Ташкент в 1877 году.
39. История отечественного востоковедения..., с. 40.
40. КРАЧКОВСКИЙ И.Ю. Ук. соч., с. 132.
41. Впервые напечатано: Туркестанские Ведомости. 1883, № 1—10.
42. То есть сур.
43. ОСТРОУМОВ Н.П. Коран. Религиозно-законодательный кодекс мусульман. Ташкент. 1912, с. 9, 18.
44. По названию иракского города Эль-Куфа.
45. С 1918 г. хранится в Ташкенте.
46. Хедив — титул правителей Египта в 1867—1914 годах.
47. Современная транскрипция — Трапезунд.
48. Успенский Фёдор Иванович (1845—1928) — отечественный историк. Окончил Историко-филологический факультет Петербургского университета (1874). Преподаватель Новороссийского (Одесса) и Ленинградского университетов. Академик (1900). В 1894—1914 гг. — директор основанного им Русского археологического института в Константинополе.
49. Цветков Пётр П. (?—1920) — российский военный востоковед. Автор работ по турецкому языку, вопросам Османской империи, истории и вопросам ислама.
50. 2-й том вышел также в 1912 г., а 3-й и 4-й — в 1913.
51. В то время — Асхабад.
52. КРАЧКОВСКИЙ И.Ю. Ук. соч., с. 133.
53. Бартольд Василий Владимирович (1869—1930) — российский востоковед, историк науки. Окончил Факультет восточных языков Петербургского университета (1891). Действительный член Петербургской АН (1913 г.), РАН (1917 г.), АН СССР (1925 г.). Автор около 700 работ по истории ислама, Арабского халифата, Кавказа и Средней Азии, истории и филологии Афганистана и Ирана, истории и филологии тюркских и монгольских народов, археологии, исторической географии, источниковедению, нумизматике, эпиграфике и этнографии; истории востоковедения.
54. БАРТОЛЬД В.В. Сочинения. Т. VI. М. 1966, с. 409.
55. КРАЧКОВСКИЙ И.Ю. Ук. соч., с. 132—133.

Д.А. ЦЫГАНКОВ. *В поисках московской школы историков. (Terra Eugora: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века.*
М. РОССПЭН. 2014. 671 с.

Внимание к изучению научных школ в исторической науке в последние пятнадцать-двадцать лет было большим. Сложилось целое направление так называемых схолярных исследований, посвященных поиску и последующему изучению феномена научных школ в отечественной исторической науке. Одну из самых заметных ролей в этом исследовательском процессе играет Д.А. Цыганков. Его новая книга вносит заметный вклад в изучение не только историографии, но и истории Московского университета.

Издание можно разделить на две части. Первый раздел представляет собой небольшую монографию, посвященную сообществу «всеобщих» историков (как говорили в то время) второй половины XIX в., связанных с фигурой известного профессора Московского университета В.И. Герье. Вторая часть, заметно большая по объему, включает в себя три раздела и является публикацией воспоминаний, дневников, переписки Герье и его ученика М.С. Корелина.

В первом разделе в центре внимания оказывается реконструкция процесса формирования московской школы историков. Методологической основой анализа стала известная концепция М. Полани «неявного», «личностного» знания, то есть неформальная передача от учителя к ученику специфических исследовательских навыков, научного мировоззрения.

Поставив в центр исследования Герье и его учеников, автор столкнулся с серьезной проблемой: почти все, кто защитил диссертации под руководством Герье, пошли своей дорогой, предпочтя изучение социально-экономической проблематики в позитивистском ключе, а не духовных факторов, так интересовавших их наставника. Пожалуй, только Корелина можно с уверенностью назвать продолжателем дела учителя. Это не позволяет говорить о «школе В.И. Герье» с методологической точки зрения. Все это послужило причиной тому, что Цыганков переносит акцент с методологии на особую «культуру профессионального общения», ставшую стержнем школы. По его мнению, особая этическая система московской школы историков начала формироваться с Т.Н. Грановского, чья деятельность стала отправной точкой распространения ценностей служения просвещению и науке, ставших фундаментом «культуры профессионального общения» представителей московской школы историков (с. 99).

В книге довольно подробно прослеживается формирование особых этических принципов сообщества, нередко воплощенных в «мифах» об учителях. Причем корпоративная культура складывалась под действием двух условий: переноса идеалов служения науке и образованию от немецкой профессуры на русскую почву, и собственно внутреннего разви-

тия корпорации, обусловленного влиянием как отдельных личностей, так и ситуативных факторов.

Наследником идеалов Грановского стал Герье, старавшийся передать их своим ученикам. Цыганковым подробно разбирается его педагогическая доктрина, построенная на идеалах наставничества и поддержки воспитанников. Особое внимание уделяется роли семинаров. Автор не обходит и «трагедию» Герье, не сумевшего воспитать прямого продолжателя собственного дела. Корелин, ближе всего стоявший к учителю, умер слишком рано, так и не успев по-настоящему реализоваться. В этой связи Цыганков предполагает, что если бы судьба Корелина сложилась иначе, и он стал бы ведущим профессором кафедры всеобщей истории Московского университета то, вполне возможно, что визитной карточкой московских «всеобщих» историков стала бы не социально-экономическая, преимущественно аграрная, а интеллектуальная история. Думается, что это сильное преувеличение. Автор не берет в расчет методологический контекст, в котором проходило развитие московских историков. Отнюдь не случайно, что почти все ученики Герье, несмотря на его колоссальный личный авторитет, пошли не по пути учителя, а увлеклись позитивизмом и «экономическим материализмом». А Корелин, интересовавшийся историей духовной культуры, явно не вписывался в эпоху и выглядел скорее «рыцарем печального образа». Трудно представить, что молодые ученые не поддались бы всеобщему увлечению, а пошли бы за ним.

Подводя итоги, автор делает вывод, что «школа Герье» относится к типу «научно-педагогических школ», функционирующих благодаря неформальным связям. Тем не менее, в тексте есть немало недоговоренностей и наблюдений, требующих дальнейшей разработки. Так, не очень понятно, является ли «школа Герье» частью «московской школы историков», и если да, то каково соотношение этих понятий. В книге можно обнаружить указания на то, что специалисты по истории России (С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский) сыграли не меньшую роль в формировании московской школы, в том числе в ее институционально-организационных формах. Тогда возникает резонный

вопрос о соотношении «русских» и «всеобщих» (как их называли в XIX в.) историков в сообществе.

Книга Цыганкова в очередной раз демонстрирует, что изучение московской школы историков, до сих пор ведущееся в традициях раздельного исследования специалистов по отечественной и всеобщей истории, должно встать на путь признания Московского университета как единого коммуникативного пространства, где и «русские», и «всеобщие» историки взаимосвязаны и оказывают друг на друга немалое влияние. Известно, что почти все ученики Ключевского посещали семинары Герье и Виноградова, на которых отработывалась методика работы с источниками и литературой. Совершенно не ясна роль филологов в развитии московской школы историков, а между тем она была, и немалая. Комплексное исследование исторической науки Московского университета позволит ответить и на терминологические вопросы: легитимно ли определение «московская школа историков»; школы Ключевского, Герье, Виноградова самостоятельные сообщества или часть большой школы (а может, сообщества?) и т.д. Таким образом, явно назрел проект, который бы объединил усилия специалистов по русистам и «всеобщникам» Московского университета второй половины XIX — начала XX века.

Как уже говорилось, отдельную часть издания составляет публикация воспоминаний Герье (публиковались частично), дневников Корелина (публикуются впервые) и их переписки. Частично эти источники уже издавались, но их концентрированная презентация производит совсем иное впечатление. Они не только позволяют в деталях проследить взаимоотношения ученика и учителя, их путь в науке, но и дает ценнейший материал по истории московского городского управления, Московского университета и становления высшего женского образования. Переписка Герье и Корелина помогает рассмотреть жизнь историков Московского университета в динамике, проследить многие перипетии личных взаимоотношений, профессорских «коалиций» и их взаимодействий с властью. Для специалистов по истории культурных связей большой интерес представляет описание Корелиным своей командировки в Европу.

К сожалению, слабой стороной публикации является археографическая подготовка источников. Автор-составитель почему-то не счел нужным предварить их археографическим введением, указав хотя бы время появления документов. Так, из книги трудно узнать годы написания воспоминаний Герье. Комментарии также сложно назвать исчерпывающими. Иногда они дублируются. Нередко комментарии по персоналиям внутри текста и справки в расширенном именном указателе наслаиваются друг на друга. Логичнее и удобнее для читателей был бы перенос всех сведений по персоналиям в расширенный именной указатель. Это избавило бы самого автора от необходимости делать в подстрочнике дополнительные и явно лишние отсылки к указателю. Более того, случается и так, что

в именном указателе дается правильная справка, а в подстрочнике неверная. Так, на стр. 285 Мельгунов ассоциируется с Петром Петровичем Мельгуновым, ботаником и педагогом. Хотя вероятнее, что это известный московский преподаватель истории Петр Павлович Мельгунов, сокурсник Ключевского. В именном указателе так и указано.

Но, несмотря на имеющиеся недостатки, книга, подготовленная Цыганковым, представляет несомненный интерес для специалистов по истории исторической науки и университетского образования. Она должна подтолкнуть исследователей к изучению «московской школы историков», а введенные в научный оборот источники станут для этого важным подспорьем.

В.В. ТИХОНОВ

Б.Л. ХАВКИН *Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера.* М. Алгоритм. 2014. 223 с.

Изданная в серии «Титаны и тираны» новая книга профессора РГГУ Б.Л. Хавкина посвящена человеку, имя которого слышал, наверное, каждый: Генриху Гиммлеру. И для каждого рейхсфюрер СС олицетворяет собой чистое зло, без теней и полутонов, убийственную машину воплощения в жизнь бредовых расовых фантазий нацизма. Но если остановиться на этой, в общем-то верной оценке ближайшего соратника Адольфа Гитлера, то легко можно впасть в распространенную ошибку, увидев в нем лишь монстра, гения зла. Однако Гиммлер родился, жил и умер как один из людей, а не потусторонних злодеев. Ему присущи были как сила, так и человеческие слабости. До того, как стать лидером самой одиозной нацистской организации, он вел достаточно обыденную жизнь. Что же произошло с совершенно обычным, на первый взгляд, человеком, чтобы он сыграл сугубо отрицательную историческую роль?

Ответ на трудный вопрос о превращении обыкновенного человека в чудовище и ищет в своем биографическом исследовании Б.Л. Хавкин. Он не впервые обращается к этой теме, однако до сих пор его исследования кон-

центрировались на отдельных эпизодах биографии Гиммлера, теперь же перед нами предстала целостная картина. Уже первая глава, посвященная анализу работ о жизненном пути и роли Гиммлера, фиксирует внимание читателя на «банальности зла», на сравнительно небольшом количестве монографий и статей о рейхсфюрере СС, что по сравнению с обилием литературы о других ведущих персонажах третьего рейха не может не удивить читателя. Несмотря на второе место в нацистской иерархии, Гиммлер ухитрился во многом оставаться в тени не только Гитлера, но и других представителей нацистской элиты. Огромная власть, которую он сосредоточил в своих руках, совмещая почти десяток важнейших партийно-государственных должностей, не являлась для него поводом для саморекламы — он сосредоточенно исполнял свои задачи, бравирюя лишь абсолютным послушанием фюреру: «Если Гитлер прикажет мне застрелить мою родную мать, я сделаю это и буду горд оказаным мне доверием» — заявлял он¹.

Хавкин приводит размышления историков на тему о роли и значении Гиммлера, отмечая, что просто лишь кровавым палачом или

слепым орудием фюрера он все же не был. Не был он и, как пытались его охарактеризовать многие современники, в частности, А. Шпеер, «взбалмошным дураком», «классической заурядностью». В историографии начинательницей этой линии можно считать известного историка и философа Ханну Арендт. С некоторой долей удивления Хавкин отмечает, что существует и «некритичная», альтернативная, если не сказать частично позитивная оценка личности Гимmlера, представленная даже на страницах российских изданий. Надо сказать, что сам Хавкин — один из первых российских ученых, обратившихся к столь тяжелой теме, как жизнь Гимmlера. Небольшой объем книги не позволил автору рассмотреть и, главное, подвергнуть развернутой критической оценке мотивацию исследователей, придерживающихся полярных точек зрения, но, тем не менее, читатель получает достаточно разностороннее представление о спектре мнений ученых.

Что касается источников, то автор указывает на малоизвестность российских архивных материалов, хранящихся в основном в архивах спецслужб, однако некоторые из этих документов представлены в его книге, что повышает ее научную ценность.

В своем исследовании Хавкин следует проблемно-хронологическому принципу изложения: на фоне биографического анализа жизненного пути рейхсфюрера СС он выделяет отдельные аспекты его деятельности. Сначала автор обращается к формированию и началу партийной карьеры в НСДАП внешне неприметного, физически немощного сына учителя богословия и домохозяйки, пытаясь понять, каким образом из «куриного фермера» родился «знаменосец пивного путча» и будущий фанатичный сторонник расовой теории нацизма. Поворотным пунктом на этом пути, по мнению Хавкина, явилось его назначение в январе 1929 г. главой нацистских «охранных отрядов» СС. Автор подчеркивает значение личностного момента и симпатий фюрера в карьере Гимmlера, без которых такое назначение просто не могло состояться, и приводит слова Гитлера: «Это по-собачьи верный человек» (с. 31).

Хавкин дает и общий экскурс в историю формирования расовой теории, фиксируя ее

элементы и источники, обращает внимание на принципы отбора в СС, задачи этой организации и методы ее работы. И пусть эта справка носит обзорный, достаточно поверхностный характер, читатель получает представление о том, чем, собственно, должен был заниматься Гимmlер как рейхсфюрер СС. «Германизация, геополитика, борьба за чистоту расы, геноцид — вот основное содержание деятельности рейхсфюрера СС» (с. 47). По такому принципу, с добавлением справочно-исторического материала, построена вся книга, что является одним из ее главных достоинств. Неискушенный читатель найдет здесь ответы на большинство попутно возникающих вопросов по истории национал-социализма, его идеологии и организаций. Автор постарался снабдить свою работу достаточным количеством иллюстраций. Наряду с этим хотелось бы отметить и другое очевидное преимущество работы Хавкина — простой и понятный язык, что повышает доступность книги для массового читателя, которому, собственно, она и адресована.

Перед нами предстает отталкивающий образ бывшего «маленького человека», не превратившегося в великого, но сумевшего сотворить так много великих бед, что в это даже трудно поверить. Вот только некоторые цитаты из книги: «Рейхсфюрер СС вникал во все вопросы оборудования концлагерей»; «Гимmlер был не просто убийцей... Он разглядывал собеседника словно хищник в засаде, стерегущий добычу»; «Генрих Гимmlер обладал лакейской душонкой»; «Гимmlер... был преступником широкого профиля — убийцей, грабителем, провокатором» (с. 40—41, 43—44).

Хавкин уделяет внимание наиболее одиозным сторонам деятельности Гимmlера, во многом так и оставшимся окруженными налетом тайны и мистики, однако автор не впадает в мистицизм, а приводит обширный фрагмент из допроса директора «Аненэрбе» В. Зиверса на Нюрнбергском процессе (с. 68—111), призванный показать «банальность зла» и антинаучный характер «глобальных» исследовательских проектов нацизма.

Портрет и жизненный путь Гимmlера обретают законченные черты в главе, посвященной его роли в плане «Ост», когда он получил все возможности для реализации своих орга-

низаторских мечтаний и расовых фантазий. Читая приведенные в книге «Замечания и предложения по генеральному плану “Ост” рейхсфюрера войск СС» (с. 113—128), трудно не согласиться с Хавкиным, что этот документ обладает страшной саморазоблачительной силой.

А дальше следует закономерный финал, озаглавленный автором «Как Гиммлер Гитлера предал». Ближайший сподвижник, не дававший и тени сомнения в своей преданности, оказался тем человеком, который, пользуясь огромным объемом власти и вытекающими отсюда возможностями, пытался за спиной Гитлера организовать переговоры с антигитлеровской коалицией, планируя сохранить третий рейх ценой устранения фюрера. Историк впервые представил подробный хронологический календарь этой деятельности Гиммлера в 1943—1945 гг., отметив, что Гиммлер не сомневался, что западные союзники по антигитлеровской коалиции будут с ним разговаривать.

В следующей главе Хавкин рассматривает не столь известные российскому читателю подробности ареста и бесславной смерти от яда бывшего рейхсфюрера СС в мае 1945 года. Эта глава сопровождается интересными архивными документами из коллекции ЦА ФСБ России, частично — в авторском переводе. Эта подборка, безусловно, является основным историко-ведческим достоинством книги.

Несколько неожиданной для читателя является последняя глава, в которой автор пытается реконструировать возможный приговор Гиммлеру на Нюрнбергском процессе. Еще раз перечислив основные «направления» преступлений этого человека, остановившись на структуре гестапо, СС, СД и их деятельности, автор подводит читателя к неизбежному скупому

выводу: «Мера наказания: смертная казнь через повешение» (с. 211). И даже это не стало бы искуплением его вины.

Книга Хавкина, наряду с серьезной документальной основой, имеет в основном научно-просветительские задачи. Ее стиль, понятная логика изложения могут заинтересовать широкий круг читателей, школьников, студентов, для которых это может быть первым обращением к одиозной личности Гиммлера. И в этом книга способна принести большую пользу, отвлекая от моря сомнительных публикаций на тему нацизма. Автор не претендует на серьезную разработку германских архивов, к сожалению, практически не использует в своей работе дневники самого Гиммлера, хотя упоминает некоторые его письма и речи, а также служебный календарь 1941—1942 годов. Литература, привлеченная автором, — это в основном русскоязычные и переводные работы. Все это можно и нужно объяснить ориентацией на широкую, в основе молодежную аудиторию. Единственно, что хотелось бы поставить в упрек, может быть, не столько автору, сколько издательству — это наличие досадных опечаток, как в тексте, так и в примечаниях, в которых просто не соблюдены правила орфографии немецкого языка. Тем не менее, хотелось бы еще раз подчеркнуть значимость работы Хавкина — одного из первых предметных исследований биографии Гиммлера в России.

Т.Ю. ТИМОФЕЕВА

Примечания

1. ПОДКОВИНСКИЙ М. В окружении Гитлера. М. 1981, с. 21.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

За научность и точность в исторических изданиях

В конце 2014 г. вышел в свет учебник истории, подготовленный авторским коллективом ученых из Казани под ред. Д.К. Сабировой и И.А. Гатауллиной. Книга издана столичным издательством «Кнорус» тиражом 1000 экземпляров.

Изучение данного труда показало, что при его создании авторы обоснованно исходили из того, что с учетом основных тенденций развития исторической науки, накопления новых знаний, возросшего общественного интереса к событиям прошлого, история России является неотъемлемой частью всемирного исторического процесса.

По своей структуре книга состоит из предисловия, трех модулей, включающих 17 глав, контрольные вопросы, планы семинарских занятий, рекомендуемую литературу, экзаменационные вопросы. При этом важную часть учебно-методических материалов составили творческие задания, имеющие целью развитие самостоятельного мышления обучаемых. Позитивным моментом является стремление авторов ознакомить студентов с теорией и методологией исторической науки, дать общую характеристику историческим источникам. Все вышесказанное можно оценить как позитивные результаты проделанной работы.

В целом рецензируемый труд находится в русле наших общих усилий, когда преподавание истории призвано способствовать

единению, консолидации народов Российской Федерации, формированию у молодежи ценностных ориентаций, направленных на воспитание патриотизма, гражданственности и толерантности. В этой связи исторически объективна и справедлива высокая оценка, данная авторами, исторической роли русского народа, Московского княжества, превратившегося в конце XV — начале XVI в. в самостоятельное централизованное государство, объединившего сотни мелких княжеств и отдельных народностей, судьбы которых надолго оказались связанными с Россией (с. 60).

Труд имеет гриф «Рекомендовано ФГБОУ ВПО «Государственный университет управления» в качестве учебника для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки 080100 «Экономика» (квалификация (степень) «бакалавр»). Регистрационный номер рецензии 241 от 04.06.2012 ФГАУ «ФИРО».

Отметим в этой связи, что учебник по истории — это учебно-научный труд, излагающий основы исторической науки и предназначенный для дидактических целей. В нем должны содержаться устоявшиеся, стабильные, точные, выверенные сведения из исторической науки, соответствующие действующей программе, принятому государственному образовательному стандарту. В учебнике должен содержаться базовый материал, разносторонне и целостно характеризующий пред-

мет; необходима последовательность изложения, обусловленная логикой изучаемого исторического материала; ясность и доступность текста, достигаемая за счет выбора оптимального стиля изложения и т.д.

К сожалению, приходится отметить, что данный труд не во всем соответствует этим высоким требованиям.

Так, структура и содержание книги недостаточно способствуют достижению поставленных авторами целей: формированию целостного представления об историческом процессе, о месте и роли России в нем. Это связано, в первую очередь, с неравномерным распределением объема учебного материала, значительная часть которого посвящена оценке общественно-политической и философской мысли различных эпох, характеристике политологических и социальных теорий «глобализации», «информационного общества» и др. В то время как Великой Отечественной войне, 70-летие Победы в которой отмечается в наступившем году, посвящено менее шести из 325 страниц книги.

Вызывают определенные сомнения и возражения некоторые авторские положения. Так, например, основную причину крушения Древнего мира авторы видят в экологической катастрофе, как следствии недопустимого увеличения антропогенной нагрузки на среду обитания, когда цивилизация вышла за экологически допустимые пределы (с. 41—42). Между тем, в исторической науке давно утвердилось и не вызывает возражений точка зрения, согласно которой рабовладельческий строй в процессе эволюции Древнего мира полностью себя изжил.

В свою очередь сомнительной представляется авторская оценка победы христианства над язычеством как культурной катастрофы (с. 42). Это мнение не подтверждается даже общеизвестными фактами.

Достаточно спорно утверждение авторов учебника относительно того, что нашествие монголов в Европу в 30—40-х гг. XIII в. дало старт крестовым походам в Прибалтику (с. 77), поскольку политика Запада по захвату северо-западных русских земель, насильственному обращению в католичество славянских, балтских и угро-финских этносов зародилась и осуществлялась задолго до ордынского на-

шествия на Русь. Так, первый из северных крестовых походов католических немецких, датских и шведских феодалов официально начался уже в 1193 г., когда Папа Римский Целестин III призвал к «христианизации» язычников Северной Европы — финских племен, славян, ливов, эстов, пруссов и др.

Используя при характеристике объединения русских земель выражение «так называемое возвышение Москвы», авторы учебника по сути подвергают сомнению главенствующую роль в этом процессе Московского княжества (с. 88). Вряд ли можно считать оправданной подобную ремарку, поскольку ведущая роль Москвы в процессе создания единого централизованного государства имела объективные причины, весомые субъективные условия и предпосылки.

Представляется спорным вывод авторов учебника, согласно которому приход хана Батыею окончательно построил Владимиро-Суздальское княжество в общую структуру Великого шелкового пути. Также вызывают серьезные возражения утверждения о том, что установившийся в XIII—XV вв. в северо-восточных русских княжествах своеобразный симбиоз власти московских князей и ордынских ханов фактически не противоречил политической практике Владимиро-Суздальской земли, а ордынские ханы при поддержке великих владимирских князей, а потом и великих московских князей стали восприниматься как единственные верховные правители русских земель (с. 85—86). Данная точка зрения не учитывает векового стремления русских княжеств добиться полной политической и экономической независимости от Золотой Орды, которая и была достигнута во второй половине XV века.

Говоря о петровских реформах, авторы рассматривают их как «самовестернизацию» страны (с. 132—135). Однако это понятие, примененное А. Тойнби к истории США, не охватывает всей самобытности и уникальности проведенных реформ в России в первой четверти XVIII века.

Вряд ли можно согласиться с утверждением авторов о том, что во второй половине XVIII в. в России завершилось становление свободного предпринимательства в торговом-промышленной сфере, основанного на наемном труде и ориентированного на широкий

рынок (с. 138), поскольку такое положение в российской экономике начало складываться только после отмены крепостного права и проведения других реформ эпохи Александра II.

Утверждается, что английская разведка являлась организатором убийства в марте 1801 г. императора Павла I (с. 177). Не отрицая влияния на это событие внешнеполитических факторов, заметим, что, как свидетельствуют документы и исторические исследования, убийство Павла I явилось следствием, в первую очередь, внутренних причин, результатом заговора — дворцового переворота, инициированного и осуществленного правящим классом — дворянской верхушкой российского общества.

Также представляется достаточно обедненной характеристика российской экономики последнего десятилетия XX столетия, как «олигархического капитализма», поскольку это понимание не охватывает всего сложнейшего спектра политических и социально-экономических отношений того периода (с. 279—283).

Книга, адресованная студенчеству, написана не всегда понятным языком. Зачастую она перегружена терминами, понятиями, доступными лишь профессионалу-обществоведу. К ним относятся, например, следующие: «противопоставление мультикультурализма и тотальной интеграции», «специфика институциональной системы», «системостратегическая модель Востока», «развитие социальных систем по бифуркационному сценарию», «история обладает провиденциальной разумностью» и некоторые другие.

И совсем уж, по-видимому, поставит студента в тупик такой пассаж: «Переосмысление исторической реальности представляется на основе решения двух взаимосвязанных задач: 1) выработки стратегии коэволюции общества и природы, выраженной в запрете тех видов деятельности, которые несовместимы с существованием человечества как экологического императива; 2) осуществления на диалогической основе взаимодействия различных культурных традиций, изменения мировоззрения людей в сторону общечеловеческих ценностей как нравственного императива. Предполагается, что это позволит человечеству обрести новый тип историчности, когда концепция глобальной истории вытеснит тео-

рию “всемирной истории”, а доминирующей станет идея планетарного единства человечества с признанием самобытности локальных социоприродных систем» (с. 24).

Совершенно неприемлемым с точки зрения современной государственной социальной политики, направленной на укрепление семьи как важного социального института, выглядит такое утверждение авторов учебника: «... семейные связи нередко мешают самореализации индивидов. Это, в свою очередь, приводит к разрушению традиционных представлений и созданию новых форм социальных связей» (с. 301).

В учебнике имеют место и досадные ошибки, неточности, опечатки. Например, на стр. 90 говорится о победе Тевтонского ордена в Грюнвальдской битве. На самом деле польско-литовско-русские войска 15 июля 1410 г. разгромили вооруженные силы тевтонов. Составитель «Синописа» (1674 г.) архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий (Гизель) ошибочно назван архиепископом (с. 26). Утверждается, что А. Линкольн был первым президентом США (на самом деле — шестнадцатым) (с. 140). Совершенно не ясно, какие события авторы относят к названному ими «общерусским» восстанию 1260 г. (с. 86). Наверное, имелось в виду, что в 50—60-е гг. XIII в. дань с северо-восточных русских княжеств собирали мусульманские купцы — «бессермены», откупавшие это право у великого монгольского хана. В результате народных восстаний 1262 г. в северо-восточных русских городах «бессермены» были изгнаны.

На стр. 88 говорится о «посадкой» общине, на стр. 102 вместо 1612 г. ошибочно указан 1642 год. На стр. 210 «Германо-советский Договор о дружбе и границе между СССР и Германией» неточно назван как «Договор о дружбе и границах между СССР и Германией», а Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» — как Постановление Верховного Совета СССР (с. 200). На стр. 224 говорится о том, что «война превратилась в антифашистскую».

Авторы пишут, что 1944 год вошел в историю Великой Отечественной войны как «год

салютов» — каждая победа Советской Армии с августа 1944 г. начала отмечаться салютами (с. 221). Однако является общеизвестным историческим фактом, что первый артиллерийский салют, в соответствии с приказом Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина № 2 от 5 августа 1943 г. «Об овладении городами Орел и Белгород», был дан в Москве 5 августа 1943 г. в честь освобождения советскими войсками этих городов — «городов первого салюта». Всего же по подсчетам историков в 1943 г. было произведено 55 салютов.

И, наконец, представляется чрезмерным и в ряде случаев недопустимым увлечение авторами учебника литературно-публицистическими сочинениями псевдоисторической направленности.

К ним относятся, например, так называемая «Гиперборейская теория» и другие, не менее экзотичные околонуточные исторические концепции, повествующие о прародине человечества — гиперборейской цивилизации, находившейся на севере России, в акватории Ледовитого океана, гиперборейских истоках индоевропейцев, ариев и славянского этноса, расположении Атлантиды в районе Аляски, об участии славянских племен в Троянской войне и др. Авторы считают возможным, что Берингов пролив являлся в далекой древности Геркулесовыми столбами, а многие уцелевшие после вселенского потопа жители Гипербореи и Атлантиды смогли перелететь в другие страны на первобытных летательных аппаратах и обосноваться на иных континентах (с. 28—45).

Еще раз подчеркнем, что в исторической науке подобные произведения оцениваются в целом как лишённые научной, исторической основы. Ряд отмеченных выше авторских исторических оценок к сожалению основан и на

интерпретировании, пересказе самиздатской литературы, популистских теле- и радиопередач. Поэтому тиражирование в учебной литературе изложенных и пропагандируемых в них взглядов и концепций, призывы авторов учебника для вузов на этой основе «... переосмыслить не только отечественную историю, но и историю мира...» (с. 45) — вызывают весьма сильную озабоченность и тревогу.

Авторы книги также считают авторитетными, научными и полностью достоверными историческими источниками и другие сочинения, основанные, главным образом, на легендах, исторических мифах. Среди них, например, особо выделено широко известное сочинение XVII в. «Сказание о Словене и Русе и городе Словенске»; аналогичные современные труды, повествующие об эпических предках русского народа — Русе, его брате Словене, Столпосвяте и Буриное, Рюрике — внуке Гостомысла и др. (с. 43—44).

Исходя из всего вышесказанного, рецензент еще раз укрепился в своем мнении относительно того, что качество издаваемой учебной исторической литературы находится в настоящее время на невысоком уровне.

Поэтому разработка и практическое внедрение концепции нового учебно-методического комплекса и создание на его основе базовых учебников и программ по отечественной истории необходимы не только для средних общеобразовательных учебных заведений, но и для высшей школы. Хотелось бы также повысить ответственность вузов, рецензентов за качество выдаваемых заключений, рекомендаций и отзывов.

*Половецкий Сергей Дмитриевич,
доктор исторических наук, профессор
Московского института открытого
образования*

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский,
В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 5, 2015

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25. 04. 2015. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1600. Заказ 383-2015. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2015 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

*Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21*

В И
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**